

ЭФФЕКТ

ЕЁ ЛЕПЕСТКИ
ОСТРЕЕ ЛЕЗВИЯ

ЛОТОСА

От автора "Дуэта Тьмы и Безумия"

Триша Вольф

Лэйкин Хейл, автор детективов, основанных на реальных событиях, и жертва нападения, в результате которого она едва выжила, помогает детективам и жертвам преступлений раскрывать «висяки». Но есть одно дело, которое она не смогла разгадать: свое собственное.

Когда она приступает к новому расследованию в тесном сотрудничестве со специальным агентом Рисом Ноланом, то с ужасом обнаруживает, что убийство во многом схоже со случаем, который чуть не оборвал ее жизнь. Во снах ее преследует силуэт мужчины, но в ту ночь там было лишь два человека — Лэйкин и убийца. Неужели призрачный герой, который вытащил ее из воды, привиделся ей? Или он единственный, кто может разблокировать ее темные воспоминания?

Погребенная в водяной могиле среди лотосов жертва взывает к Лэйкин, отчего на поверхность всплывают болезненные воспоминания о том, что было украдено у девушки в ту роковую ночь. И теперь пришло время виновным в этом ответить за свои грехи.

Перевод: Sammy

Сверка: helenaposad

Бета-коррект: Султана

Редактор: Amelie_Holman

Оформление: Skalapendra

— *Есть грязь, а есть лотос, который вырастает из грязи.*

Тхить Няп Хань

Пролог

Перерождение

Лэйкин

Я помню, как сверху лилась вода. Волны мерцали под серебряным светом, словно смотришь экран в кинотеатре, где заело пленку. И теперь проекционная лампа медленно ее прожигала.

Жизнь замерла, остановилась. Ткань времени трещит по швам.

Позже невролог скажет мне, что моя нервная система отключилась. Мой разум, лишенный кислорода, породил вспышки света, мерцающие перед глазами, как это бывает прямо в момент смерти.

Той ночью не было луны.

Было лишь озеро, растительность и мое тело.

И он.

Когда Мрачный Жнец схватил мою душу, сквозь блики я увидела его темный силуэт среди мерцающих волн. Он проник рукой сквозь толщу воды и вытащил меня из темной глубины.

Призрак. Плод моего воображения.

Там не было никакого мужчины.

Лишь парящие цветы лотоса, их стебли сплетаются с моими волосами, путаются в ногах и тянут на дно озера.

Здесь была лишь моя смерть.

Глава 1

Книга Челси

Лэйкин: Тогда

Мне снилась моя смерть до того, как это произошло.

В промежутках между зубрежкой перед выпускными экзаменами и сбором вещей к весенним каникулам у меня бывали проблески. Мимолетные фрагменты, обрывки сна, которые казались такими сюрреалистическими. Я забывала абстрактные картинки так же быстро, как они появлялись.

Это был всего лишь сон.

Затем, однажды, когда наши сумки от Луи Виттона стояли возле двери из красного дерева, а я уже сжимала паспорт в руке — потому иначе я бы наверняка о нем забыла — это случилось.

Я умерла.

Прямо там, в подъезде красивого дома в испанском колониальном стиле.

Я до сих пор помню тошнотворную кислоту, от которой скрутило мой желудок. Отвратительный привкус во рту, когда маслянистая рвота подступила к горлу.

Я не могла перестать смотреть на ее волосы. Как у ангела, ее платиново-светлые локоны были закручены, как белое золото, окутывая загорелые плечи солнечным ореолом вокруг ее идеальной фигуры.

— Я беременна.

Эти два слова взорвали мой мир. Два маленьких слова, которые, будучи в одном предложении, изменили ход моей жизни.

Я могла только смотреть на нее. *Мне это приснилось...*

— Я просто подумала, что ты должна знать, — она скрестила руки на груди, приподняв пышную грудь к тонкому горлу.

Той ночью, во время битвы, которая позже приведет меня к краху, мне стоило дать волю чувствам, излив всю ярость и яд, переполнявшие меня, но в тот момент я могла лишь тупо пялиться, земля под моими модными туфлями покачнулась.

Я смотрела, как она, покачивая бедрами, уходит вниз по улице.

Меня охватило чувство дежавю. Сквозь ступор вспомнились обрывки сна.

Я знала, что это должно было случиться.

Конечно, это не было пророчеством. Может, в некотором смысле предчувствие. Когда подсознание дает тебе подсказки. Из всех сил стараясь раскрыть истину. Но наши бодрствующие умы слишком упрямы, чтобы принять ее.

Дрю, мой профессор психологии, единственный мужчина, которого я когда-либо любила, заделал ребенка одной из своих студенток.

Я рухнула на мраморный пол фойе.

Я никогда не чувствовала себя так близко к смерти, как в тот момент. Желая, чтобы мир разверзся и поглотил меня, чтобы положить конец этим унижениям и страданиям.

Я должна была догадаться. Я слышала это все время...

Будьте осторожны в своих желаниях.

Глава 2

По ее следам

Лэйкин: Сейчас

Новая глава:

«Говорят, что лотос символизирует чистоту. В буддизме цветок лотоса почитается, его ценность упоминается во многих пословицах и метафорах. Гаутама Будда часто говорил о том, как лотос зарождается в грязном иле и сквозь мутную воду поднимается ввысь, чтобы незапятнанным расцвести на поверхности.

Ботаник и специалист по лотосам Томас Райкер объясняет эффект лотоса с научной точки зрения, описывая его свойства самоочищения. Раскрываясь каждое утро, лотос очищает себя от грязи и пыли, песчинки вместе с росой скатываются с его листьев. Благодаря своей текстуре листья лотоса приобретают гидрофобные свойства — отталкивают воду.

Я могла бы углубиться в детали, рассказывая о годах исследований, посвященных этому замечательному цветку. Я также могла бы описать то, что узнала на собственном опыте: ощущение шелковистых лепестков при погружении, то, как стебли цепляются за волосы. Что, несмотря на красоту, развернувшись на поверхности, под водой царит темный, пустынный и безжизненный мир теней. Там, где как ноги паука сплетаются стебли, попав в которые, нельзя вырваться. И как бы яростно вы ни боролись, вы останетесь там, погребённые навечно».

По коже ползут мурашки, и я нажимаю Enter, чтобы начать с новой строки.

«Какая ирония, они красивы на поверхности, но стоит заглянуть поглубже, и ты ужаснешься.

Можно одновременно любить что-то и бояться».

Я прекращаю печатать и движением мышки перелистываю одну страницу документа на другую. И еще раз. Назад и вперед.

На моем ноутбуке открыты два документа. Два незавершенных романа. Один я не могу закончить уже много лет. Другой — совершенно новый и представляет собой лишь пустую страницу.

Пальцы нащупывают резинку вокруг запястья. Размышляя, я провожу подушечками пальцев по полоске, а затем возвращаюсь к предыдущему документу и продолжаю.

«Я вспоминаю пословицу — хотя я не помню, кто мне ее рассказал — в которой говорится, что знание рассеивает страх. Мы трепещем от ужаса только потому, что мы не понимаем, чего боимся. Что, приподнимая завесу тайны, мы убиваем наших демонов.

В этом моя единственная надежда, поскольку я стараюсь быть такой же чистой, как прекрасный лотос, что преследует меня».

Это самое поэтичное, что я могу выдать на эту тему. Я предприняла немало попыток описать лотос, что он для меня значит, поскольку никакая научная статья не сможет сделать это в должной мере. И каждый раз я терплю неудачу. И, честно говоря, моя проблема в описании того, что для меня значит лотос, заключается не просто в выборе слов.

Меня сдерживает жгучий стыд.

По правде говоря, я не ботаник. Я не ученый. И, к сожалению, так как я так и не окончила университет, я даже не психолог.

Я автор, который пишет о реальных преступлениях.

И как писатель, я обладаю определённой свободой творчества. Я превращаю вполне реальные жизни людей, их переживания, их боль и печаль — то, от чего я научилась защищаться, — в историю. Читатели хотят правды. Но они также хотят чуточку художественного вымысла.

Благодаря этому продаются книги.

Мой издатель продает много книг.

Слово «дедлайн» стало для меня самым ненавистным.

Я говорю себе, что это именно дедлайны мешают мне закончить свою собственную историю, раскрыть свою собственную тайну... но с каждым разом проглотить эту ложь все труднее.

Глубоко вздохнув, я переключаюсь на новый документ.

Убийство Делани. «*В чем загадка?*» — спрашиваю я пустую страницу.

Я откидываюсь на спинку своего кресла на колесиках и смотрю на экран. Белая страница с маленьким мигающим курсором словно насмехается надо мной. Я не верю в творческий кризис. Это всего лишь плохое оправдание, на которое ссылаемся мы, авторы, в то время как простая истина заключается в том, что мы потеряли воображение.

Нет, это не кризис — просто я отвлеклась.

«*Это не моя история*».

Чтобы сплести историю вокруг убийства Делани, нужны все кусочки. А у меня их нет. Еще нет. На данный момент отсутствует элемент человечности. Какой-то аспект касательно жертвы или даже убийцы, раскрывающий их.

Хорошо. Если нет, значит надо придумать.

«*По ее следам*» — первая книга о расследовании ужасного убийства Делани и о женщине, стоящей за этой тайной...»

Я пишу еще в течение получаса, заполняя три страницы психологическими терминами и грубыми, сухими подробностями о месте преступления. Потому что, хотя это все, что у меня есть на данный момент, мне нужно с чего-то начать. Еще до того, как у меня появятся факты, прежде чем я полностью погружусь в расследование, мне нужно бегло описать свои впечатления, именно на их основании читатели составят свое первоначальное мнение о жертве.

Я делаю это, потому что мой редактор говорит, что мне нелегко общаться с людьми. Таким образом она вежливо пытается сказать, что это людям трудно общаться со мной. Она утверждает, что я хорошо пишу, но истории не хватает эмоций. Что мои первые наброски носят скорее формальный характер, а рукопись не позволяет сопереживать героям.

По крайней мере, таковы были слова моего редактора, перед тем как она отправила мою первую книгу в шредер. Полагаю, это был верный шаг, потому что в итоге роман попал в список бестселлеров.

Иногда, когда я читаю ее заметки, то чувствую себя обманщицей.

Например: «*Больше подробностей о прошлом жертвы*».

Или: «*Копни глубже — дай нам неприкрытые эмоции*».

И так далее, и так далее.

И тут возникает вопрос о том, должен ли автор-документалист вплетать себя в повествование. Я задавалась этим вопросом с самого начала, когда только пробовала себя в сфере детективов, основанных на реальных событиях. Каждый писатель — будь он

документалист, или фантаст — переносит на страницы частичку себя. Этого невозможно избежать. Мы погружаемся в наших персонажей, диалоги, прозу. Мы словно воришка вползаем на сцену, надеясь, что никто не заметит.

Но насколько мы должны влиять на историю? Я воспринимаю это как ходьбу по натянутому канату. Будешь высказывать свое мнение слишком часто, и нас сочтут снисходительным. Будешь излагать бесстрастно, и нас назовут претенциозными, скучными или, что еще хуже, банальными.

Поэтому я отвечаю своему редактору: *автор не может быть частью рассказа.*

Тем не менее, для того чтобы книга получилась жесткой и честной, в ней должно быть видно автора. Откровенно и без прикрас. Выставленного напоказ. Уязвимо. Он должен красной нитью проходить по узору истории.

Я завидую тем, кто может с легкостью продемонстрировать этот талант.

Вытянув шею, я массирую триггерную точку, а затем снова кладу пальцы на клавиатуру. «Копни глубже». В моей памяти все еще свеж совет редактора, и я пишу лучшее вступление, на которое способна, учитывая мой ограниченный эмоциональный диапазон.

«Это правда от лица жертвы.

Когда ее кровь окрасила мутную воду, боль рассекла внутренности, а холод сдавил грудь. Ледяная вода наполнила легкие».

Мои пальцы замерли над клавиатурой. Я перестаю печатать.

Показалось ли жертве вода холодной?

В памяти всплывает мимолетное воспоминание и тут же исчезает. Жестокое поддразнивание. Пытаться удержать внезапную вспышку из прошлого — все равно, что пытаться поймать рыбу голыми руками. Мой разум знает, что воспоминание вызовет боль, поэтому быстро избавляется от мысли. Бросив рыбу обратно в озеро.

Озеро.

Снова воспоминание, в голове появляется картинка плавающего лотоса.

«Ты не принадлежишь этому месту».

Проклятье. Я уже третий раз пытаюсь начать эту книгу, и каждый раз прошлое поглощает меня. Вот почему на ноутбуке открытый файл *книги*. Вот почему я не могу перестать переключаться между документами.

Смерть Делани слишком похожа.

Я должна была отказаться от этого проекта.

Я щелкаю резинкой о запястье, сосредотачиваясь на различиях между преступлениями. На месте убийства Делани не было никаких лотосов. Я проверила. Это первое, на что я обращаю внимание, когда ко мне на стол попадает случай с утопленником.

Дело Делани — первое, в котором фигурирует утопление, и на которое я согласилась.

«Мы не обязаны брать это дело...»

Специальный агент Рис Нолан сказал мне это две недели назад, и в то время я ответила: «Если не мы, то кто?»

Теперь я задаюсь вопросом, имел ли он основания беспокоиться. Может быть, место действия действительно развернулось слишком близко к дому. Труп жертвы обнаружили плавающим у берега озера. Ее зарезали. Утопили. Всего лишь в сотне миль от моего места преступления.

Нужно быть совсем равнодушной, чтобы не почувствовать связь — не увидеть связь.

Но я забегаю вперед. Ищу шаблон там, где его нет.

Согласно заключению судмедэксперта, жертва получила восемь ножевых ранений. От грудной клетки до области таза. Эти сходства вызывают тревогу, но Рис сразу указал бы на различия. Самое большое из которых заключается в том, что на ее груди не было боковых разрывов.

Что касается отсутствия белых лотосов... Пейзаж места преступления ни о чем не говорит, главное — это «почерк» или мотив. Способ убийства. Виктимология.

Все это я тщательно изучила, прежде чем взяться за поиски своего убийцы. Я перебрала все параметры.

Несмотря на мою острую неприязнь к методам, не имеющим под собой научного основания, я даже обращалась к толкователю снов. Чтобы узнать, сможет ли он освободить мои подавленные воспоминания. Конечно, ему это не удалось. Мои сны не были предостережением. Они были вызваны страхом — страхом потерять Дрю.

Я не верю в предзнаменования.

В разные моменты нашей жизни прошлое и настоящее соприкасаются, словно изогнувшаяся травинка. События повторяются. Проживаются сцены, увиденные во сне. Некоторые называют это дежавю. Или опыт прошлой жизни.

Я поняла, что, если постараться, то можно найти объяснение всему.

Это феномен Баадера-Майнхофа, иллюзия частотности. Мой разум пытается найти шаблоны, потому что так устроен. После нападения я повсюду видела белые лотосы. Они преследовали меня.

Конечно, я жила во Флориде. Феномен или неизбежность?

Очевидно, я не сентиментальна. Я не верю в судьбу или совпадения, и могу объяснить большинство явлений. Например, что я раньше просто не обращала на них внимания. До тех событий белый лотос не имел для меня никакого значения. Вот так просто.

Поэтому я взялась за новый квест. Узнать. Осветить. Раскрыть тайну. Если не для меня, то для других — разгадать загадку и закрыть дело.

Так я и занялась написанием книг. Документирование расследования — самое приближенное к реальности действие, доступное мне.

Я встряхиваю руки, выдыхаю.

— Это не моя история. — Я буду продолжать твердить эти слова. — Главное, найти убийцу жертвы. — *А не моего.*

Потому что это недостающая часть, связь. Кусочек паззла, который в конечном итоге встанет на место, давая чувство завершенности. Мира.

Я начинаю новый абзац.

«Как он выбрал ее?»

Связь убийцы с жертвой всегда остается загадкой... пока ее не разгадают. Как и концовка почти любой истории, она никогда не бывает оригинальной. Не то место, не та девушка. Какая еще причина могла быть у кого-то, чтобы забрать Джоанну Делани из этого мира таким жестоким способом?

Мы с Рисом свяжем убийцу с жертвой. Неважно, насколько незначительная, но связь есть всегда. Возможно, до этого их пути никогда не пересекались, а возможно, они виделись каждый день. Независимо от того, где начинается лабиринт, теперь и убийца, и жертва связаны на ином уровне. Они связаны таким образом, который большинство людей никогда полностью не поймут.

Эта мысль поглощает меня, и я смотрю на экран, на самом деле не видя его. Он дрожит

по краям, и я сильно зажмуриваюсь. Тру глаза.

Вспышка его руки, тянущейся сквозь воду... и опять все исчезло.

На этот раз я ставлю ноутбук на деревянный пол и подхожу к заваленному бумагами столу, схватив лист из лотка принтера.

Я делаю набросок контура цветка, стебля, опускающегося в глубину словно извивающееся щупальце. Я вспоминаю, как в то мгновение подумала, какая это редкость — увидеть красный лотос. Конечно, он не был красным. Белый цветок в воде, окрашенной моей кровью, смертельный фильтр, замутнивший воду.

Моя рука застывает над очертаниями мужчины, черты его лица стерты. В висках начинает стучать, когда я напрягаюсь, чтобы вспомнить...

Ничего.

Иногда, когда это воспоминание всплывает во сне, я вижу лицо офицера Даттона. Первый человек, которого я увидела, когда я проснулась в больничной палате. В других случаях это Дрю, мой профессор в колледже и бывший парень. Лицо приобретает разные черты разных людей из моей жизни, всегда неуловимые.

Я чертыхаюсь и откладываю карандаш.

Сегодняшний день ничем не отличается от других.

— Просто еще один день, — говорю я вслух второму живому существу в моем маленьком доме.

Лилли потирается о ножку кресла, обвив ее длинным хвостом. Полностью черная кошка с маленьким розовым носиком. В течение первого года *после* случившегося я не могла выносить тишину. Будучи котенком, Лилли поднимала шум и гам, вдыхая жизнь в мое совершенно мертвое существование.

Выздоровев физически, я обратилась за психологической помощью. Еще одна попытка освободить воспоминания о той ночи, которая оказалась бесполезной. Все, о чем хотел поговорить психолог, — это мои чувства и механизмы выживания. Совершенно бесполезно в моем случае.

Тем не менее, доктор Лорен сказала одну вещь, которая нашла во мне отклик: *мы все связаны*.

Из-за этого я часто представляю себе, что все люди из моего прошлого сплелись как эти жилистые стебли, погребенные на дне озера. Связанные в этом темном подводном мире. Секреты, попавшие в ловушку.

В которой я их заперла.

Я поднимаю взгляд, мельком взглянув на доску убийства. Невротическая привычка, появившиеся с тех пор, когда у меня появилась одержимость своим делом. Некоторое время назад я накрыла доску простыней, чтобы скрыть имена и обуздать манию.

За всю свою жизнь я, так или иначе, пересеклась с множеством людей. Это стало проблемой, наряду с моей полустертой памятью. Исследование человеческой природы привело меня к квесту, где я изучала людей и что меня связывало с ними до того события. Вот почему я начала *Книгу*.

Сначала я усердно работала над своим делом, чтобы докопаться до истины.

Я много думала о Дрю. Как его действия привели к той ночи. Была ли моя юная, наивная любовь к моему профессору психологии катализатором, или он играл в произошедшем более главную роль?

Или, может, Челси была первой опрокинутой костяшкой домино. Ее появление с

известием о беременности привело меня прямо в руки убийцы.

Спустя почти четыре года, я ни на миллиметр не приблизилась к ответам на эти вопросы, как и детективы четыре года назад.

Я пришла только к одному выводу. Жизнь — это запутанная сеть людей и их действий.

И мы все виновны.

С ноутбука раздаются трели, оповещающие о входящем звонке Скайп. Я закручиваю волосы в пучок и усаживаюсь в кресло, положив ноут на колени. На экране висит изображение Риса.

Я принимаю звонок.

— Хейл, как продвигается дело Делани?

Без приветствия. Без формальностей. Это мне и нравится в агенте.

— Ну, свидетельские показания в лучшем случае поверхностны. — Я положила ноутбук на скамеечку для ног и подняла с пола папку, начав перебирать страницы. — Если честно, они были такими даже год назад. Конечно, я опросила по телефону выгульщика собак и соседскую пару, представившись «журналистом-расследователем», поэтому возможно, если к ним обратится более авторитетное лицо из правоохранительных органов, дело пойдет лучше.

— Хорошо. Договорились, — согласился Рис. — Ты уже связалась с матерью?

Я отрываю взгляд от отчетов. Нет смысла оправдываться: для Риса я словно открытая книга.

— Нет. Я бы предпочла, чтобы это сделал ты.

Он подносит экран телефона ближе к себе, чтобы я смогла лучше его разглядеть.

— Я хочу, чтобы тебе было комфортно разговаривать с членами семьи, — говорит он. — Ты должна преодолеть неприязнь.

— По сути, это не неприязнь, — я украдкой щелкаю резинкой на запястье, чтобы он не увидел. — Я знаю свои возможности. Семейные разговоры — это слишком.

— Да, ты права. Эта твоя привычка нервно откашливаться действительно действует людям на нервы.

Я сардонически ухмыляюсь.

— Вот спасибо.

Он улыбается.

— Это же ты ценишь честность. Я с радостью скормлю тебе лестную ложь.

Я качаю головой и продолжаю.

— Возможно, что они кого-то упустили? — под «они» я имею в виду детективов, назначенных для расследования убийств по делу Делани год назад.

Он изгибает бровь. Он чертовски привлекателен, полностью соответствуя стереотипам о брутальном агенте ФБР. Если бы он не заботился так сильно о раскрытии дел и исправлении ошибок, он мог бы сняться в своем собственном телешоу об уголовном правосудии.

— Это всегда возможно, — подтверждает он. — Мне придется самому обойти всех соседей и наведаться на место работы. — Он долго выдыхает. — Это много человеко-часов.

Быстро, надеясь, что он не заметит, я оглядываю пустой, если не считать Лилли, дом. — Я могу быть там сегодня вечером. Мои человеко-часы стоят всего ничего.

Он выдает свой самый презрительный взгляд. Федеральное бюро расследований компенсирует затраты на переезды, но именно Рису приходится заполнять безбожно

большую пачку документов.

— Я мало что смогу сделать из Миссури, — добавляю я. — Нам действительно нужно снова всех опросить и выяснить, не пропустили ли местные копы что-нибудь в первый раз. — Как это, да не в обиду будет сказано, обычно случается с полицейскими маленького городка. Все дело в политике. Недостаточно людей, недостаточно средств, для расследования такого убийства.

Рис уступает.

— Это может занять максимум неделю, — на его лице мелькает выражение сочувствия и он, наконец, говорит о том, что его реально беспокоит в этой поездке. — Это Флорида, Хейл. С тобой все будет в порядке?

В голове снова всплывает картинка покачивающихся лотосов, но я ее подавляю. Заставляю вернуться в темную глубину, из которой они пришли.

— Все будет хорошо. Кроме того, Флорида — большой штат. Западный Мельбурн находится примерно в сотне миль от всего этого.

Все это.

Мое убийство. Моя смерть.

Так и не пойманный убийца.

Рис обеспокоенно кивает.

— Тогда договорились. Увидимся вечером. Будь осторожна.

Я быстро собираюсь. Бронирую билет, заказываю такси и звоню пожилой соседке, чтобы узнать, сможет ли она присмотреть за кошкой. Она сможет, и поэтому я глажу Лилли на прощание и ухожу, как раз, когда солнце скрывается за горизонтом.

В аэропорту я перебираю ключи, ожидая посадки на рейс. Крутя серый брелок вокруг кольца, я смотрю на USB-флешку, которую держу на цепочке для ключей. Незаконченная рукопись — *книга* — зашифрованная в цифровом коде. Она постоянно находится со мной. После того, как мой случай признали «висяком», я подумала, что, если не смогу раскрыть свое убийство, то хотя бы могу рассказать свою историю. Рассказать и забыть. Очистить лепестки, как лотос.

Но, чем больше я думала о той ночи, тем больше понимала, как мало у меня фактов. Хуже того, мои воспоминания так и не восстановились. Память превратилась в лоскутное одеяло из грустных и жутких моментов, которые привели к тому событию.

То событие.

Мой редактор права. Я даже сама *от себя* дистанцируюсь, когда говорю о жестоком нападении, которое оборвало мою жизнь на шестьдесят семь секунд.

Таким образом, я не смогла закончить свою историю, потому что понятия не имела, почему меня выбрали целью и кем был преступник. Вместо этого я погрузилась в криминальные романы, основанные на реальных событиях, и читала чужие истории. Тихо радуясь за остальных жертв, чьи дела закрыли.

Завершение. Я жаждала этого.

Это побудило меня начать собственное расследование других нераскрытых дел, и цифры были ошеломляющими. По статистике, треть убийств остаются нераскрытыми. Телевидение и кино заставляют общественность поверить в обратное.

И, может быть, это не так уж и плохо. Потенциальный убийца дважды подумает, прежде чем совершить преступление, если он или она посчитает, что это не сойдет им с рук.

Однако к нападшему на меня это не относится.

Этот человек застал меня в момент уязвимости и слабости.

В груди расцветает знакомая боль. Вызванная мыслями мышечная память о порезанных связках и костях. Раны зажили, но разум не позволит мне забыть. Фантомная боль, пробуждаемая беспокойством, стрессом. Злостью.

Вероятно, это самая главная причина, по которой я не могу раскрыть свое дело. Я слишком эмоционально связана с ним. За то время, что мы с Рисом работали вместе, я помогла раскрыть шесть «висяков». Один из них стал романом-бестселлером. Через шесть месяцев выйдет еще один. Но стоит мне заглянуть в прошлое, я словно надеваю шоры.

Чем я ближе к Флориде, тем сильнее становится боль. Привет из моей прошлой жизни.

Добро пожаловать домой.

Глава 3

Книга Челси

Лэйкин: Тогда

Он хотел ее в той же степени, в какой я хотела быть ею.

Зависть — сильная и изнуряющая эмоция. Тормозящая и всепоглощающая. Ревность может превратить вас в изуродованное существо, склонное к самоуничтожению. Хотя в то время я чувствовала себя бессильной, словно чем крепче я держала, тем быстрее все тонкими струйками ускользало сквозь пальцы.

Я теряла Дрю.

Я видела это в его глазах. Когда он посмотрел на нее, назвал по имени. Он желал ее.

А я желала быть на ее месте. Сидя в трех рядах позади Челси, я расположилась так, чтобы видеть, как она отбрасывает свои светлые волосы, жует кончик ручки, как у ее висков появляются морщинки, когда она смеется над его шутками.

Она была фантазией любого мужчины. И кошмаром любой женщины.

Но это вышло за пределы ревности — я жаждала узнать больше... заглянуть под маску, которую она демонстрировала другим, и сорвать ее. Заглянуть внутрь и узнать, как она устроена. Как ей удавалось казаться такой открытой, заставляя всех вокруг одновременно любить ее и ненавидеть, бояться быть отвергнутым.

Она была моей полной противоположностью.

Я поступила в Университет Центральной Флориды, получив стипендию. Ее богатые родители сделали пожертвование. Я была на одном конце спектра, а она на другом — гораздо ближе к Дрю. Его семья пользовалась большим уважением, и знала, что его докторская степень, в конце концов, выведет его на тот уровень, когда ему больше не придется преподавать.

Я специализировалась в психологии. Учась на последнем курсе, Челси просто посещала лекции. Дрю сказал, что если я не перестану сравнивать себя с ней, то сойду с ума. Между ними ничего не было. Я все выдумала. Она была не в его вкусе. Он сделал ей комплимент, потому что их семьи вращались в одних кругах. Он должен быть вежливым. Кроме того, она — его студентка.

«Как и я», — хотелось ответить мне.

Мужчин привлекает уверенность в себе.

Но я ничего не могла с собой поделать. Не могла избавиться от навязчивых мыслей. Словно если буду думать об этом достаточно долго, то смогу предотвратить. Как и загадать желания на падающую звезду, эти мечты так и не сбылись.

Я знала, что она хочет его, как красивые девушки хотят мужчин, чтобы потом бросить их. Словно ставят на них печать, как на куске мяса: обработано.

С другой стороны, я верила, что у нас с Дрю было что-то особенное. Я не была общительной. Я была замкнутой, недружелюбной, но Дрю пробил мою защиту. Он проскользнул под щитами и осветил мой темный уголок. И страх потерять эту близость...

Я не могла потерять его или то, что у нас было. Этот страх выжигал меня изнутри, и я чувствовала себя больной и беспомощной.

Я ненавидела Челси за то, что она делала, но я в равной степени ненавидела и себя за то, что позволяю ей делать с собой, позволяю напоминать о своем прошлом, той девушке до эры Дрю. В каком-то смысле она напоминала мне мою кузину Эмбер, ее яркая, харизматичная личность так же привлекала к ней всеобщее внимание.

Я всегда была второй после Эмбер. Когда мы были детьми, она всегда хотела находиться в центре внимания. Но я любила ее, мою лучшую подругу, и была рада, по крайней мере, оказаться в ее тени. Я была застенчивой, но после ее ухода по-настоящему замкнулась.

Без света Эмбер я не хотела видеть мир.

Вот почему на этот раз я не могу позволить Челси победить.

Эмбер бы хотела, чтобы я постояла за себя.

Я подавляю нездоровые эмоции, глубже, еще глубже. Вдох. Дрю так сильно мне помог — он раскрыл меня, подарил неведомые ранее ощущения, и когда я, наконец, была готова сбросить скрывающую меня омертвевшую оболочку, на сцене появилась Челси, самовлюбленный смерч, сеющий хаос.

Класс отпустили, но я задержалась в дверях, делая вид, что проверяю сообщения. Я наблюдала, как она наклоняется над его столом, закручивает локон, ее пронзительный смех заглушил быстрые удары моего сердца. Я закрыла глаза.

Еще одна неделя.

Еще одна неделя, и мы с Дрю уедем на весенние каникулы. Вместе. Подальше от соблазнов и страхов. У меня будет все его безраздельное внимание. Я снова разожгу искру, которая за последние пару месяцев, казалось, угасла.

Чем дольше я наблюдала за ними, тем беспомощнее себя чувствовала. Они здорово выглядели вместе. Идеально подходящими друг другу. Мой фасад спокойствия дрогнул, и в образовавшиеся трещины скользнуло отчаяние.

Я должна помешать этому случиться.

Но мой собственный сон, все еще свежий в памяти, насмеялся надо мной. Я уже видела, как все закончится.

Когда Челси прошла мимо меня, то отбросила волосы назад, хлестнув кончиками по моей щеке.

Я до сих пор помню клубничный аромат ее волос.

Глава 4

«Висяк»

Лэйкин: Сейчас.

Вот что мы знаем о деле Делани:

В пятницу, 23 марта 2018 года, примерно в 9:45 вечера, Джоанна Делани была обнаружена мертвой в Лусент Лэйкс Уэст. Джозеф Мейер (псевдоним) выгуливал свою

собаку (коричневого лабрадора) на тропинке, которая примыкает к водохранилищу, когда заметил то, что сначала принял за животное, выброшенное на берег и запутавшееся в камышовой траве.

Любопытный лабрадор направился к телу, и Джозеф тихо выругался, когда понял, что рядом с берегом плавает голая женщина (согласно его заявлению). В том, что она мертва, сомнений не было: бледное тело было покрыто грязью и травой. Кожа вздулась, замутненные глаза широко открыты и пусты. Джозеф оттащил собаку обратно на тропинку и набрал 9-1-1.

На звонок ответил офицер Леон Брэйди, патрульный офицер полицейского управления Западного Мельбурна. После прибытия на место обнаружения тела он по радио связался с участком и вызвал дежурного детектива отдела расследования убийств. Затем офицер приступил к допросу Джозефа и взял у него показания.

Через десять минут после приезда детектив Орсон Вейл и младший следователь Аллен Райт приказали криминалистам оцепить территорию вокруг жертвы и задней части озера. Затем детектив Вейл попросил судмедэксперта осмотреть место происшествия и сам допросил свидетеля.

Согласно отчетам, далее последовала стандартная при расследовании убийства процедура. Никаких вопиющих ошибок протокола или оплошностей не выявлено. Впрочем, особого рвения со стороны детективов также замечено не было.

Первые часы расследования имеют решающее значение. Большая часть информации по делу поступает в течение первых двадцати четырех часов. Оpozнание жертвы. Ближайшие родственники. Причина смерти. Троица, которая способна указать путь к главному подозреваемому.

Которым, согласно отчету детектива Вейла, первые два дня был парень жертвы. Любовная пассива всегда становится главным подозреваемым, пока не сможет оправдаться.

Джеймисон Смит сотрудничал с местными копами и был оправдан в течение сорока восьми часов, когда предоставил алиби. Считается, что личное суждение не должно бросать тень на расследование, а алиби, предоставленное близким человеком, ставят под сомнение. Но любовница Джеймисона, Кимберли Тауэлл, предоставила неоспоримое доказательство его местонахождения на предполагаемое время смерти его подруги. Он был с Кимберли. Прикованный наручниками к ее кровати. И есть видео, доказывающее это.

Долгий выдох. Перевернуть страницу.

Дела, в которых замешана измена, вызывают у меня отрицательные эмоции. Конечно, я стараюсь не позволять личным чувствам мутить воду, но я тоже человек. И как и любой человек, я эмоционально реагирую на детали, которые бьют по моему слабому месту.

Но иногда те вещи, что делают нас людьми, могут даже способствовать расследованию.

Все зависит от того, как ты на это смотришь.

Прямо сейчас, сидя в международном аэропорту Мельбурна по Флориде и бегло просматривая материалы дела, я уже понимаю, что воспринимаю дело слишком лично.

Я ненавижу этот Богом забытый штат.

Убирая папку, я замечаю агента Нолана через стеклянные раздвижные двери. При виде него я чувствую, что вернулась домой, в отличие от ощущений, которые мне дарит возвращение во Флориду. Я встаю, чтобы поздороваться, и с небольшим кивком он хватается мою ручную кладь, и мы уходим. Нет времени на любезности — нас ждет дело.

Это нравится мне в нем больше всего.

Как я встретила специального агента Риса Нолана:

Через шесть месяцев мое дело отложили в дальний ящик. Честно говоря, оно и раньше продвигалось не очень хорошо, но через шесть месяцев детектив Даттон официально «сдался». Когда ниточки обрываются, а детективы не знают, куда двигаться дальше, дело становится «висяком» или «глухарем». Это не значит, что мое дело было закрыто — нераскрытые убийства никогда официально не закрывают — они остаются открытыми. Их просто откладывают в дальний ящик.

Каждый детектив, с которым я беседовала, признавался, что в свободное время работает над «висяками». Только у них мало этого свободного времени. По их словам, для них это непреодолимая потребность, по крайней мере, раз в год открывать дело и просматривать файлы, на случай если спустя время что-то предстанет перед ними в новом свете. Найдется часть головоломки, которую они пропустили.

Никто не чувствовал непреодолимой тяги работать над моим делом. Через шесть месяцев недоукомплектованная и перегруженная работой полиция Лизбурга объявила дело Синтии Маркс (мое настоящее имя) «висяком». Вместо этого копы занялись более неотложными расследованиями, такими как местный наркобизнес.

В конце концов, я же выжила. Детектив Даттон расследовал не убийство. Не было никакого сходства между нападением на меня и любыми другими в районе Лэйк Каунти. Над копами не висела опасность еще одного нападения.

Начальники отделов и детективы перезванивали все реже. Паузы в трубке телефона становились все длиннее. Вскоре я перестала звонить.

Мое дело было безнадежно.

Родители были рады забыть об этом. Разговоры о нападении вызывали у них только беспокойство и боль. Я не повторила судьбу Эмбер. Они не потеряли меня так, как ее. Их дочь, их единственный ребенок, выжил. Они не жаждали справедливости. И я больше не могла привлечь их к своим одержимым поискам.

Я переключилась на другие случаи со схожими деталями. Расширила радиус поиска. Может, нападавший был не из местных. Может, нападение не было вызвано личным мотивом. Возможно, преступник переезжал из города в город, по пути нападая на молодых женщин. И кто-то не смог соединить нужные точки.

В отдел ФБР по расследованию нераскрытых преступлений агент Нолан попал не по своей воле. В возрасте двадцати девяти лет Рис получил травму на задании. Выстрел в бедро. Ранение почти на год отправило его на скамейку запасных, где он усердно работал над восстановлением, чтобы снова стать оперативником.

Это было у нас общее.

После выздоровления я также сменила курс. Прямоком до Миссури. С новым именем, новой личностью и новой карьерой. Добровольная программа защиты свидетелей.

Агент Нолан никогда больше не будет оперативным агентом. А я никогда не получу диплом психолога. По какой-то иронии судьбы наши неудачи свели нас вместе.

Я позвонила в отдел по расследованию нераскрытых преступлений и поговорила с угрюмым агентом Ноланом, у которого не было времени на жертв-параноиков. Позже на той же неделе ко мне постучали, а за дверью стоял угрюмый агент с папкой в руках.

Я стала его первым официальным «висяком».

Рис утверждает, что передумал по одной причине: жертвам редко удается рассказать свою историю. Он столько раз жалел, что не может попросить мертвых рассказать о своих

секретах. Теперь ему представился такой шанс.

Может, мне следовало обидеться на такое сравнение. Но на самом деле, когда мы встретились я была ни жива, ни мертва. Меня нашли на грязном берегу озера. И эту грязь было никак не отмыть. И хотя меня подняли со дна озера, к тому времени, когда я уехала из города, я все еще фигурально была «на дне».

Но у меня были ответы, которые могли бы помочь раскрыть дело, даже если я этого не осознавала.

После нашей первой встречи, на которой он задавал вопросы, чтобы заполнить пробелы, Рис вернулся в Квантико, и даже на расстоянии мы неустанно работали над моим делом.

Он повторно опросил свидетелей из «Док Хауса» и водителя такси. Он поговорил с полицейским из моего родного городка, расспросил детективов, назначенных на мое дело. Внимательно изучил фото с места преступления. Запомнил мои травмы. Расположение, степень, глубину каждой раны. Каждый ушиб и ожог на коже.

Через три месяца после возобновления расследования Рис знал мои шрамы так же хорошо, как я сама.

Но, несмотря на все наши поиски, мы так и не приблизились к разгадке того, почему на меня напали одной мартовской ночью. Казалось, я была случайной жертвой. Несмотря на то, что детали моего дела совпали с аналогичными преступлениями по всей стране, Рис предположил, что я могла стать первой жертвой преступника. Случайная девушка, оказавшаяся не в том месте, не в то время.

Вполне возможно, если я была первой жертвой, образ действия убийцы с тех пор изменился.

Не могу описать, какую безнадегу я чувствую от этой мысли.

В годовщину моего нападения Рис убедил меня вернуться в Сильвер Лэйк.

Я поклялась никогда не возвращаться... пока напавшего на меня не задержат... и было больно нарушать эту клятву. Мы прошились по моим передвижениям. От кампуса до старого дома Дрю (где Челси сообщила мне о беременности). От квартиры, которую я делила с соседкой (где мы с Дрю поссорились, а полиция приняла мое заявление) до «Док Хауса» (где меня напоила соседка, помогая забыть все произошедшее). Затем до пристани озера, недалеко от общины Сильвер Лэйка, где до сих пор живут мои родители.

Мы с Рисом уставились на подрагивающее на воде отражение полумесяца.

Лотосы блестящим переливающимся полотном покрывали озеро.

Я слушала стрекотание сверчков, навязчивую мелодию, которую не помню той роковой ночью. Озорное лягушачье кваканье потревожило спокойный воздух. Пустынная и жуткая тишина, от которой бросало в дрожь.

Это был момент, когда я рассказала Рису о Нем. Секрет, который я скрывала от всех, — спутанные воспоминания, с которыми я боролась, в одни дни желая поверить в своего призрачного героя, и отрицая его существование в другие.

Мужчина, который вытащил меня из воды.

Единственное воспоминание, — реальное или нет — которое осталось у меня с той ночи.

В тот момент мне захотелось обладать способностями Риса. Хотелось посмотреть на его лицо и прочесть, о чем он думает. Но потом я испугалась того, что узнаю.

Его поступки всегда говорили громче слов. Молчание пронзило меня словно нож, прямо как несколько месяцев назад. Его тяжелый взгляд прожигал меня насквозь, и когда он

обхватил мое лицо и поцеловал в лоб, я растаяла.

Неважно, поверил он мне или нет. Вообразила ли я это или нет.

Я была жива.

Человек или животное, призрак или ангел — что бы ни вытащило меня из озера — я не утонула.

Пришло время жить.

Рев автомобильного двигателя выводит меня из послеполетного транса. Сидя в арендованном Рисом седане, я достаю ремень безопасности и пристегиваюсь, выбрасывая из головы тяжелые мысли.

— Готова? — спрашивает он.

Глубокий вдох. Я закручиваю резинку на запястье.

— Готова.

Глава 5

Книга Кэмерон.

Лэйкин: Тогда.

Я помню, как комната пульсирует светом и красками. Вибрирует от красного и синего.

На плечах у меня была накинута кожаная куртка Кэмерон. Несмотря на весну, погода была жаркой и влажной, но меня трясло от ужаса ситуации.

— Мне это снилось, — как заведенная повторяла я.

Визит Челси в тот день напомнил мне о сне. Но там было что-то большее... Больше извращенных картинок, манящих меня ближе.

Взмах ножа. Красная струя. Крик, вырвавшийся из бездны боли.

Офицер посмотрел на меня. Я не могла сосредоточиться на деталях — мой разум был не способен воспринимать происходящее. Но я помню, как офицер нахмурился, что он выглядел старше, чем, вероятно, был. Этот человек, который видел так мало, осуждал мою жизнь, в его чертах ясно читалось неодобрение.

— Ей нужна помощь, — услышала я слова другого офицера.

Кэмерон кивала, соглашалась, делала заявление. Она просто хотела, чтобы двое полицейских убрались из нашей квартиры. Она ненавидела сцены, драму. Ненавидела подслушивающих соседей.

Должно быть, это подслушивающий сосед вызвал полицию из-за меня и Дрю.

Наша ссора быстро обострилась.

Сердце стучало в ушах, и я зажмурилась. Давление в глазах нарастало, угрожая взорвать череп.

Вспышки вызвали еще одно воспоминание из сна. Челси и крик... темная вода... Прошлое и настоящее слились в какой-то ужасный кошмар, от которого я не могла избавиться, от которого я не могла проснуться. Я была в прострации, блуждая в тумане.

— Что, черт возьми, случилось?

Кэмерон присела передо мной. Я почувствовала тепло ее ладони на колене.

Она избавилась от полицейских. Наконец я открыла глаза и смогла перевести дух. Я покачала головой, не зная, с чего начать и как все объяснить подруге.

Крики. Разбитое стекло. Угрозы.

В конце концов, Кэмерон не нужно было выпрашивать у меня, что произошло. По кампусу уже ходили слухи. Социальные сети гудели от постов о скандальном романе между

студенткой и учителем.

Как только она увидела первое сообщение на телефоне, то выругалась.

— Вот козел, — вырвался у нее звук отвращения. — Нет, бедные животные ни в чем не виноваты. Он придурок. — Ее взгляд смягчился. — Ох, Синти. Мне очень жаль.

Мне тоже.

Но не так сильно, как скоро будет жаль Дрю.

Его нужно запереть.

Именно так сказал детектив, когда Дрю стал главным подозреваемым в моем деле. Хотя он думал, что я не слышу его из-за лекарств, которыми меня накачали в больнице.

Им нужно было запереть их обоих.

Глава 6

Ручейки

Лэйкин: сейчас.

Нам с Рисом нужна победа.

После неудачной поездки в Сильвер Лэйк я вернулась в Миссури, все также спасаясь от безликого, безымянного убийцы, и я могла бы сдаться. Двигаться некуда. Новых зацепок не было. А смелая попытка противостоять страху, посетив место преступления, провалилась.

Тот отрезок времени по-прежнему оставался черной дырой.

Но я обрела кое-что новое.

Надежду.

В зависимости от психического состояния надежда может стать благословением или проклятием.

Моя новообретенная надежда была смесью и того, и другого. Но было приятно почувствовать что-то кроме беспомощности. Пока я работала с Рисом над делом, я не заикливалась на страхе. Я не была парализована.

Вернувшись домой, я начала рыскать по сайтам и подкастам в поисках новых «висяков». Я стала зависимой. И когда нашла первое дело, то отправила его Рису. Я собрала исходные данные, выстроила теорию, приложила следственные заметки по делу. Уроки журналистики наконец-то мне пригодились.

Нолан, вероятно, не признает, но ему это новое дело было нужно так же сильно, как и мне. Провал в моем деле навис над ним, как Дамоклов меч. Ему нужно было верить, надеяться, что его карьера агента ФБР еще не закончена. Полагаю, что это единственная причина, по которой он согласился позволить мне «присоединиться» к расследованию. Вскоре я стала консультантом в отделе нераскрытых преступлений. Неофициальный член команды с весьма скудной почасовой оплатой.

ФБР тоже не признает, но реклама, которую они получили, когда вышел мой бестселлер о раскрытии дела, дает маленькой команде агента Нолана небольшую свободу по сравнению с другими командами в отделе.

Мы за два месяца раскрыли дело Паттерсона. И это было хорошо. Захватывающе.

Я начала и закончила свой первый роман. Продала права на него. К тому времени, как я написала еще одну книгу, мы со специальным агентом раскрыли еще шесть старых дел.

И больше не возвращались к моему делу.

Я приоткрыла окно в машине и тут же пожалела об этом. В нос ударил влажный воздух Флориды, насыщенный болотистым ароматом восточного побережья. Здесь вы можете

кинуть камень в любую сторону и попадете в воду. Озера, пруды, реки. Флорида — длинный полуостров, медленно погружающийся в океан.

На меня непроизвольно обрушивается волна меланхолии, и одолевает желание щелкнуть резиновой лентой. Я беспокоюсь чешу запястье. Пробуждаются воспоминания о том, как мы с Дрю ходили на пляж, но я быстро их подавляю. Нажимаю на кнопку, чтобы поднять окно.

— Ты скучаешь, — говорит Рис, словно прочитав мои мысли.

Я переключаю кондиционер, чтобы воздух снаружи не проникал внутрь.

— Это вопрос или обвинение?

Он не смеется. Рис редко смеется. Хотя я замечаю, как дрогнули его губы.

— Скучаю ли я по запаху? — спрашиваю я. — Удушливая влажность, которая липнет к коже, отчего ты чувствуешь себя грязным от пота и грязи даже после того, как только что принял душ? — Я выглядываю в окно на распростертый перед нами Первый Хайвэй. — Ни за что.

Мне не надо смотреть на него, чтобы понимать, что он ухмыляется.

— Думаю, сначала нужно поехать к ней домой, — говорит он, и я рада, что он сменил тему. — Опросить соседей и освежить показания.

Я с облегчением соглашаюсь.

— Это первое, чем займемся утром. Где мы остановимся?

Я быстро собрала вещи и прыгнула в самолет, зная, что Рис позаботится о деталях нашего путешествия. Он говорит, что так ему легче получить компенсацию от бюро.

Он включает поворотник и съезжает на дорогу, ведущую к городу.

— Холидей Инн. Между Мельбурном и Уэст-Мельбурном. Не слишком далеко от места преступления и достаточно близко к другим местам, на которые нам нужно будет взглянуть.

Рис проверяет нашу бронь на стойке регистрации, пока я жду в вестибюле с багажом. Собираясь в дорогу, я стараюсь одеваться в удобную одежду, а в остальных случаях более профессионально. У людей есть предвзятые ожидания относительно того, как должны одеваться агенты и их коллеги, работающие над расследованием. И если окружающие не отвлекаются на вашу одежду, гадая, достаточно ли вы квалифицированы для расследования, дело продвигается намного быстрее.

Специальный агент Рис Нолан, в отличие от меня, всегда выглядит в соответствии с должностью — чисто выбритый, в стандартном черном костюме, с причесанными светло-русыми волосами. Кажется, я даже щетины у него никогда не видела.

Он любит говорить: «Я — профессионал».

Я тоже профессионал, но думаю, что писатели обладают немного большей свободой в выборе гардероба. По крайней мере, когда я выезжаю на дело, то оставляю пижаму дома.

Я прикусила губу, чтобы не нахмуриться. В какой-то момент, в моей прошлой жизни, от меня ожидали, что я буду одеваться строго и профессионально. С этим у психолога доктора Маркс более строго, чем у Лэйкин Хейл, писательницы детективов. Хотя полагаю, в итоге, все в любом случае закончилось тем, что я бы исследовала ум и поведение преступников.

Семантика.

— Все готово, — Рис вручает мне ключ-карту от комнаты, вырывая из мыслей.

— Спасибо. Увидимся утром.

В конце коридора мы расходимся. К тому времени, когда я прилегла на кровать, то уже

двадцать шесть раз нащелкала резинкой на запястье. Несмотря на это, мои мысли все равно возвращаются к прошлому.

***

Жилой комплекс Виста Шор расположен через дорогу от места преступления. Жертва, Джоанна Делани, проживала в квартире 208. Ее мать, Бетани Делани, живет в 213.

Мы с Рисом поднимаемся на лифте на второй этаж.

— Прямо в омут с головой, — бормочу я, когда лифт останавливается. Мои внутренности вздрагивают, как при резком торможении автомобиля.

Он позволяет мне первой выйти из лифта.

— С матерями общаться сложнее всего, — соглашается он.

— Ты же знаешь, что родители, как правило, последними узнают, что происходит в личной жизни жертвы.

Он вздыхает.

— Мисс Делани живет по соседству с дочерью. Может, они были более близки, чем это бывает обычно, — он останавливается у двери, бросая на меня взгляд. На секунду я задумалась, не намекает ли он на мои отношения с родителями. Вернее, их отсутствие. — Ее близость с жертвой может помочь нам составить представление о ее последних днях.

Это имеет смысл. Тем не менее, я глубоко вдыхаю и готовлюсь к мучительной встрече. Моя нелюдимость воспринимается как безразличие и равнодушие, или мне так говорили. Это не самая лучшая черта, когда имеешь дело со скорбящими родителями.

Благодаря обучению Риса за последние несколько лет я научилась лучше это скрывать. Вернее, адаптироваться. Хотя, давайте говорить, как оно есть — притворяться. Не по части безразличия — я же не социопат — а по части выражения чувств.

Через несколько секунд после стука мисс Делани открывает дверь. Вероятно, когда-то ее лицо сияло здоровьем, но теперь приобрело бледный, желтоватый оттенок. Пустой взгляд дополняли запавшие глаза и потрескавшиеся губы.

— Мисс Делани, я — специальный агент Рис Нолан из отдела по расследованию нераскрытых преступлений, ФБР. Мы разговаривали вчера по телефону.

Упоминание о разговоре заставляет женщину очнуться.

— О верно. Конечно. Заходите, — она открывает дверь шире, позволяя нам войти. — Пожалуйста, не обращайтесь внимания на беспорядок. Мне надо упаковать много вещей.

Она продолжает оправдываться, ведя нас в гостиную. Рис отмахивается от извинений.

— У вас красивый дом.

Если не считать груды сложенной одежды и безделушек, выстроившихся вдоль стены, в квартире идеальный порядок. Мисс Делани садится в мягкое кресло напротив нас, и я замечаю ее руки, с сухой потрескавшейся кожей. Она прибирается... все время.

Острая боль пронзает меня под грудиной.

Рис кивает мне, давая знак начинать. Большинству женщин легче разговаривать с другой женщиной. По крайней мере, поначалу. Я нажимаю диктофон на телефоне и кладу его на стеклянный стол.

— Вы не возражаете? Это для того, чтобы потом мы смогли заново прослушать ваши показания.

Она быстро трясет головой.

— Все в порядке. Я не против.

Используя, как я надеюсь, деликатный подход, я начинаю задавать сложные вопросы. Вопросы, которые ведущие дело детективы снова и снова задавали матери. Ответы, на которые, как я уверена, она устала повторять. Но нам нужно в последний раз задать эти вопросы, в надежде найти новую информацию.

— Мисс Делани...

— Пожалуйста, зовите меня Бетани, — слабая улыбка подрагивает на ее губах.

Я улыбаюсь в ответ.

— Бетани, как вы думаете, кто сделал это с вашей дочерью?

Один из самых болезненных вопросов, но также и один из самых важных. Необъективные показания родителей редко приводили к аресту, зато могли указать на другое заинтересованное лицо. Или на еще одного свидетеля. Кого-то, кого детективы упустили из виду.

Женщина бледнеет. Дрожащей рукой она берет тряпку со стола, и тут же кладет ее на колени.

— В то время Джо встречалась только с Джеймисоном. Она хорошая девочка.

Ей известно, что первым подозреваемым всегда становится парень или муж жертвы. Я задаюсь вопросом, сколько детективов она пересмотрела в поисках подсказок о том, как раскрыть убийство дочери.

— Это не обязательно должен быть кто-то, с кем она была близка, — давлю я. — Возможно, кто-то сразу пришел вам на ум, но вы отмахнулись от этой мысли, удивляясь, как она вообще взбрела вам в голову.

Ничто не сравнится с материнской интуицией.

Она переводит на меня взгляд карих, широко распахнутых глаз, словно я открыла ей какой-то секрет.

— Риксон, — говорит она. — Майк Риксон... Кажется, так его звали. Он был начальником Джо в ресторане. Она проработала там всего несколько месяцев, но я помню, как он смотрел на нее однажды, когда я зашла за ней. Было в этом что-то странное, — она хмурится.

— Спасибо, Бетани. Вы очень помогли, — я смотрю на блокнот. — Не могли бы вы рассказать нам немного о модельной карьере Джоанны?

Я вовлекаю ее в разговор о том, что мисс Делани называет «хорошими деньками». Ранняя биография жертвы впечатляла. В девятнадцать лет Джоанна стала довольно известной моделью. Восходящей звездой. Четыре года работы моделью, и все пошло к черту. Это безжалостный, полный конкурентов бизнес, и ты либо побеждаешь, либо проигрываешь. Чем ты старше, тем труднее становится соревноваться с более молодыми, свежими лицами.

Некоторое время Джоанна путешествовала по Европе, участвовала во впечатляющих фотосессиях для женских журналов, а затем, также внезапно, как все началось, все закончилось.

Из грязи в князи, обратно в грязь... И внезапно ты уже труп на дне озера.

Мое издательство примет детектив, основанный на жизни только тех людей, которые, заинтересуют публику, заденет за живое. Неудивительно, что красивое лицо на обложке с трагической историей, идеально соответствует их требованиям. Люди хотят быть шокированы и благоговеть. Но они также хотят чувствовать, что в их собственной жизни все не так уж и плохо, по сравнению с чужой несчастной судьбой.

Грустно, но это абсолютная правда.

Я выбрала Джоанну Делани не потому, что она хорошо подходила издательству, а потому, что Джоанна Делани выбрала меня. Она протянула руку из могилы, прошептала о нашей схожести, и быстро превратилась в навязчивую загадку, требующую, чтобы ее разгадали.

В разговор вмешивается Рис с вопросами о жизни жертвы в течение последних недель, предшествующих ее убийству.

Когда разговор закончен, я выключаю диктофон и проверяю записи, удостоверяясь, что мы узнали все, что хотели. Затем мы благодарим Бетани и направляемся к выходу.

— Вы тот самый писатель-документалист, — говорит Бетани. Я замираю в дверях, и Рис встает рядом со мной. — Я читала вашу книгу. После того, как агент Нолан впервые сообщил мне о возможности возобновления дела, я поспрашивала о вас. Ваша команда раскрыла все дела, над которыми вы работали вместе.

Все, кроме одного.

Я взглядом прошу у Риса помощи. Он сжимает губы и хмурится. Взгляд серо-стальных глаз так и говорит: она сказала, что это твоя команда.

Спасибо за помощь.

Несмотря на сомнения, я беру ее обветренные руки в свои.

— Мы будем стараться изо всех сил, — обещаю я ей.

Ее глаза блестят от непролитых слез и надежды.

Надежда.

После года поиска ответов, поиска справедливости надежда стала для Бетани проклятием. Даже когда вы пытаетесь оборвать все ниточки, надежда продолжает цепляться за оставшиеся кусочки разбитого сердца. Больно наблюдать, как член семьи не может отпустить прошлое и двигаться дальше.

— Спасибо, — она сжимает мою руку, прежде чем отпустить. Затем раздражается слезами. Ручейки бегут по ее сухим щекам, словно дождь в пустынном каньоне.

Звук захлопнувшейся двери эхом разносится по узкому коридору. Я быстрее иду к лифту.

Я чувствую, как Рис следует позади меня.

— Ты хорошо поработала, — говорит он. — Завершение — это все, что мы можем обещать. И даже тогда этого может оказаться недостаточно. Мы не можем воскресить их близких из мертвых.

— Я знаю, — и я действительно знаю. Скорбящие родители переходят от одной стадии к другой. Они застревают на пункте «наказать убийцу» и иногда, когда настает время двигаться дальше, они не могут этого сделать.

— Бетани — самая искренне скорбящая мать из всех, кого я встречала, — говорю я. — Надеюсь, я помогу ей восстановить справедливость.

Я считаю, что настоящий писатель-криминалист должен уважать жертву.

Существует четкая разница между созданием персонажа с нуля, когда из ничего ты строишь живую личность, и описанием настоящего человека.

Если я убью вымышленного персонажа, читателю может быть больно. Пока он не возьмет в руки следующую книгу.

Но когда я изучаю людей — реальных людей — чтобы рассказать об их истории, когда я погружаюсь в их жизнь, я несу ответственность перед ними — жертвами, а также оставшимися членами семьи и друзьями. Я беру на себя обязанность с величайшим

уважением описать их мучительный опыт. Быть сострадательной и человечной.

Хотя бы ради того, чтобы дистанцироваться от самого настоящего убийцы, которого вы тоже изображаете.

Вам нужна четкая грань между добром и злом.

Мне нужна.

Именно голос жертвы, а также голоса их близких, направляют мое повествование.

Мы с Рисом молчим, спускаясь на первый этаж. Когда двери открываются, наши мысли уже заняты другим.

Следующий пункт в нашем списке — место преступления.

Глава 7

Книга Дрю

Лэйкин: Тогда

Я увидела его в первый день занятий по психопатологии, изучающей психические расстройства и ненормальное поведение. Я сидела во втором ряду. Он представился как Дрю. Не профессор Эббот. Даже не профессор Эндрю Эббот. Просто Дрю. Он был молодым учителем. Крутым учителем. Который подмигивал вам во время разговора и заставлял чувствовать себя особенным.

Он читал вводную лекцию об определении ненормального.

— Мы слышим это слово и инстинктивно, подсознательно воспринимаем его как негативное. Что-то аномальное — это не нормально, а значит неправильно. — Дрю оглядел комнату, встречаясь глазами с некоторыми студентами. Я была одной из них. — Я хочу, чтобы вы забыли о предвзятости. Просто отбросьте ее. Ненормально не значит неправильно. Вместо этого думайте о психопатологии с точки зрения того, насколько страдает качество жизни вашего пациента из-за его расстройства.

Он был великолепен. И красив. Смертельная комбинация, наполнившая воздух вокруг него. Он притягивал всех с гравитационной силой черной дыры, одновременно одаривая светом и теплом как от солнца.

Девушка в первом ряду подняла руку.

— А как насчет неадаптивного поведения, Дрю? В чем разница между ним и психическим расстройством?

Мне хотелось закатить глаза. Привлѣкшая его внимание девушка — с упругими, подпрыгивающими сиськами и упругими, подпрыгивающими локонами, — должна знать разницу, если смогла сдать вступительные экзамены. Может, она забрела не в тот класс. Спутала со своим факультативом по поэзии.

Блондинки с упругими сиськами всегда посещали факультатив по поэзии.

Я насмеялась над ней, и в то же время завидовала. Завидовала тому, как она встала и задала глупый вопрос, чтобы привлечь его внимание. И это сработало.

Когда она оглядела класс, мое сердце дрогнуло, а пульс участился. Она была сногшибательна. Ее красота стала настоящим ударом для всех девчонок в группе. Я чувствовала, как шок волной прокатился по аудитории, словно коллективный эффект домино.

Дрю оперся о ее стол.

— Отличный вопрос, ээ...?

— Челси.

— Психические расстройства — это причина. Неадаптивное поведение — это нездоровый способ справиться с расстройством. В большинстве случаев оно усиливает болезнь.

И все это мы знаем еще со школы.

Ощущение дискомфорта исчезло так же быстро, как и появилось. Я не могла завидовать такому глупому человеку, как Челси. Тем не менее, я продолжала украдкой следить за ней. Мне было любопытно.

Позже, когда Дрю выбрал меня, когда он выделил меня из моря глупых девчонок, стремящихся повеселиться с «горячим профессором», у меня больше не было причин бояться Челси.

Но, как заметил бы Дрю, одержимость страхом — это само по себе неадаптивное поведение.

Дрю встал и взглянул на класс.

— Пациент может использовать множество механизмов выживания, чтобы справиться с симптомами, — он расхаживал по кабинету, и мне понравилось, как он двигался в своих джинсах. — Например, однажды я лечил пациента, который полагался на толкование снов, на основании которых делал выбор в течение дня. Он не мог выйти из дома, оплатить счет или даже принять душ, пока я не проанализирую его сон.

Руку поднял еще один студент.

— Итак, вы, по сути, контролировали их выбор, их жизнь. Разве это не опасно?

Это вызвало у меня любопытство. Я наклонилась, желая узнать ответ.

— Да. Фрейдистские техники могут быть опасны в неумелых руках, — сказал он. — В этом конкретном случае задача заключалась в том, чтобы посредством психоанализа заставить пациента самого интерпретировать собственные сны, по сути, позволяя ему управлять своей жизнью. Заглянув в подсознание, мы обнаружили, что на самом деле во сне пациент переживал подавленные воспоминания. — Дрю подошел к доске и сделал пометку о восстановленных воспоминаниях.

— Вспомните компьютер. Ум — это завораживающая запутанная паутина. Наши воспоминания мчатся по нитям паутины, по сети, соединяясь с папками с данными. Но вот в чем загвоздка: наши воспоминания не обладают полной ясностью или детализацией. Наши умы меняют их. Каждый раз, мысленно воспроизводя воспоминание, мы видим его немного по-другому.

Он говорил о психологии так, словно читал стихи. Вы чувствовали себя так, словно он разговаривает напрямую с вами, тет-а-тет. Лично.

Я знала, что влюбилась в него в тот первый день.

И я знала — где-то в глубине души — что эта любовь меня уничтожит.

Глава 8

Открытая концовка

Лэйкин: Сейчас

Как и у любого писателя, у каждого настоящего писателя-криминалиста есть свой стиль, свой голос, а также своя собственная история. Мы прилагаем все усилия, чтобы изучить дело, убийцу, жертв. По сути, мы стараемся проложить свой путь к истине.

Будет ли дело раскрыто, будет ли пойман убийца, зависит от обстоятельств. Все книги — разные, как и люди. Как отпечаток пальца, каждая книга уникальна.

Некоторые авторы излагают факты и подводят читателей к истине, используя одну основную теорию, постепенно открывают детали, пока они не выстроятся в одну картину. И словно адвокат перед присяжными, писатель надеется, что в конце концов докажет свою теорию и убедит читателей.

Для меня недостаточно просто исследовать и выложить теорию. Мне хотелось — мне нужен был — какой-то итог. Я сгорала от желания посмотреть в глаза пойманному убийце. Знать, что он в последний раз украл чью-то жизнь. Что для него это конец.

Конечно, это должно происходить на безопасном расстоянии. Сидя в темной гостиной и просматривая в Интернете фото преступников в наручниках. Смотря видео, где офицеры проводят их через двери тюрьмы. Вот почему так важно использовать псевдоним. Так «плохие парни» не смогут добраться до автора. Это опасно, но еще это...

Приносит краткое удовлетворение.

А потом все начинается сначала.

Я вытаскиваю ящик с документами и начинаю копать. Искать следующее дело.

Это наркотик. Как только я испытала тот первый момент завершенности после того, как мы закрыли дело Паттерсона, прошло не так много времени, как голод вернулся, сильнее, чем раньше. Меня съедает ненасытная потребность, и я боюсь, что, сколько бы преступников мы не поймали, эта потребность никогда не будет удовлетворена.

Я не забываю. Специализация в области психологии позволяет мне самой установить себе диагноз, не оставляя никакой возможности отрицания. Мое собственное нераскрытое дело засело внутри, назревая словно нарыв и требуя внимания.

Оно не позволяет мне надолго испытать облегчение.

Не каждое дело превращается в книгу. Но каждое дело должно быть раскрыто. Это невысказанное обещание, которое мы с Рисом дали друг другу после того, как навсегда отодвинули мое дело в сторону.

USB-флешка на цепочке для ключей словно оттягивает карман. Незаконченная книга — тяжелая ноша, которую нужно постоянно таскать с собой.

Я открытая концовка.

Ненавижу открытые концовки.

Единственное, что я контролирую, — это следующее дело. Следующую жертву. Как Джоанна Делани. Она заслуживает моего полного внимания, а не жалости, жалости к себе. Я все еще здесь, а ее уже нет.

В Лусент Лэйкс Уэст очень душно. Еще нет и двенадцати, а комары уже гудят. Я опрыскиваю руки репеллентом и передаю бутылку Рису. Еще одна вещь, из-за которой я не скучаю по Флориде.

— Я помню, как по нашей улице ездил грузовик дезинфекторов, — говорю я, смотря на гладь озера. Ветер ненадолго усиливается и вызывает рябь на поверхности. — Моя мать кричала, чтобы я бежала внутрь, иначе умру от вдыхания паров. — Я улыбаюсь при воспоминании, хотя оно довольно болезненное.

Однажды мы с Эмбер играли у меня на заднем дворе, забирались на апельсиновое дерево, когда заметили грузовик. Мы наперегонки начали спускаться с дерева. Она позволила мне победить. Я знаю это, потому что она всегда была быстрее и проворнее.

Но я все равно упала и сломала запястье, пытаюсь ее победить.

В этот момент я полностью осознала, что никогда не смогу победить таких девушек, как Эмбер.

Когда Рис кладет бутылку спрея в мою сумку, я закатываю рукав и застегиваю браслет на запястье.

— Я не знал, что такие грузовики существуют, — говорит он, выводя фотографии с места преступления на планшет.

Я приподнимаю бровь.

— Повезло тебе.

Он ухмыляется. Однажды Рис сказал мне, что вырос на северо-западном полуострове. В этой части страны идет больше дождей, чем в любой другой, а зимы холодные и суровые. Должно быть, именно поэтому он вырос таким милашкой. Я ухмыляюсь в ответ.

Он протягивает мне планшет.

— Судмедэксперт установил время смерти — около восьми часов вечера. Здесь не самое укромное место. — Он оглядывает болотный пейзаж. — Тем не менее, она лежала здесь больше двадцати четырех часов, прежде чем ее заметил собачник.

Иногда сложно уследить за ходом его мыслей, но в данном случае я мгновенно улавливаю его теорию.

— Убийца достаточно знаком с расписанием жертвы или местностью и знает, что она будет одна и что у них будет достаточно времени. По словам матери, она почти каждый день гуляла по вечерам, чтобы расслабиться после работы, — наша жертва была бывшей наркоманкой, и вечерние прогулки были частью программы трезвости.

Мисс Делани не хотела вдаваться в подробности, хотя знала, что вся информация уже есть в досье дочери. Зависимость — это горе, разрушающее семью. Время лечит не все раны.

Рис кивает и смотрит на жилой комплекс, примыкающий к озеру.

— Полиция опрашивала только жителей комплекса, где жила пострадавшая. А что насчет остальных? Вокруг озера стоит три многоквартирных дома.

— Может, есть свидетель, который не объявился, — рассуждаю я вслух. — И любой, кто живет рядом, мог изучить ее распорядок.

— Давай пройдемся по периметру. Посмотрим, сможем ли узнать, какие квартиры находятся в поле зрения места преступления, — Рис направляется к берегу.

Прежде чем последовать за ним, я смотрю на планшет, на изображение на экране. В груди покалывает, когда я осознаю, что вижу.

Прошлой ночью лежа в кровати мне удалось просмотреть большую часть материалов дела. В отчетах тело жертвы описывается с ужасающими подробностями, но в действительности увидеть раны — совсем другое дело; это вызывает инстинктивную реакцию.

Сдержанно вдохнув, я увеличиваю изображение рваной раны, растянувшейся по всей грудной клетке. Несмотря на раздутую от воды кожу и бледность, я могу представить, как выглядела бы рана — как бы ощущалась — после исцеления, если бы жертва пережила нападение.

Это не то же самое место и размер... но при виде травмы у меня кружится голова, словно я перебрала с алкоголем. Ошарашенная, я опускаю планшет.

— Черт возьми, — воздух врывается в легкие, и я сглатываю комок в горле. Я спотыкаюсь о кочку, ноги дрожат. — Рис... — Он меня не слышит. — Агент Нолан!

Это заставляет его остановиться. Он оглядывается на меня, его пиджак распахивается от ветерка. Он вопросительно сводит брови.

Подойдя к нему, я поднимаю планшет.

— Ты это видел?

Он упирает руки в бедра, еще сильнее распахивая пиджак.

— О чем ты говоришь, Хейл?

— Это... — я указываю на фото жертвы. — В отчете судмедэксперта не корректно описали рану. Ты знал об этом? Видел фото? — Обвинение в моем голосе поражает даже меня. Я глубоко вздыхаю. — Я что, схожу с ума?

Он хмурится еще сильнее, прищуриваясь из-за полуденного солнца. Затем смотрит мне в глаза.

— Ты не сходишь с ума.

Я моментально чувствую облегчение.

— Но, — продолжает он, — я спрашивал, готова ли ты взяться за это дело. — В его тоне слышится обвинение.

Я убираю планшет.

— Это не...

— Я прочитал отчет. Изучил фото. Я спросил тебя, — подчеркивает он.

— Подожди. Дело не в моей реакции. Не надо меня анализировать. Здесь есть явное сходство, — теперь, произнеся эти слова, я уже не могу вернуть их назад.

Он напряженно молчит, и я смотрю мимо него, на рябь, покрывающую озеро.

Возьми слова обратно.

Но я не могу. Забытая боль снова оживает.

Рис подходит ближе. К счастью, он не заставляет меня вдаваться в подробности. Ему это не нужно. Он уже видел такую реакцию раньше. У жертв.

— Хейл, посмотри на меня.

Я отрываю взгляд от озера, но мне трудно взглянуть в его понимающие глаза. Тем не менее, я заставляю себя сделать это, чтобы услышать горькую правду.

Линия его подбородка напряжена. По челюсти ходят желваки. Он сдерживается.

— Ты видишь сходство? — наконец спрашивает он.

Я качаю головой.

— Не знаю.

Я вспоминаю занятия по психологии. Один из признаков поздней шизофрении — видеть закономерности там, где их нет. Еще есть иллюзия частотности. Феномен Баадера-Майнхофа. Это также еще и признак стресса. Например, когда человек работает над делом, напоминающим нападение на него.

Самое простое и логичное объяснение. Стресс.

— Сфокусируйся на мне. Вот так, — говорит он, заставляя посмотреть на него. В его стальных глазах что-то вспыхивает, и он берет планшет. Увеличивает рану. — Что говорится в отчете судмедэксперта?

— Длина рваной раны — пятнадцать сантиметров, хотя, возможно и больше. В материалах дела не было фотографии с этого ракурса. Может, патологоанатом неправильно измерил...

— Между этим делом и твоим будет много общего, — говорит он. — Некоторые схожести, из-за которых ты почувствуешь себя неудобно. Никто тебя не осудит, если ты оставишь это дело. — Он сглатывает, и я смотрю, как двигается его кадык. — Я тебя не осужу.

В висках нарастает давление. Я чешу запястье.

— Я могу с этим справиться.

Он тяжело вздыхает.

— Нам надо было вместе изучить все материалы, прежде чем отправляться на место преступления.

— Все в порядке, Рис, — я закусываю губу, и его взгляд опускается ниже, отчего меня пронзает молния осознания. Мы слишком близко друг к другу.

Но, как всегда, он чувствует мою тревогу. Он отступает, давая мне пространство. Кивает один раз, как будто отвечает сам себе на какой-то невысказанный вопрос.

— Первое, что я сделал, — говорит затем Рис, — это выделил все сходства и различия. Я убедился. Случай похож, но это не наш парень. Если бы я хотя бы на секунду подумал, что ваши дела связаны...

— Я знаю, — перебиваю я и, пригладив волосы, смотрю на него. — Похожи. Но почерк не совпадает. — С Джоанны сняли одежду. Это большая разница. — Дело не во мне и моем деле.

— Ты уверена?

— Жертва получила восемь ножевых ранений в туловище в области живота, все разной степени глубины. — Когда я говорю это, его взгляд скользит по моей груди, и я чувствую себя так, словно он может видеть мои шрамы сквозь одежду. Я скрещиваю руки. — Смертельная рана была нанесена ножом в левую часть груди и повредила легочную артерию и легкое. Причина смерти — утопление.

Я цитирую отчет как патологоанатом — сухо и беспристрастно. Это позволяет взглянуть на дело в перспективе, отделяя факты от эмоций.

Я получила десять ножевых ранений. Одна рваная рана грудины. Я потеряла сознание от травм, которые привели к отеку легких. Скорее всего, именно из-за этого я не могу вспомнить нападение.

Рис внимательно меня изучает.

— Это на тебя не похоже.

Я убираю выбившиеся пряди волос, падающие мне на лицо.

— Знаю.

Это было общеизвестно — я не самый эмоциональный человек. Даже после нападения я не могла заплакать. У меня не наворачиваются слезы при виде жестокости, транслирующийся по телевизору. Новости не заставили меня потерять веру в человечество. Рис знает это, и он знает, что эта вспышка... чего бы то ни было, не в моем стиле.

Я не плакала с тех пор, как потеряла Эмбер.

Я делаю глубокий вдох.

— Фото с места преступления потрясло меня. И все.

Это единственное, что я могу признать.

Сначала он сомневается, но затем принимает мое оправдание.

— Мы все еще можем вернуться.

— Нет. Я хочу заняться этим делом. Джоанна заслуживает того, чтобы мы оба потрудились.

Краем глаза я вижу, как Рис поднимает и опускает руку. Может, на секунду он подумал о том, чтобы прикоснуться ко мне, утешить. Но он сжимает ее в кулак.

— Отлично, — он оглядывается. — Похоже, место хорошо просматривается с третьего этажа среднего дома, а также с третьего и четвертого этажа последнего. Нам есть над чем

поработать.

И на этом разговор прекращается. Если я не буду настаивать на этой теме, Рис оставит все как есть.

Пока мы бредем вдоль берега, я фотографирую здания и помечаю все квартиры с видом на место преступления, чтобы потом изучить подробнее. Позже, когда я буду писать эту сцену, я опущу разговор с Рисом. Никто не знает Синтию и что с ней случилось. Страсть Лэйкин заключается в том, чтобы писать, раскрывая правду. Вот в чем ее история.

Мы огибаем участок, заросший камышом и источающий невыносимый болотный запах, и тогда я вижу их.

Лотосы.

Белые, покачивающиеся на поверхности серого озера. Цветы переливаются как расстеленная атласная простыня.

О Боже.

Рис уже спешит ко мне. Мне не свойственна экспрессия, но Рис обычно ведет себя даже более сдержанно — не прикасается, так как уважает границы. Но сейчас он обнимает меня, физическое действие, возвращающее меня к реальности.

— Пойдем, — настойчиво говорит он гортанным голосом. — Не смотри.

Я не могу отвести взгляд от белых лепестков.

— Раньше их здесь не было.

Он не отвечает, но ответа и не требуется. На снимках с места преступления, сделанных в то время, цветов не было. В отчетах нет ни одного упоминания. Лотосы только выросли — кто-то их посадил. Кто-то специально посадил эти ужасные цветы прямо на то место, где утонула жертва.

Глава 9

Книга Кэмерон

Лэйкин: Тогда

Реальные воспоминания или восстановленные? Вы можете подумать: а в чем разница? Память — это память. Но вот в чем загвоздка с восстановленными воспоминаниями. Они не всегда точны. Это как шифр. Существует определенная последовательность событий, и когда мозг не может вспомнить некоторые детали, он смотрит на события до и после, а затем выбирает самый логичный вариант, чтобы заполнить пробелы.

Так что то, что произошло на самом деле, будет отличаться от тех воспоминаний, которыми мой мозг заполнил пробелы.

Я восстанавливала свои воспоминания, используя рассказы о том, что произошло, а также выводы, к которым пришли детективы, ведущие дело.

Ниже я в меру своих возможностей приведу пересказ случившегося в ту ночь.

Грохот музыки в стиле регги наполнил ночной воздух «Док-Хауса». Гирлянды с белыми фонариками словно звездный занавес украсили черное небо. Это было прекрасно, и я в своем смятенном состоянии медленно покачивалась на барном стуле, изо всех сил пытаюсь забыть.

Все.

Кэм убедила меня вернуться к родителям. Съехать из общежития. По пути к Сильвер Лэйк она сделала крюк — быстрая остановка в баре, чтобы утопить мои печали в алкоголе.

Я приглушила сердечную боль с помощью содовой. Затем запила газированную

сладость водой. Хотя Кэм думала, что в рюмке была водка. Я была здесь ради нее, а она — ради меня. Это была ее попытка развеселить меня. Я пыталась пить, но так и не научилась этим наслаждаться. Черт, раньше я никогда не напивалась. Но признаться в этом значило почувствовать себя еще более неловко, а мне просто хотелось быть нормальной.

Я дрожала, пока меня окутывало тепло ночи. Это было словно объятие старого знакомого.

Кэмерон стояла в конце барной стойки, заигрывая с барменом, чтобы получить еще одну порцию выпивки. Его звали... Тони? Тайлер? Я отмахнулась от него, также как от остальных парней, которые подходили к нам сегодня ночью. Но, если честно, их было не так уж и много.

Ночь подходила к концу. Это было официальное начало весенних каникул, и все студенты совершили массовое паломничество в более южные районы, чтобы пить, веселиться и упиваться разворотом подальше от университета.

Несколько отставших неудачников пытались поддержать вечеринку. Одна парочка целуется под навесом. Двое парней в форме сидят за столиком и пьют пиво, очевидно, ища развязных цыпочек, с которыми можно провести выходные. Одинокого пьяного мужчину развезло у деревянной опоры.

Мы были жалкой компанией. Мы делали все возможное, чтобы ночь не кончалась, потому что не хотели, чтобы наступил следующий день. По крайней мере, в своем нынешнем состоянии именно так я воспринимала мир вокруг себя.

Кэм поставила передо мной рюмку с янтарной жидкостью.

— Последняя. Торренс закрывает лавочку.

Торренс. Я щелкнула пальцами. Несмотря на физическое и эмоциональное оцепенение, пальцы меня не послушались.

— Я не могла вспомнить, как его зовут, — я притворилась, что пью текилу, вылив ее через плечо, а затем взглянула на Кэмерон. — Тебе следует пойти с ним.

На сегодня с притворством покончено.

Она усмехнулась.

— Да, это как раз то, что мне нужно.

— Я серьезно. Он горяч. И ради меня ты пожертвовала весенними каникулами в Канкуне. — Я нахмурилась. — Иди. Повеселись. Сделай что-нибудь плохое.

Она перевела взгляд на бармена, и я поняла, что она хотела его. Но она преданно просидит со мной всю ночь. Не этого я хотела.

— Эй, мистер Бармен... — крикнула я.

— О, Боже... Синт. Ты уже так набралась, — засмеялась Кэм и покачала головой.

Перекинув белое полотенце через широкое плечо, он вразвалочку прошел в нашу сторону. Он был темнокожим и мускулистым, с хитрой ухмылкой. Он был именно таким, каким должен быть горячий бармен.

— Привет, — поздоровалась я, облокотившись на стойку. — Хочешь трахнуть мою подругу?

Он привык к такому вниманию со стороны женщин. На лице Торренса не отразился шок из-за моего грубого вопроса. Он знал, что я не пьяна. Он всю ночь наливал мне газировку и воду. Но я не сомневалась, что он использует любую хитрость, чтобы залезть девушке в штаны. Он просто улыбнулся и подмигнул Кэмерон.

Кэм пнула меня по ноге.

— Тебе совсем нельзя пить, — сказала она, но кокетливая улыбка в сторону бармена говорила, что она вовсе не возражает. Она сделала ему знак подождать. — Дай мне секунду разобраться с ней.

Он пожал плечами и направился к кассе, чтобы закрыть бар.

Кэм вздохнула, пододвинув рюмку к краю стойки.

— Мы приехали на моей машине. Как ты доберешься до родителей?

Я отмахнулась.

— Я все равно не хотела к ним ехать.

Она заколебалась.

— С тобой все будет в порядке?

— Конечно, — автоматически ответила я.

Она развернула мой стул, заставив повернуться к ней лицом.

— Я серьезно, Синт. Сегодня был... — она замолчала, покачав головой. — Безумный день.

Я почти хотела, чтобы все связные мысли о Дрю и Челси исчезли. Но вот это опять. Напоминание Кэмерон вызвало комок в горле. Железы уплотнились, и мне стало трудно глотать. Во рту появился кислый привкус обиды, меня замутило.

Произошедшее не было безумием. Это было реальностью, и с женщинами такое происходило постоянно. Если бы я была безумна, то, по крайней мере, мне не пришлось бы разбираться с последствиями. Хотела бы я просто сбежать. Перейти к следующей главе.

Но мне не так повезло.

Я была полностью в своем уме, и прекрасно осознавала, что Дрю со мной сделал.

Что сделала Челси...

Я закрыла глаза, позволяя музыке заглушить мысли.

— Синт... — Донесся до меня голос Кэмерон. — По крайней мере, за весенние каникулы все уляжется. К началу занятий все найдут новую тему для разговоров.

Но я не буду, я НЕ СМОГУ двигаться дальше.

Может, университет займется Дрю. Его отчитали за то, что он спал даже не с одной, а с двумя студентками, одна из которых забеременела. Но его родители откупятся. Через месяц профессор Эндрю Эббот вернется к преподаванию. Конечно же, после того как женится на Челси, превратив весь скандал в романтическую историю.

А меня весь последний курс будут называть «та, другая». Распутная цыпочка, грязная штучка.

У меня не было столько денег, чтобы вернуть себе репутацию.

— Тогда позволь мне оплатить такси.

Я открыла глаза.

— Идет.

Кэм взяла мой телефон и открыла приложение.

— Куда ты хочешь поехать? В квартиру или к родителям? Только честно?

«Док-Хаус» был намного ближе к Сильвер Лэйк. Но наша квартира была пуста, и такой и останется, если Кэмерон уйдет с барменом.

— Я хочу домой, — сказала я.

Кэм кивнула. Она знала, какое место я считала своим домом.

— Машина будет здесь через двадцать минут, — она уставилась на Торренса, стоящего на другом конце длинной барной стойки.

Я оттолкнулась от табурета и вцепилась в стойку, чтобы удержать равновесие. Тут я поняла, что весь день ничего не ела.

— Дерзай. А я сначала прогуляюсь до причала. Прочищу голову. Посмотрю на звезды.

У Кэм все еще было неуверенное выражение лица, но она уже повернулась в сторону своего будущего завоевания.

— Ты уверена?

Я выдавила улыбку.

— Уверена. Вперед.

Она ушла.

Я могла вернуть ее. Сказать лучшей подруге, что нет, я не хочу оставаться наедине со своими мыслями. Что это была ее идея остановиться здесь и залить мои безумные проблемы алкоголем.

Но ее уже не было.

Я пригладила непослушные, спутанные от влаги волосы, и на секунду почувствовала, что кто-то за мной наблюдает. Жуткое ощущение вызвало холодные мурашки на загривке.

Я подавила это чувство. Я огорчена. Расстроена.

И в одиночестве.

Свет погас, сигнализируя о закрытии бара. Я поспешила к пляжу. Все мои грустные друзья покинули бар. Пока я наблюдала, как Кэм уходит с барменом, отчаяние поедало меня изнутри.

Что, если у бармена есть девушка... или жена? Она хоть спросила его?

Раньше я считала, что в измене следует винить мужчину. Но теперь...? У меня перед глазами стояли светлые волосы и высокая грудь Челси.

Боже, я ее ненавидела.

Я знала, что мой гнев на Кэм и даже на Челси был не обоснован. Какая же я лицемерка. Встречалась со своим преподавателем. Клише, заслуживающее моего печального исхода, как будто я напрашивалась на это.

Карма.

«Возможно, я заслужила эту боль», — подумала я, ступая на деревянные доски причала. Я не понимала, почему меня тянет туда. Возможно, из-за сна. Мой самый большой страх уже реализовался. Мне уже больно, больно из-за того, что правда вылезла на свет.

Чего еще было бояться?

И все же я забрела на пирс, желая переписать историю — как будто только мое присутствие здесь было вызовом судьбе.

Совершенно нелогично с моей стороны.

Любовь и боль делают нас иррациональными.

Мне было интересно, чувствовали ли Дрю с Челси хоть капельку этой душевной боли. Мои мысли унеслись в темные, темные места. В голове прокручивались лекции по психологии. Месть еще никогда не приводила ни к чему хорошему. И все же...

Я хотела возмездия.

Я хотела, чтобы они оба испытали эту ужасную, унижительную боль.

Под ногами скрипели старые, потрепанные водой доски. Я не могла понять, это я качаюсь или пирс. Я подошла к концу причала и заглянула в черную воду. Чернильную гладь озера покрывали лотосы, их лепестки странно переливались, роса преломляла свет звезд.

Я уселась на краю. Через некоторое время пришло сообщение от водителя такси. Он

ждал на стоянке. Я проигнорировала смс и отключила звук. Мне было все равно. Я свернулась клубочком прямо там, убаюканная плеском озера о доски.

Я уснула. Или, истощенная, отключилась от голода. Я не знала точно. Все, что я помню, так это то, как я смотрю на покачивающиеся лотосы, а затем... ничего. Этот период времени словно темное пятно.

Есть лишь проблески, вспышки крови в воде. Запаханный красным лотос. Сокрушительная боль в груди при попытке сделать вдох. Очертания мужчины... его руки.

Это все, что у меня есть.

Реальные, восстановленные или ложные воспоминания, которые создал мой мозг, чтобы заполнить пробелы.

Следующее, что я помню, — это пробуждение в больнице.

Глава 10

Открытие

Лэйкин: Сейчас

«Тики Хайв» — лишь одно из многих тики-заведений, разбросанных по побережью Флориды, и последнее место работы жертвы. В отличие от других пляжных баров, оформленных в дешевом экзотическом стиле, этот — сочетание изысканной пляжной жизни и элегантности. Бар для более обеспеченных жителей и туристов Мельбурна.

Прозрачные белые занавески колыхались в окнах от пола до потолка. Внутри витал ароматный бриз океана и кокоса, обеспечивая пляжному ресторану приток молодежи.

Майк Риксон был в самом конце списка подозреваемых, но материнский инстинкт Бетани Делани поднял его на первое место. Ранее его уже допрашивали в связи с оборотом наркотиков в сфере питания. Приняв во внимания историю зависимости Джоанны, следователи уже проверили эту версию, но мы не можем сбросить со счетов этот вариант. Нам нужно снова взглянуть на историю со всех сторон.

Судмедэксперты провели токсикологический анализ и не обнаружили наркотиков, но это не означает, что мы можем полностью исключить версию, связанную с наркотиками из прошлого девушки.

Мы с Рисом сидим в баре напротив владельца ресторана, пока он вытирает стаканы. Медленно. Майк Риксон не торопится, оттягивая разговор. Он не понимает, что в случаях с «глухарями» это бессмысленно. Мы никуда не торопимся. Мы частой гребенкой прочесываем дело, проверяя детали, которые из-за спешки могли упустить в первоначальном расследовании.

После того, как мы покинули место преступления — точнее, сбежали — мы с Рисом обошли соседние многоквартирные дома, ища любого, кто мог видеть жертву в ночь убийства. Но ничего не нашли. Поэтому мы решили сделать перерыв и пообедать в «Тики Хайве». Два зайца одним выстрелом.

Майк ставит стакан на подставку.

— Не знаю, чем вам помочь. Я еще год назад рассказал все, что знал, — он перекидывает белое полотенце через плечо.

У меня возникает дежавю. Это движение вызывает воспоминание о той ночи в «Док-Хаусе», и я вспоминаю Торренса, бармена. Его учтивые движения. Привлекательную внешность. Как он подмигнул Кэм.

Я подавляю воспоминания и откашливаюсь.

— В любом случае, давайте в последний раз пробежимся по вопросам.

В ответ на его равнодушное пожатие плечами я достаю телефон и включаю диктофон. Пока Рис начинает допрос, я стараюсь не обращать внимания на то, что меня охватывает чувство дежавю. Сердце бьется слишком быстро. Каждый раз, когда Майк улыбается, сердце бьется так громко, что заглушает все вокруг.

Эта улыбка.

Должно быть, это паранойя. Я все еще не успокоилась после того, как увидела белые лотосы, но, когда Майк Риксон смотрит на меня..., клянусь, в его резких чертах есть что-то знакомое.

— В тот день она работала, — подтверждает Майк, снова пожимая плечами. — Это последний раз, когда я видел Джоанну. Через два дня, когда полиция пришла сюда, чтобы допросить меня и сотрудников, я узнал, что ее убили.

Я приподнимаю бровь.

— Кого допрашивали?

Он делает глубокий вдох.

— Меня, Сэла, Ромеро и Джессику.

Похоже, это не все работники. Я оглаживаю ресторан и замечаю, как минимум двадцать столиков.

Рис подхватывает мою мысль.

— Вы помните, кто работал с Джоанной в ее последнюю смену?

Майк проводит рукой по взъерошенным волосам.

— Вообще-то, нет. Давайте я пойду, распечатаю расписание, хорошо?

— Спасибо, — говорю я.

Он кивает и уже поворачивается, но делает паузу, чтобы добавить.

— О, и Торренс. — Мое сердце пропускает удар. — В тот день он тоже был здесь со мной.

— Подождите, — говорю я, не давая ему уйти. Замешкавшись, я ломаю голову, пытаюсь придумать, как выведать побольше информации о Торренсе. — Он не упоминался в материалах дела.

Майк пожимает плечами.

— В тот день, когда приезжали копы, Тора не было.

Рис изучает мой профиль. Я наклоняюсь ниже над стойкой, чтобы ускользнуть от его взгляда.

— Почему?

— Я не знаю. Вам придется самим спросить об этом у моего брата.

Сердце гроыхает так, что становится больно. Брат.

— Он здесь? Сейчас?

— Ага. Я его позову.

Меня охватывает паника, в ушах шумит. Когда он толкает вращающуюся дверь, я слезаю со стула. Я не могу быть здесь. Если это тот же бармен, что обслуживал меня в ночь нападения, я могу поставить расследование под угрозу.

Рис ловит меня за руку, прежде чем я успеваю убежать.

— Хейл, во Флориде, проживает не один Торренс. Также как здесь есть не одно озеро с лотосами.

— Я понимаю, — Рис знает мое дело не хуже меня. Он допрашивал бармена Торренса.

Я читала записи допроса, наводящие вопросы, которые он задавал, когда пытался выстроить последовательность событий, произошедших той ночью.

Мне хочется щелкнуть браслетом на запястье. Я заправляю выбившуюся прядь за ухо. — Я понимаю, — повторяю я, — и фамилия Торренса — не Риксон. Майк сказал, это его брат. Скорее всего, это другой человек. Но если есть хоть малейший шанс... мне нужно уходить.

Агент в напряжении поджимает губы. Он понимает, если это тот самый Торренс из моего прошлого, то расследование радикальным образом изменится.

— Две женщины, — говорю я тихо. — Схожее нападение.

Мне больше не нужно ничего говорить. Одна мертва. Другая — нет.

— Рис, если это тот же человек, он может не узнать тебя. Но только, если я уйду.

Увидев нас обоих, он точно все поймет.

Рис кивает.

— Иди.

Я выхожу на улицу, ноги дрожат, мир вокруг кренится. Мысленно я уже перескакиваю с одного дела на другое, находя параллели. Это нехорошо. Нельзя смешивать эти два расследования, Джоанне это только навредит.

Я прижимаюсь спиной к балке под навесом, чтобы убедиться, что меня не видно. Ровно и глубоко дыша, я замедляю пульс, позволяя соленому океанскому воздуху очистить легкие.

Я потираю резинку, перекручивая ее.

В ночь моего нападения у Торренса было твердое алиби.

Кэмерон.

Но у его брата...

Я поворачиваюсь и осторожно заглядываю внутрь. Дверь кухни распахивается, и Майк подводит к Рису своего брата. Это он. Сердце снова заходится в бешеном ритме, в кровь впрыскивается адреналин.

После нападения на меня никто не допрашивал брата бармена. Да и зачем? Не было никакой причины задавать ему вопросы, приглядываться к людям, связанным с Торренсом.

Его и сейчас с натяжкой можно связать с моим делом, связь косвенная, но это настоящая нить. Первая зацепка в моем деле.

— Дерьмо, — бормочу я. Перестань.

Это не мое дело.

Я отворачиваюсь и смотрю на пляж, повторяя эту фразу: это не мое дело. Я твержу ее, пока передо мной не появляется Рис.

— Он узнал тебя? — спрашиваю я.

Перекинув пиджак через плечо, Рис закатывает рукава белой классической рубашки.

— Да. Думаю, большинству людей не так просто забыть, как их допрашивал агент ФБР.

Нет, большинство людей этого не забудет. Я нервно переминаюсь с ноги на ногу. Желая получить ответы на все вопросы сразу.

Рис дергает подбородком в сторону парковки. Когда мы оказываемся на приличном расстоянии от «Тики Хайв»,

— Пока мы не можем ни в чем быть уверенными, — говорит он, наконец.

Медленный вдох.

— Я понимаю.

— Для начала я свяжусь с командой в Квантико. Мы тщательно проверим биографию Майка Риксона и Торренса Карвера. Которые, кстати, сводные братья. Давай посмотрим,

какие сходства найдем... если таковые вообще есть. — Он смотрит на меня. — Это может быть совпадением.

— Нет такого понятия.

Он тяжело вздыхает.

— Собираешься прочесть мне лекцию по психологии?

Я пожимаю плечами.

— Это не психология, а логика. Само определение совпадения — это два или более событий, которые неожиданно произошли в одно время без очевидного объяснения. — Я останавливаюсь посмотреть ему в глаза. — Тот факт, что мой случай может каким-то образом быть связан с делом Джоанны... это не совпадение. У нас есть два подозреваемых, связанных с двумя делами. Это факт.

Мгновение он обдумывает мои слова.

— Отлично. Расскажи мне свою теорию.

Я отвожу глаза.

— Рис... у меня ее нет. Я просто думаю, что мы должны расследовать...

— Нет. Ты уже перешла к выводам. Я вижу по твоим глазам. Этот отстраненный взгляд надежды. Так что давай сделаем это.

Я скрещиваю руки.

— Я могу и обидеться.

— Мне все равно. Неважно, над сколькими делами мы работали, сколько из них раскрыли, ты все равно жертва, Хейл. Это факт.

Его слова пронзают меня, словно нож.

Он глубоко вздыхает, его лицо расслабляется. Голос становится более мягким.

— Я не это имел в виду, — он подходит ближе, и я чувствую аромат его одеколona. — Я просто хотел сказать, что ты смотришь на дело с точки зрения жертвы. Ты знаешь, что они ощущали. Ты можешь чувствовать связь с ними. Даже лучшие детективы и агенты на это не способны.

— Но...? — продолжаю я.

— Но суть не в том, чтобы думать, как жертва. Мы говорили об этом. Это может быть опасно. Ты должна знать, где провести черту. Ты должна держать дистанцию между собой и жертвой. И я не думаю, что в этом конкретном случае у тебя это получится.

Во мне вспыхивает упрямство, и мне хочется крикнуть, чтобы он взглянул на факты. Как он может закрывать глаза на такую очевидную связь? Но он прав. Боже, мне неприятно это признавать, но он прав. Я воспринимаю это слишком лично. Я уже подошла к грани.

С того момента, как я услышала имя Торренса, мой мозг уже все решил: это связано с моим делом, со мной. Сильвер Лэйк всего в ста милях отсюда. С точки зрения логики не исключено, что бармен и его брат могли быть случайно связаны с двумя похожими нападениями.

Это маловероятно, но возможно. Вероятно, так или иначе, можно найти связь между братьями и другими нападениями на женщин. Этот факт — ужасная реальность, хотя и правда. Они работают в сфере, где алкоголь играет немаловажную роль. Только такое здравое, хладнокровное мышление поможет мне дистанцироваться от дела Джоанны.

— Мы проверим эту зацепку, — говорит Рис, и я выныриваю из своих мыслей. — Обещаю. Мы проверим все зацепки и теории, и если...

— Не говори этого, — я на мгновение прикрываю глаза. — Просто не надо. Я знаю, что

поспешила. Сначала увидела лотосы на месте преступления... и потом слишком остро отреагировала. — Я тяжело сглатываю. — Я все поняла. Я в порядке.

Он медленно кивает.

— Мне нужно, чтобы ты была объективной, пока я не скажу иначе.

— Отлично.

Когда мы садимся в арендованную машину, Рис протягивает мне телефон. Я забыла его на стойке.

— Мы снова прослушаем допрос в отеле. Думаю, Риксон мог дать нам новую зацепку.

У меня голова гудит от новостей. Я не уверена, какую зацепку хочу — ту, что приблизит меня к моему убийце или нет — но, по крайней мере, мы не зашли в тупик.

Когда я только начала писать романы по реальным событиям, то мне хотелось быть такой же, как Рис. Тем, кто мог думать, как преступник, как убийца. Тем, кто может забраться преступнику в голову.

Сейчас я должна быть таким человеком.

Мы останавливаемся на обед в закусочной рядом с отелем, так как я сбежала из ресторана до того, как мы успели поесть. В вестибюле отеля я говорю Рису, что пойду в свой номер, чтобы освежиться, а затем мы встретимся у него. Я словно в трансе поднимаюсь на лифте. Пока не позволяю себе полностью оценить события.

Оказавшись в своей комнате, я быстро принимаю душ, действуя на автопилоте. Заматываю голову полотенцем, направляюсь к чемодану, разложенному на кровати, когда замечаю сложенный клочок бумаги, подсунутый под дверь. Предположив, что это счет, я поднимаю его и несу к столику, чтобы позвонить на стойку регистрации и сообщить им, что они ошиблись. Я пока не собираюсь выезжать.

— Да, здравствуйте. Я получила счет... — мои слова обрываются, когда я раскрываю записку.

В ушах шумит кровь. Я едва слышу женщину на другом конце провода, которая окликает меня.

— Мэм?

— Простите, — у меня дрожит голос. — Я ошиблась. — Я кладу трубку. — О, Боже.

Я роняю записку на стол и бросаюсь к сумке. Нахожу пару латексных перчаток и пакетик для улик. Нужно позвонить Рису.

Я замираю посреди комнаты. Окаменевшая. И просто смотрю на письмо.

Возможно, Рис сомневается, что это дело связано со мной, но кто-то явно думает иначе.

Глава 11

Записки из прошлого

Лэйкин: Сейчас

«Я нашел тебя».

Как три простых слова могут вызвать такой страх?

Вне контекста они ничего не значат. Как строчка из песни. Смс-ка. Фраза «Я нашел тебя» может иметь бесконечное количество значений.

Посреди расследования «висяка», когда я отчаянно пытаюсь не погрузиться в пучину прошлого, эти слова вызывают образ мужчины — воспоминание о темном силуэте, похороненное в моем подсознании. Рука, тянущаяся сквозь воду...

Возможно, он искал меня так же, как я прочесывала свои воспоминания в поисках его?

Последние несколько лет я верила, что этот человек спас меня. Но когда я смотрю на записку, во мне пробуждается беспокойство. Я узнаю этот почерк.

Вопрос, который я старалась себе не задавать: что, если человек, который вырвал меня из лап смерти, и есть убийца?

Такое случалось и раньше. Сначала ты отбираешь жизнь, а в следующую секунду на тебя накатывает раскаяние. Но это не соответствует жестокости преступления. Трудно представить, что убийца наносит женщине десять ударов, бросает ее в озеро, а затем возвращается, чтобы спасти.

Мой психолог сказал, что, вероятно, я сама создала этот образ, фиктивное воспоминание такое же, как яркий мерцающий свет.

Скорее всего, у меня нет реальных воспоминаний о моменте смерти. Мой мозг выстроил историю, которая соответствует тому, что мне рассказали о случившемся.

Печально, но мою смерть окружает только тьма.

Но именно в этой тьме я застряла. Ответ где-то здесь... и я найду его, если смогу бросить вызов страху. Потому что чаще всего люди боятся неизвестности. А когда то, чего мы боимся, наконец происходит, нам ничего не остается, кроме как принять реальность ситуации.

Так работает мой умный мозг. Люди удивительно стойкие. Мы восстанавливаемся. Даже торжествуем. А потом удивляемся, чего вообще мы боялись.

Безысходность — вот, где живет страх. Он разрастается в этом темном месте, как мох на тенистой стороне дерева. Все, чего мы боимся, таится в тени. Безымянный, безликий монстр. Вот почему я не буду скрывать это послание.

Рис кладет упакованную в пакет записку на стол. Он попытался снять отпечатки, но там были только мои.

— Почерк типично мужской.

Я согласна с его заключением. Я подумала так же. Написавший письмо не пытался скрыться. Не совсем — но мне все равно было не от чего оттолкнуться.

Рис позвонил в службу безопасности отеля, чтобы узнать о камерах в коридоре. Но оказалось, что они не работают из-за обновлений системы безопасности.

Идеально подобранное время или слепая удача?

— Если бы я хотел кого-то напугать, — говорит Рис, — я бы написал самое загадочное, что только можно. Чем больше информации в записке, тем больше власти ты даешь адресату. А в этой записке нет ничего. Думаю, ее отправили, чтобы напугать тебя.

Я сцепляю пальцы у основания шеи и упираюсь локтями в колени. Думаю.

— Знание — сила, — соглашаюсь я. — Но тогда зачем вообще отправлять записку? Если хочешь кого-то запугать, есть гораздо более эффективные способы.

Это первоначальная теория, от которой мы отталкиваемся. Автор записки хочет, чтобы мы перестали копаться в убийстве Делани.

Причина кажется достаточно очевидной: убийца не хочет, чтобы его поймали.

С другой стороны, он использовал немного запутанный способ.

— Но почему я? — Задаю я более очевидный вопрос. — Если это не имеет ничего общего с прошлым... — «прошлое» кажется менее страшным словом, чем «мое убийство» — тогда почему бы не отправить сообщение тебе? Ты федеральный агент. Только в твоей власти прекратить расследование.

Я хочу, чтобы Рис читал между строк. Я хочу, чтобы он сам установил связь.

— Я думаю, это очевидно, — отвечает он. Он вздыхает, видя, что я в замешательстве. — Любой, кто внимательно за нами понаблюдает — за мной, тобой, нашей командной динамикой — может сделать вывод, что ты — инструмент.

— Опять повторяюсь, — говорю я, и в моем голосе слышится раздражение. — Ты сегодня так и фонтанируешь комплиментами.

Он проводит рукой по волосам, выходя таким же взволнованным, как чувствую себя я.

— Я имею в виду, инструмент, с помощью которого можно меня контролировать.

— Оу, — я на мгновение задумываюсь над его теорией. — Это похоже на сексизм. Ты же в это не веришь, не так ли?

Рис расслабляется на диване. Он проводит ладонями по брюкам, разглаживая складки. Когда он поднимает глаза и смотрит на меня, я вижу в его взгляде скрытое беспокойство.

Нам уже и раньше пытались помешать проводить расследование. Старые, крутые детективы, которые не хотят, чтобы кто-то доказал, как они ошибались. Члены семьи, испытывающие чувство вины и полагающие, что их действия привели к смерти их близких.

Но это другое. Это как-то зловеще.

— Я считаю, что для человека со стороны, ты — писатель, работающий в ФБР. И значит, что ты достаточно важна для подразделения, чтобы платить тебе зарплату и при этом не заставлять проходить тренировки и длительные процедуры, как остальных. И под словом «важна» я имею в виду, что у тебя есть влияние. — Он пожимает плечами. — Прямо как мисс Делани. Она ждала от тебя заверений. Она прочитала твою книгу и хотела, чтобы ты пообещала, что мы раскроем убийство ее дочери.

Справедливо.

— Это означает, что кто-то изнутри также мог выбрать меня целью.

— Например, агент? — с сомнением спрашивает он.

— Почему бы и нет? Если кого-то не повесили по службе или не зачислили в команду... Они могут обвинить в этом меня.

Он качает головой.

— Никто не хочет оказаться в отделе безнадежных дел. — Он становится мрачным от резких слов. — А как насчет одержимого фаната? — предлагает он, вздернув голову.

Признаюсь, мне это в голову не приходило. Но нет, я слишком хорошо скрываю личность.

— С учетом количества вариантов, это самый простой.

Я внимательно слежу за ним.

Он ухмыляется.

— Опять твоя психоболтология.

— Вообще-то, философия. Бритва Оккама. Слишком много предположений может привести к неверному пути.

— Полагаю, так и есть, — проронав, он наклоняется вперед за моим телефоном. — Как бы то ни было, мы делаем именно то, чего хочет подозреваемый. Задерживаем расследование.

Он смотрит на телефон, и я будто освобождаюсь из плена, напряжение меня отпускает. Рис никогда не упоминал о моей предсмертной «галлюцинации». Ни разу со времени моего признания. Надо признаться, я ожидала, что в какой-то момент он об этом заговорит, словно письмо могло навести его на эту тему.

Тогда он не поверил мне, так что мне не следовало ожидать, что он всерьез рассмотрит

этот вариант сейчас.

Письмо ничего не доказывает.

Возможно, Рис прав насчет моих поспешных суждений.

Я тру лицо, пытаюсь стереть следы усталости.

— Хорошо. Давай пройдемся по интервью братьев. Что у нас есть нового?

Он кладет телефон на стол и перематывает запись на середину.

— Торренс вспомнил повара, которого его брат нанял на несколько недель. Сказал, что его уволили из-за жалоб женщин.

Я приподнимаю бровь.

— И это не всплыло во время первого допроса Майка Риксона?

— Вот. Слушай, — он включает запись.

Я достаю блокнот. Мне нравится делать заметки, а потом переносить их в книгу. А еще фокус на истории помогает мне дистанцироваться. Мне нужно отвлечься.

«...На той неделе мы работали не в полном составе. Разве ты не помнишь, Майк? Тот парень... Как его звали? Господи, я даже не могу вспомнить. Какое-то странное имя».

«Козн».

* щелчок *

«Точно. Козн. Он прогулял пару дней, и мне приходилось прикрывать его. Работать в две смены. В любом случае, с учетом всех жалоб от женщин, Майк выкинул его задницу».

«Какие жалобы?»

«Кое-кто из постоянных клиентов, мы называем их пляжными тигрицами. Они сказали, что чувствуют себя с ним неудобно. Он вроде как просто паялся на них, полная жуть. Одна женщина сказала, что он к ней приставал, предлагал ей бесплатные напитки. Ха. Да, ему пришлось уйти».

Рис ставит запись на паузу.

Я отрываю взгляд от записной книжки.

— Торренс смог вспомнить фамилию этого Козна, который отсутствовал во время первого допроса?

— Нет, — отвечает Рис. — И что еще более подозрительно, по словам Риксона, так как этот парень проработал всего несколько недель, он не потрудился внести его в систему расчета заработной платы. В принципе, его могло и не существовать.

— Только в их воображении, — ниточка, которая снимет подозрения с братьев.

Рис идет к барной стойке и достает воду из мини-холодильника. Он немного прихрамывает, так как переносит большую часть веса на здоровую ногу. После целого дня ходьбы нога начинает его беспокоить.

— Но мне удалось узнать имена женщин, подавших жалобы, — говорит он. — Поскольку они часто бывают в баре, их будет достаточно просто найти.

— Может быть, — говорю я, — если они достаточно часто бывают в баре, они даже смогут подтвердить, действительно ли братья работали в ночь убийства Джоанны. — Потому что в противном случае нам придется выбивать эту информацию из персонала. Члены семьи часто прикрывают друг друга.

На моих губах появляется улыбка, когда я думаю о Рисе, который отбивается от пляжных тигриц.

— Тебе стоит взять это на себя. Уверена, тигрицы с пляжа тебе понравятся.

Он делает глоток воды и закрывает бутылку.

— Смешно. Но у меня ведь есть подход к леди, не так ли?

Я приподнимаю бровь.

— Это шутка, агент Нолан?

— Не привыкай к этому.

Я качаю головой и снова принимаюсь делать записи. Рис пытается поднять мне настроение, и я ценю его усилия. Я прекращаю писать, когда меня осеняет.

Я смотрю на телефон, гадая, что сказал обо мне бармен Торренс. Не то чтобы мы друзья или близкие приятели, нас всего лишь свело неудачное стечение обстоятельств. По словам Кэмерон, она больше никогда не видела его с той ночи. Мимолетная интрижка, о которой она тут же забыла после того, как на ее лучшую подругу напали и чуть не убили.

Затем был разговор с Торренсом, когда Рис возобновил мое дело. Десятиминутный допрос, который не принес ничего нового. Я ушла к причалу. Торренс и Кэм вышли из бара и отправились к нему в квартиру. Ничего больше.

Я беру телефон. Мне нужно знать, что он сказал обо мне и Джоанне. На двух женщин, связанных с барами, где он работал, напали, и это слишком жутко.

Я пытаюсь представить лицо Майка Риксона, приближающегося ко мне на причале...

Неужели брат Торренса пришел искать его, а нашел меня? И Джоанна отчасти повторила мою судьбу?

— Думаю, на данный момент этого достаточно, — говорю я, вставая и прижимая блокнот к груди. Я убираю телефон в задний карман. — Я закончила. Увидимся утром.

— Нам лучше жить в одной комнате.

Его слова останавливают меня у двери.

— Ты серьезно? Из-за загадочной записки из трех слов? Ты же вроде сказал, что нам не стоит воспринимать это всерьез.

— Я никогда этого не говорил. Будь то одержимый фанат, ревнивый агент или безумный призрак из твоего прошлого, осторожность не помешает.

Упоминание о призраке из прошлого заставляет меня вздрогнуть. Он не забыл. Означает ли это, что он верит в него, или просто верит, что я думаю, что он реален?

— И твои инстинкты агента ФБР говорят, что я в опасности, — оброняю я.

— Они говорят, что этот человек знает, где ты живешь. Они знают номер комнаты, потому что, скорее всего, следили за тобой. — Он делает паузу, чтобы я осознала всю серьезность положения. — Пока мы не вычислим автора записки, я с тебя глаз не спущу. Сегодня ты останешься в моей комнате.

Глава 12

Книга Кэмерон

Лэйкин: Тогда

Пробуждение в больничной палате похоже на рождение во второй раз, только соображаешь лучше младенца. Все чувства обострены. Свет слишком яркий. Звуки слишком громкие. Запахи невыносимые. Накрахмаленные простыни натирают кожу, как соленая вода обжигает рану.

Каждое движение вызывает дискомфорт. Вы не помните, что такое голод.

Только жажда.

У меня во рту настолько пересохло, что язык был словно наждачная бумага. Или как паутина. Я все время пыталась вытащить ее, пока одна из медсестер не уменьшила дозу

морфия.

А потом... боль.

Мое тело было сгустком боли.

Мне понадобилась неделя, чтобы вспомнить свое имя.

И еще две недели, чтобы самостоятельно пользоваться ванной.

Это был первый раз, когда я увидела в зеркале изуродованное тело...

Скажем так, по сравнению с психологической травмой физическая агония была терпимой.

Но хуже всего была изоляция. Даже после Эмбер мне не было так плохо. Я никогда не чувствовала себя такой одинокой, такой отрезанной от мира. словно мой собственный маленький мир остановился, а все остальные продолжали жить без меня. Я застыла в подвешенном состоянии.

Я провела первые дни, засыпая и просыпаясь, исцеляясь, восстанавливаясь. Мое тело боролось за жизнь. Я еще не понимала, почему лежу в больнице. Я существовала в пространстве где-то между реальностью и кошмаром. Меня словно охватил сонный паралич, и я из-за всех сил старалась полностью проснуться.

Когда я пробивалась в страну живых, детектив Даттон был первым, на кого падал мой расплывчатый взгляд.

Мое первое впечатление о детективе Даттоне:

Толстый и ленивый. С животом, переваливающимся через черный ремень, для меня он был воплощением всего неправильного в мире, и, в частности, в Америке. Делаящий ровно столько, чтобы не выгнали, но не стремящийся ни к чему большему.

Не дай Бог, он действительно меня слушал. Не думаю, что Даттон мне поверил, или он был слишком безразличен, чтобы искать убийцу. Для него угроза миновала... если она вообще когда-либо существовала. Я могла сказать это по тому, как его водянистые глаза, страдающие от катаракты, пристально смотрели на меня; он был из клуба старых мальчиков — тех, которые думают, что если женщины ведут себя не как примерные девочки, то получают то, что заслуживают.

Как и положено, Даттон пригласил врача проверить мои жизненные показатели и провести анализы, после чего мне разрешили поговорить с ним. Он сразу перешел к вопросам.

«Вы помните, как были в «Док-Хаусе»?»

«Вы помните, кто был там той ночью? С кем вы разговаривали... помните?»

«Вы помните хоть что-нибудь?»

Ответ на каждый вопрос: не помню.

Это рассердило детектива. Он очень хотел побыстрее разделаться с делом, и я никак этому не способствовала. Но я не верила. Когда он рассказал все, что было известно о ночи нападения, я слушала, словно это история о ком-то другом.

Он поспешно изложил свою гипотезу о том, что произошло:

Мы с Кэмерон пошли в «Док-Хаус». Дрю, все еще разъяренный из-за ссоры, выследил меня до бара и, после того как тот закрылся, загнал в угол на причале. Мы поссорились, и он десять раз ударил меня ножом, а затем попытался скрыть улики, выбросив тело в Мертвую реку. От меня не ускользнула горькая ирония. В Мертвой реке водились только аллигаторы (и, по словам Даттона, мне повезло, «не оказаться съеденной аллигатором»). Затем, слабое течение, должно быть, унесло меня ближе к озеру Юстис. Там меня

выбросило на берег, а через несколько часов ранним утром на тело наткнулся рыбак. К тому времени, как прибыли медики, я не реагировала на раздражители, предположительно мертвая.

Но они меня оживили.

У меня был пульс, хотя и слабый. Я потеряла много крови. Меня срочно доставили в Сильвер Лэйк Мемориал.

— Прошло восемь дней, — подчеркнул детектив Даттон. — Очень важно, чтобы вы попытались, Синтия. Попробуйте вспомнить, что случилось той ночью. Вы помните, как видели Дрю в баре?

Я не помнила ничего из рассказанного Даттоном. У меня участился пульс, пульсометр пищал все быстрее. К острой физической боли добавилась глубокая ноющая, и я с трудом могла дышать. Этого не может быть. Но где-то в глубине души я знала правду. В душе вспыхнула знакомая боль — чувство предательства от клинка, вонзившегося в спину.

Челси была беременна.

Я поссорилась с Дрю.

Мы с Кэмерон пошли в «Док-Хаус».

А потом...

Я покачала головой.

— Я не помню. — Голова раскалывалась от боли.

Даттон нахмурился.

— По словам вашей подруги Кэмерон, вы спустились к пирсу. Вы помните, был ли там кто-то еще? Вы видели Дрю?

Упоминание Кэм вызвало проблеск воспоминаний. По какой-то причине имя лучшей подруги вызвало гнев. Я злилась на нее... но не знала почему.

— Я хочу с ней увидеться, — хрипло сказала я.

Детектив скрестил руки и подошел к постели.

— Разве ты не хочешь сначала увидеть родителей? — спросил он. — Они очень беспокоились.

Правильно. Родители.

— Да, пожалуйста, позовите их, — сказал я. — Я не хочу больше об этом говорить.

Я плохо соображала из-за морфия и вообще была как в тумане после пережитого, но все равно заметила, с каким выражением смотрит на меня детектив Даттон и осуждающий блеск в его прищуренных глазах. Он анализировал меня, словно я была подозреваемой.

— Хорошо, — сказал он. — Мы вернемся к этому снова, когда вы поправитесь. Пожалуйста, свяжитесь со мной, если хоть что-нибудь вспомните... пусть даже какую-то мелочь. Может, память восстановится, когда действие обезболивающего закончится. — Он положил на столик визитку и дважды постучал по ней.

Мы оба знали, что это неправда. В любом расследовании найти преступника было легче по горячим следам. А значит, первые воспоминания жертвы крайне важны. На восстановленные воспоминания могли повлиять средства массовой информации, а также рассказы семьи и друзей. Воспоминания о нападении на меня будут утрачены, пока мой разум не решит иначе.

Когда родители вошли в палату, я нашла в себе силы сесть. Увидеть лицо матери в тот момент... Меня словно снова ударили в живот. С тех пор, как я видела ее в последний раз, она постарела лет на десять, а мой отец — всегда прочная, негибаемая основа нашей

маленькой семьи — был иссохшей оболочкой его прежнего «я».

Я терпела объятия, прикосновения и кудахтанье только потому, что они не допрашивали меня и не требовали объяснить, что произошло. Единственное, что их волновало и радовало — что их единственная дочь воскресла из мертвых. Они не хотели портить момент воссоединения. И я была благодарна.

Стоило мне убедить их, что я устала и мне нужно отдохнуть, но я хочу увидеть Кэмерон, они привели ее и заверили меня, что будут в коридоре.

Сначала она не смотрела на меня. Кэм уперла взгляд в пол.

— Я так рада, Синт. Ты не представляешь, как я волновалась...

— Что случилось?

И тут она посмотрела на меня. Я могла разглядеть это в ее глазах. Вина. Она придвинулась ближе и глубоко вздохнула, собираясь с силами.

— Ты была так расстроена, — сказала она. — Я пыталась уговорить тебя пойти с нами...

— С кем, с нами? — Вопросила я, все еще не понимая, почему так враждебно настроена.

Она скрестила руки, защищаясь.

— Торренс. Бармен. Помнишь? Ты сказала мне пойти с ним. В смысле, ты практически сводничала.

Я уронила голову на подушку.

— Я не помню, Кэм. Черт, я ничего не помню о той ночи.

Выражение ее лица изменилось. Это было совершенно неуместно, но по какой-то странной причине мне вспомнилась одна из лекций Дрю. Та, на которой он обсуждал восприятие. Он говорил, что нет никаких доказательств, что есть альтернативные измерения, но альтернативные миры точно существуют, хотя бы из-за восприятия. Если точнее, существуют семь миллиардов различных альтернативных миров. Потому на свете семь миллиардов человек, и все они видят мир по-своему.

Кэм смотрела на меня через призму того, как она видела меня в своем мире. Если бы я не потеряла память, то у нее появились бы какие-то сложности. Я поняла это по выражению внезапного облегчения, мелькнувшего у нее на лице.

Она подошла ближе и положила ладонь мне на руку, не обращая внимания на трубки и пластыри. Синяки и порезы.

— Синтия, я не знаю, что сказать. Мне жаль. Мы напились. Надрались в стельку. Я пыталась уговорить тебя пойти со мной, но ты заупрямилась и заявила, что хочешь остаться. Я пыталась, но не смогла тебя переубедить. Поэтому я вызвала тебе такси. Машина должна была приехать через несколько минут. Не знаю, что произошло.

Ее ответ казался неправильным... отрететированным. Я не сомневалась, что она снова и снова рассказывала детективу Даттону эту историю. Но я была ее подругой. На меня напали и бросили умирать. Я умерла. Меня выбросили в озеро, как какой-то мусор.

Перед глазами все поплыло. Первый проблеск того, как он тянется ко мне сквозь мерцающую рябь...

Я закрыла глаза.

— Тогда из-за чего я так злилась? — спросила я, усилием воли открыв глаза и рассеивая изображение. — Что я сделала... что я сказала? Скажи мне, Кэм.

Она нервно оглянулась на дверь. Затем сказала:

— Разве ты не помнишь?

Глядя в единственное окно в комнате, я изо всех сил старалась сдерживать слезы разочарования, но я была слишком напугана. Кто-то пытался меня убить — я наконец целиком и полностью осознала этот факт. До этого момента происходящее казалось слишком сюрреалистичным, слишком странным, чтобы быть правдой.

— Как это случилось со мной? — Слова вырвались со слабым, прерывистым выдохом.

Кэм убрала руку с моего предплечья и сжала пальцы.

— Ты была так расстроена, Синт. Ты меня напугала, — сказала она, и я посмотрела ей в глаза. — Ты все еще злилась на Дрю и Челси, и этот ребенок... — Она подняла брови.

Я крепче сжала ее руку.

— Дрю был там?

На лице ее отразился шок.

— Нет, не был, но... — Она замолчала, сглотнув.

— Что, Кэм?

Из уголка ее глаза скатилась слеза.

— Это моя вина. Боже, мне не следовало бросать тебя. Это я во всем виновата.

— Это не твоя вина. — Пыталась утешить ее я.

Она покачала головой.

— Нет, моя. Я не могу. Мне нужно идти.

Кэмерон с силой вытерла слезы, катящиеся по щекам, а потом отвернулась и направилась к двери.

— Он должен заплатить...

Ее слова долетели до меня, приглушенный шепот заглушался рыданиями.

Глава 13

Призраки

Лэйкин: Сейчас

Мои пальцы касаются клавиатуры ноутбука. Руки дрожат.

Откуда это взялось?

Я не помню, чтобы Кэмерон произносила эти слова.

«Он должен заплатить».

— Это не реально, — говорю я вслух, чтобы самой в это поверить.

Воспоминания спутались. Я заполняю пробелы. У писателей есть такое свойство — заменять факты более интересной выдумкой.

Я удаляю страницу, выдергиваю USB-флешку из ноутбука и прикрепляю ее к брелку для ключей. Я не хочу снова читать этот отрывок.

Затем я делаю то, чего стыжусь, но я уже не раз совершала это раньше. Я открываю Facebook и забиваю в поиске имя Кэмерон.

Глубоко похороненный во мне психолог ненавидит социальные сети. Вот почему у меня нет личного аккаунта. Я завела страничку под своим писательским псевдонимом, чтобы сообщать поклонникам последние новости, когда того требует издатель.

Тысячи лет люди жили, не документируя свою повседневную жизнь. Интересно, как молодое поколение будет жить дальше с постоянным напоминанием о каждом дне своего существования. С постоянно всплывающими картинками, показывающими счастливые воспоминания, ведь большинство людей публикуют только красивые фото. А не реальность.

Вот вы стоите с лучшей подругой перед винным баром и улыбаетесь. А еще в тот день вы обнаружили, что ваш парень спит с другой женщиной. Или в тот день умер один из родителей. Или вы поругались с коллегой и наговорили кучу гадостей. Или сделали что-нибудь отвратительное, о чем предпочли бы забыть...

Но ваша страница вам не позволит.

Люди созданы, чтобы забывать. Наш мозг не предназначен для того, чтобы сохранять в памяти каждый Божий день. Это единственный способ примириться с прошлым, принять ту жизнь, которую мы прожили.

Если сравнивать с компьютером, то наша память намного проигрывает. Но благодаря этому мы можем двигаться дальше.

Я пролистываю профили, пока не нахожу ее. Я знала, что недавно Кэм переехала в Западный Мельбурн, но...

Воздух застревает в горле, я чувствую, что задыхаюсь. Усилием я заставляю себя сделать вдох.

В последнем посте Кэмерон с любовью обнимает ее муж Элтон, положив руки на ее округлившийся живот. В подписи к фото с гордостью говорится: мы беременны!

Я смотрю на ее безупречную, яркую улыбку, и задаюсь вопросом, какие проблемы скрываются за счастливым образом, если это фасад. О чем вспомнит Кэм, когда увидит это фото через год?

Я закрываю приложение и кладу ноутбук и телефон на диван. Рис все еще внизу, в кофейне отеля, так что я наслаждаюсь последними минутами в одиночестве. Я иду в ванную и встаю перед зеркалом в полный рост. Кладу руки на живот, подушечки пальцев инстинктивно ложатся на косые шрамы под рубашкой.

Десять ножевых ранений. Одна рваная рана. Детектив Даттон использовал термин «излишняя жестокость». Для убийства нужен только один идеально нацеленный удар ножом в сердце... но целью напавшего на меня было не убийство.

А боль.

Большинство ран было нанесено в область живота. Во время множества операций по поддержанию моей вновь обретенной жизни мне удалили матку и яичники, а также часть кишечника. «Повреждения, не подлежащие восстановлению», — сказал хирург, когда я пришла в сознание.

Я позволяю боли на мгновение затопить меня, а затем опускаю руки.

В колледже я заявляла, что не хочу детей. Как и многие молодые девушки, я понятия не имела, чего хочу. Но решение было принято за меня... лишиться шанса... выбора...

Это рана, которая никогда не заживет.

Дверь в номер открывается, и я подхожу к раковине, чтобы открыть кран. По разгоряченным ладоням течет холодная вода. Я плескаю ее в лицо, пробуждаясь от прошлого, прогоняя горькую тошноту.

— Ты закончила писать? — спрашивает Рис из комнаты.

— Да. Спасибо. — Мне трудно писать в чьем-то присутствии. Рис знает, что я легко отвлекаюсь и лучше всего работаю в одиночестве, и, хотя его было нелегко уговорить, он согласился дать мне полчаса в качестве компромисса за то, что я согласилась делить с ним номер.

Мне следовало использовать это время, чтобы поработать над историей Джоанны. Вместо этого что-то внутри меня жаждало открыть мою книгу. Возможно, именно тот факт,

что у Джоанны было не так много друзей, заставил меня снова зайти на страничку Кэмерон и вспомнить ту нашу встречу в больничной палате.

«Он должен заплатить».

Холодок касается задней части шеи, и я растираю ее. Я должна перестать ассоциировать себя с жертвой. Кэм была расстроена. Если эти воспоминания реальны, то, конечно, в тот момент она злилась на Дрю. Я сама была зла и обижена. Именно поэтому мы и пошли в «Док-Хаус».

Вот и все, что значили слова Кэм.

Мы все двинулись дальше.

Я закрываю глаза и слышу, как Рис приближается к ванной.

— Я подумывал снова связаться с мисс Делани, чтобы узнать, поддерживала ли жертва связь с кем-нибудь из прошлой жизни.

Когда я открываю глаза, то вижу в зеркале его отражение. Он закатал рукава рубашки, и теперь протягивает мне бумажный стаканчик, прислонившись к дверному косяку.

— Вообще-то я думала о том же. — Я поворачиваюсь и беру стаканчик с чаем. — Спасибо.

Он кивает в ответ.

— Она пыталась изменить образ жизни, — говорю я, грея руки о теплый стакан. — А значит, порвала с друзьями. С людьми, которые все еще употребляют наркотики. Но, возможно, был хоть один человек, с которым она поддерживала связь, кого она просто не могла отпустить.

Перед глазами мелькает счастливое улыбающееся лицо Кэмерон.

— На это я и надеюсь, — говорит он и делает глоток кофе. — Нам нужен, по крайней мере, один человек, которому она доверяла. Кто-то, с кем она делилась секретами и заботами.

Я прохожу мимо него в комнату.

— Кому ты доверяешь свои секреты?

— Своей уборщице, — шутит он.

Я улыбаюсь и ставлю чашку на тумбочку у ближайшей к окну кровати.

— Ты ведь не шутишь?

— Ни капли. — Он расстегивает рубашку. — Она отличный слушатель.

Я смотрю, как Рис снимает рубашку, открывая под ней белую футболку. Он прекрасно сложен — крепкие жилистые мышцы формируют безупречное тело. Он складывает рубашку и кладет ее вместе с аккуратно сложенными брюками в изголовье кровати. Он — олицетворение федерального агента. Организованный, воспитанный, преданный. И все же россыпь шрамов, покрывающих его руки, намекает на то, что за этим фасадом скрывается что-то большее.

Он агент, отстраненный от полевой работы. Бракованный товар. Он переживает боли и страдания, которые идут в комплекте с его работой, вот только у него больше нет той работы, для которой он был рожден.

Хотела бы я встретиться с ним до того, как он получил травму, до того, как попал в отдел «глухарей». Каким был тогда Рис Нолан? Более яркая версия блеклого и отстраненного человека, которого я знаю сейчас?

Думаю, в этом мы схожи. У нас мало общего, но у обоих есть это мучительное, зудящее напоминание о том, кем мы когда-то были. Жестокий сувенир, который ты видишь каждый

раз, когда смотришься в зеркало. От которого во рту остается горькое послевкусие.

Рис и я, мы знаем вкус этой горечи.

Он откидывает одеяло, прислоняет подушки к изголовью кровати.

— Можно взять у всех образцы почерка, когда мы будем их опрашивать, — говорит он.

Я чувствую себя так, словно лежу не на матрасе, а на досках.

— Ты заставил меня переехать в твою комнату, а теперь хочешь сравнить образцы почерка с запиской. — Я поднимаю голову, изучая его спину. Он напряжен. — Могу я спросить тебя кое о чем, и ты честно мне ответишь?

Наконец, застелив постель по своему вкусу, Рис забирается под одеяло и смотрит на меня.

— Да.

Я киваю, делая быстрый вдох.

— Тебя действительно беспокоит, кто написал эту записку, или ты просто прощупываешь почву, чтобы потом использовать это, как повод для охоты на подозреваемого, повод вернуться «в поле»?

Он отвечает не сразу. Вместо этого он откидывает одеяло, спускает ноги на пол и, не сводя с меня взгляда, встает и пересекает небольшое пространство между нами. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в глаза, пока он возвышается надо мной.

— Честно, — произносит он хриплым низким голосом, подразумевая вопрос.

Я сглатываю.

— Да.

— Я всегда буду защищать, — говорит он. — Это мой приоритет. Это важнее дела, важнее улики... так уж я устроен. И не важно, насколько сильно ранено мое эго, моя гордость мной не управляет. Никогда.

— Хорошо, — говорю я, все еще не отводя глаз от его стального взгляда.

Он тянется и выключает лампу.

— Спокойной ночи, Хейл.

Комната погружается в темноту, и я этому рада. Не хочу, чтобы он видел, как от стыда полыхает мое лицо.

— Спокойной ночи, Рис.

Я зарываюсь в прохладные простыни, прислушиваясь к гудению кондиционера, остро ощущая близость записки.

Где сейчас ее автор? Как близко они ко мне подобрались?

Я беру с тумбочки телефон и подсоединяю наушники. Я трижды воспроизвожу запись разговора с Торренсом, прислушиваясь к тому моменту, когда он понял, что я участвую в расследовании. Я снова слушаю его, пытаюсь сопоставить прошлое с настоящим, чтобы понять, знают ли Торренс и его брат больше, чем говорят.

Рису нужны образцы почерка — и он ищет подозреваемого в деле Джоанны. Он по-прежнему отказывается видеть повторяющийся рисунок, лепестки лотоса, плывущие по озеру...

Если я отмечу сегодняшний день, как точку пересечения моего пути и пути жертвы, возможно, тогда я узнаю, с чего начать.

Глава 14

Его Книга

Лэйкин: Тогда

Я читала его письмо при свете солнца.

За окном стояла не какая-нибудь банальная дождливая ночь с завывающим ветром и скрипящими ставнями, бьющимися о дом. Это было яркое солнечное утро, и я любовалась Сильвер Лэйк с заднего крыльца дома родителей, держа в руках письмо на желтой бумаге. Помню, я подумала, какая приятная бумага. Мягкая и дорогая. Изысканная. И утро было таким ярким.

Когда меня выписали из больницы, я вернулась в дом родителей, чтобы продолжить физиотерапию. Я взяла академический отпуск на один семестр. Это было сделано больше для самосохранения, чем ради выздоровления. Полиция не отставала от Дрю. Для детектива Даттона он был главным подозреваемым, и средства массовой информации кружили вокруг него словно акулы, почуявшие запах крови.

Я более или менее скрывалась. Опасаясь акул.

Сначала мне пришло несколько писем по почте и через интернет. Молитвы. Пожелания выздоровления. Выражения надежды, что нападавший будет арестован.

Потом начали появляться и другие.

Гневные, злобные, анонимные письма, в которых говорилось, что я сама виновата в собственном несчастье. Я напилась в баре, поэтому напрашивалась на неприятности. Я никогда не поправляла детектива Даттона, говоря, что не пила в «Док-Хаусе». Даже если бы я попыталась, сомневаюсь, что он бы мне поверил. В письмах задавался вопрос: какое я имела право указывать пальцем на Эндрю Эббота? Богатого, уважаемого члена влиятельной семьи.

И, как я и ожидала, чтобы утихомирить бурю в прессе, Дрю и Челси объявили о своей помолвке на той же неделе, когда меня выписали из больницы. Это немного замедлило расследование, но детектив Даттон использовал это заявление в своих интересах, теперь у Дрю был мотив.

Затем СМИ обратились против меня. Меня преподносили, как бельмо на глазу, раздражающее пятно в живописной жизни Дрю. Презируемая, ревнивая студентка, страдающая нездоровой одержимостью своим профессором. Все это я прочитала в письмах. Меня называли по-разному: шлюха, потаскуха, даже проститутка. В одном из анонимных писем говорилось, что я пыталась шантажировать Дрю, чтобы он поставил мне хорошие оценки.

Это превратилось в дикий, кружащийся ураган, и когда в конечном итоге выяснилось, что у Дрю есть алиби, я поняла, что плотину вот-вот прорвет, и меня захлестнёт с головой.

Мама пыталась заставить меня сосредоточиться на выздоровлении. Кэм пыталась убедить, что это пройдет — как и в случае с любым скандалом, скоро люди о нем забудут.

Но меня уже затянуло в этот водоворот.

А потом пришло Его письмо.

Когда грозовые тучи, казалось, рассеялись, и ясный синий день вселил в меня надежду, что-то побудило меня протянуть руку и вытащить из стопки письмо. Я села в кресло-качалку на крыльце, разорвала конверт, и меня охватила дрожь.

«Я никогда не видел никого прекраснее тебя.

Ужас на твоём лице, бледное сияние твоей фарфоровой кожи, пока тебя окутывала темно-красная пелена смерти.

Завораживающе.

Ты воплощаешь все, что я искал.

Твои раны, нанесенные клинком, все еще ноют?

А когда ты касаешься шрамов, ты чувствуешь эту сосущую пустоту, которая требует, чтобы ее заполнили?

Я должен знать ответ.

Нам нужно встретиться».

В ушах у меня ревели кровь, сердце прерывисто билось, ускоряясь. Руки тряслись так сильно, что я выронила письмо. Прижав ладонь к груди, я глубоко вдохнула, пытаюсь сдержать зарождающуюся панику.

Из легких словно выкачали весь воздух, и я отключилась, потеряв сознание. Так мое тело реагировало на прилив адреналина. Защитный механизм, появившийся после нападения. Я просто отключалась.

К счастью, меня никто не обнаружил. Мама и так уже достаточно натерпелась. Когда я пришла в себя, то сжимала письмо в кулаке. Я стиснула его крепче, словно пытаюсь превратить в ничто.

Даже сейчас я не совсем понимаю свою реакцию. Письмо было расплывчатое, загадочное, и не содержало прямой угрозы, но в нем было явное завуалированное предупреждение.

Его мог написать какой-то ненормальный. Больной человек, который просто хотел почувствовать причастность к преступлению. Когда я начала писать, то узнала, что существует много таких людей, с одержимостью следящих за ходом расследования.

Или его мог написать сам убийца.

Или человек, который вытащил меня из воды.

Я анализировала записку и слова, пытаюсь найти тайный смысл. Не имело значения, кто отправил письмо. Я поняла, что мне нужно бояться не только убийцы — в мире были и другие ненормальные, которые желали мне смерти.

В конце концов, можно было сделать только одно.

Мой убийца не имел лица. Когда вы сталкиваетесь с неизвестностью, то страх становится живой, дышащей сущностью. Когда вы не знаете, кто — друг, а кто — враг. Любой выбор, любое направление могли привести меня не к тому человеку.

В ту ночь я собрала сумку и села в автобус.

Я уехала из Флориды. Взяла деньги, которые копила на колледж, открыла карту на телефоне и выбрала самое непримечательное место, которое смогла найти. Тогда я пообещала себе, что не буду убегать вечно. Я поклялась, что запишу все события, детали, все, что упустила полиция, и раскрою собственное убийство.

И я так и поступила, непрерывно работая в течение шести месяцев, пока мое дело не остановили, а все следы уже остыли.

Пройдут годы, прежде чем я вернусь в Сильвер Лэйк.

Глава 15

Разряды в воздухе

Лэйкин: Сейчас

На окраину Мельбурна надвигается шторм. Небо над Мельбурн-Бич клубится полосами серого и пурпурного цветов, словно по нему сердито провели рукой. Грозовые облака летают

по поднимающимся темно-синим волнам. Это красивый, жестокий и беспокойный танец. В воздухе витает своего рода обещание. Волны взмывают к небу и набегают на песок, словно сердитый любовник, пытающийся помириться. Но песок продолжает отступать.

Песчинки под босыми ногами размывает уходящий прилив. В конце концов, любовник взял его в плен.

Напоминаю себе, что это только мои ощущения. Пляж усеивают сотни оголенных тел, люди обрадовались, что солнце скрылось, давая долгожданную передышку от палящей жары. Одетые в брюки и отглаженные рубашки, мы с Рисом выделяемся среди остальных. Любой, кто пытается избегать копов, может опознать нас за милю.

Рис идет по берегу, а я решила намочить ноги. Мы возвращаемся в «Тики Хайв», но на этот раз для того, чтобы поговорить с пляжными тигрицами. Их нетрудно найти. Трое женщин лет пятидесяти с кожей цвета ковбойских сапог и той же гладкости.

— Че-е-ерт, — комментирует Рис, и я невольно смеюсь.

— Такие уж мы, флоридцы, — говорю я. — Не боимся солнца. — Не думаю, что мама знала, что такое солнцезащитный крем, когда я была ребенком. Россыпь веснушек на переносице это доказывает.

Рис на секунду приподнимает очки, чтобы получше разглядеть женщин.

— По крайней мере, ты не принимаешь это как должное. Я могу по пальцам пересчитать, сколько дней я видел солнце в детстве. Когда оно выходило, у нас в школе устраивали выходной.

Я во все глаза смотрю на него.

— Ты шутишь.

— Я серьезно. У других детей были выходные дни из-за снегопада. А у нас из-за солнца. — Он подмигивает мне.

Не знаю, верить ему или нет, но я ценю его усилия по поддержанию хорошего настроения. Наш первый день здесь начался непросто. Возможно, он прав насчет лотосов, Флорида — рай для белых лилий. Может, кто-то посадил их в память о Джоанне. Не убийца, а друг или член семьи.

Но поверить в теорию о том, что связь Торренса с убийством Джоанны — всего лишь совпадение, мне намного труднее. И записка... подсунутая под дверь комнаты, чтобы отпугнуть меня... Это точно не может быть игрой воображения. Но теперь, на утро, я уже не уверена, что эти три слова написал тот же человек, который отправил загадочную записку после нападения на меня.

Тем не менее, новый старт.

Сегодня мы ищем неуловимого Коэна. Мы либо получим ответы, либо упруемся в стену. В любом случае нужно отработать этот пункт в списке дел, прежде чем переходить к следующему.

У нас с Рисом есть система, и она нас еще не подводила.

Сегодня утром мы смогли поговорить с Джемисоном Смитом, парнем жертвы, по телефону. Он уехал из города по делам. Джемисон повторил то же самое, что сказал детективу Вейлу год назад. Только уже не так подробно.

Это нормально, и говорит о том, что его, скорее всего, можно вычеркнуть из нашего списка подозреваемых. Лжецы склонны вдаваться в детали, со временем нагромождая все больше и больше вранья, чтобы подкрепить свою историю.

Рыхлый песок липнет к ногам, когда мы приближаемся к загорающим дамам,

растянувшимся на шезлонгах в нескольких шагах от веранды «Тики Хайв». Я включаю диктофон, не вынимая телефон из сумки. Из-за ветра на записи могут появиться шумы, а так запись будет более четкой.

Рис показывает значок.

— Доброе утро, дамы. Я специальный агент Рис Нолан. Не могли бы вы уделить нам пару минут?

Одна из загорелых женщин улыбается Рису.

— Всего лишь пару минут, специальный агент? Хотелось бы думать, что мы могли бы продержаться немного дольше.

Она толкает подругу справа, и, клянусь Богом, я вижу, как по шее Риса расплзается румянец.

Другая женщина выпрямляется и садится, прикрывая глаза от солнца.

— Кстати, почему вас называют СПЕЦИАЛЬНЫМ агентом? Мне всегда хотелось знать. У вас есть какое-то специальное оружие, а?

Господи. Они абсолютно бесстыдны. Я смотрю на коктейли рядом с лежаками.

— Закон штата запрещает употребление алкоголя на пляже.

Третья женщина выразительно закатывает глаза.

— Дорогая, никого это не волнует. — Она смотрит на подружек. — Похоже, специальный агент уже занят. Может, нам стоит вести себя как хорошие девочки.

Теперь краснею я. Пальцами нащупываю резинку на запястье, и это меня успокаивает.

Рис откашливается и снова возвращается к делу.

— Владелец «Тики Хайв» упомянул, что вы, возможно, знаете, как нам найти человека по имени Коэн.

— Вивиан, — говорит первая дама. — Но ты можешь звать меня Винни. А зачем он вам? Господи, этот мальчик был особенным.

Рис приподнимает бровь.

— Что значит «особенный», мисс Винни?

Она фыркает.

— Уже много лет не «мисс», но спасибо, агент Нолан. — Она тянется за напитком. — На Коэна было приятно смотреть, но в нем было что-то такое... — Она вздрагивает. — Просто с ним что-то было не так, понимаете, о чем я?

Трудно понять такие расплывчатые заявления. Люди по-разному воспринимают окружающий мир, со своей уникальной точки зрения.

— Он заставил вас чувствовать себя некомфортно, — говорю я, внося ясность.

Винни кивает.

— Да, именно. Я имею в виду, не поймите меня неправильно. Я была польщена, что такой молодой человек, как он, заинтересовался, но в голове у меня прозвенел предупреждающий звоночек. У меня немаленький опыт, и я научилась доверять инстинктам, когда дело касается мужчин.

Две другие женщины с энтузиазмом кивают, в знак согласия.

— Коэн сделал что-то конкретное, что вас встревожило? — Спрашивает Рис.

Женщина, сидящая посередине, отвечает.

— Один раз мы были в баре, и он показал мне на телефоне фотографию девушки, связанной веревками. Сказал, что хотел бы сделать это со мной. Можете представить?

Я обмениваюсь взглядами с Рисом.

— Это было фото кого-то, кого он знал, или картинка из Интернета? — Спрашиваю я. Женщина качает головой.

— Понятия не имею. Я не спрашивала. Я посмеялась, словно это была неудачная шутка, а через два дня Майк все равно его уволил.

Я делаю мысленную пометку о временной шкале.

— И ваше имя?

Она улыбается.

— Энджела Моретти, — она произносит имя по буквам, а затем называет имена всех остальных. — Полагаю, вы все записываете? Вы же из правительства и все такое.

По закону я должна их предупредить.

— Да. Я записываю наш разговор, но он не для правительства. Это для моих личных заметок.

Энджела насмешливо фыркает.

— Конечно, дорогая.

Поднимается ветер, и Рис поворачивается спиной, чтобы укрыть нас от песчаных брызг.

— Мы ценим вашу честность и сотрудничество. Кто-нибудь из вас видел когда-нибудь вместе Коэна и Джоанну Делани?

— О... — Винни понимающе усмехается. — Так вот в чем все дело. Бедная девочка. Такая трагедия. Такой ужасный способ умереть. — Она качает головой. — И ее мать, Господи боже. Бедняжка. Но отвечая на ваш вопрос, нет. Насколько я помню, нет. Коэн был не общительным парнем, приходилось постараться, чтобы разговаривать с ним. И Джоанна, ну, была не в его лиге. Этого бы никогда не случилось.

Рис наклоняет голову.

— Но он упоминал ее?

Энджела хмурится.

— Она была очень красивой девушкой, агент. Конечно, он ее заметил. Как и все мужчины в баре. — Она смотрит на подружек. — Я слышала, когда-то она была известной моделью.

— Вы знаете, где сейчас Коэн? — Спрашиваю я.

Винни колеблется, и Энджела это замечает.

— Ах ты, старая распутница.

— Что? Тигрице нужно кушать. Выкуси. — Винни смотрит на нас. — Это был только один раз, но он отвел меня к себе домой. — Она дает нам адрес и объясняет дорогу.

Энджела хмыкает.

— Похоже, ты была там больше одного раза.

Я говорю громче.

— Дамы, кто-нибудь из вас может вспомнить, работали ли Майк или Торренс в ночь на двадцать третье марта?

— Вы имеете в виду, в ту ночь, когда умерла Джоанна? — Уточняет Винни. Я киваю. — Мне очень жаль, дорогая. Не могу сказать точно. Слишком много коктейлей и слишком много похожих дней. — Остальные женщины соглашаются с ней.

— Что ж, спасибо, дамы. — Рис прерывает разговор, прежде чем они снова успевают перейти на другую тему. — Думаю, на этом все. Благодарим за сотрудничество. Правительство также выражает свою благодарность.

Мы уже собираемся уходить, но Винни ловит меня за штанину, позволяя Рису сделать

несколько шагов вперед.

— Маленький совет, дорогая. Этот сгусток сексуального напряжения вот-вот вспыхнет. Позаботьтесь о парне, прежде чем он взорвется. Черт, хотела бы я спустить с ним пар.

Женщины согласно кивают, и мои щеки загораются от румянца.

— Спасибо. Буду иметь это в виду.

Пора уносить ноги от пляжных тигриц, пока они не начали обсуждать скудное течение моей личной жизни. У меня такое чувство, что эта тема станет следующей. Когда я догоняю Риса, то замечаю, что он немного прихрамывает, пока идет по дощатому настилу.

Я надеваю туфли.

— Нога заболела из-за песка?

Он выпрямляется.

— Все не так плохо. Но это хорошая тренировка. Мне просто нужно укрепить мышцы. — Затем он меняет тему. — Что еще сказали пляжные тигрицы?

Я залезаю в сумку и достаю телефон, чтобы остановить запись.

— Ничего важного.

Он оглядывается на меня, но ничего не говорит. Но я все понимаю по взгляду серо-стальных глаз. Каким-то образом он обо всем узнал.

— Как ты это делаешь? — спрашиваю я.

Он не останавливается.

— Делаю что?

— Ничего, — говорю я, потому что он точно знает, что я имею в виду, но собирается все отрицать. Я потратила несколько лет за учебой, прежде чем научилась видеть людей насквозь и обрела некую проницательность, но у него эта интуиция была врожденной. Признаюсь, это вызывает у меня зависть.

Когда мы выходим на пляжную парковку, я нагоняю его.

— Ты не признаешь психологию потому, что она тебе не нужна, — говорю я. — Ты интуитивно читаешь людей.

Он нажимает на брелок, чтобы разблокировать седан.

— Я не «не признаю» ее. Просто думаю, что люди — это не только психология. И нужно использовать все возможные приемы, чтобы раскрыть дело.

Мгновение я не свожу с него взгляда.

— Я согласна. Но поскольку я не обладаю этой природной способностью...

— Обладаешь, — перебивает он, и затем поворачивается ко мне. — Просто научись ей доверять.

Я смотрю ему в глаза, гадая, что он видит во мне, чего не вижу я. Звонит телефон, и я вынырываю из приступа критического самоанализа.

— Маркус, что у тебя? — Рис подносит телефон к уху и смотрит на песчаные дюны. — Хорошо, спасибо. Перешли мне отчеты. — Он заканчивает звонок. — Майка и Торренса проверили. Но я попросил Маркуса поглубже покопаться в прошлом Торренса.

Когда мы работали над моим делом, Торренс не был подозреваемым и вообще не представлял особого интереса. Его алиби было железным.

— Что-нибудь всплыло?

Он опускает плечи.

— Ничего особенного. Несколько фальшивых чеков, выписанных Майком. Несколько просроченных платежей поставщикам.

Я хмурюсь.

— А Торренс?

Он кладет телефон в карман.

— Один закрытый отчет о нападении. Жертва была шестнадцатилетней девушкой. —

Он направляется к машине и открывает дверь со стороны водителя. — Ты можешь прочитать мне дело, пока мы едем к Коэну.

Закрытый отчет мог означать, что в то время Торренс был несовершеннолетним.

Рис наклоняется и говорит:

— Оставайся здесь. Я скоро вернусь.

Он закрывает дверь и убегает, прежде чем я успеваю спросить, куда. Я смотрю, как он врывается в «Тики Хайв». Я стучу ногой, уже теряя терпение, но потом вижу, как он выходит из ресторана.

— Что это было? — спрашиваю я, когда он садится за руль.

Он протягивает мне мешочек.

— Образцы почерка. Майк и Торренс выбрасывают листочки с заказами и кассовые чеки в мусорное ведро за баром.

Это означает, что ему не нужен ордер, чтобы забрать их. Я быстро просматриваю бумажки.

— Ничего похожего на записку.

— Мы отправим это команде. Проведем тесты. Кто бы ни написал записку, возможно, он попытался изменить свой почерк.

Я погрузилась в размышления. Я до сих пор отчетливо помню письмо, полученное в доме родителей. Печатные буквы, слова. Записка, подсунутая под дверь моего номера, была достаточно похожей.

По логике вещей, ни у Майка, ни у Торренса не было причин запугивать меня много лет назад во время расследования. Они не были подозреваемыми. Тем не менее, после многих лет в попытках разгадать мотивы письма, я поняла, что автор мог оказаться спятившим или страдать какой-то формой эротомании.

Если одному из братьев свойственна эта черта, возможно, я не вижу всю картину.

— Хорошо, Рис. Давай тщательно все проверим. — Хотя бы для того, чтобы вычеркнуть братьев из моего списка.

Глава 16

Самоконтроль

Лэйкин: Сейчас

Припарковавшись в двух кварталах от дома Коэна, Рис проводит быстрый поиск по базе данных. Вот что мы знаем о бывшем официанте «Тики Хайв»:

Его полное имя — Коэн Луи Хейс. Двадцать пять. Белый. Мужчина. Не женат. Еще полгода назад жил со своей матерью Дженнифер Хейс (никогда не была замужем), затем снял небольшой пригородный домик у шоссе №А1А. Кредитных карт не имеет. Несколько месяцев проучился в местном колледже на программиста, затем бросил учебу, чтобы подавать еду и напитки.

У Коэна есть один привод. В девятнадцать лет он подрался в баре, в результате чего полиция продержала его в участке одну ночь. На следующий день его отпустили под

подписку о невыезде. Другой участник драки не предъявил обвинений.

Большинство молодых парней в этом возрасте слабо себя контролирует — однако, было ли это разовым явлением или устойчивой моделью поведения?

На бумаге все выглядит нормально. Похоже, у него мало амбиций, но он переехал из дома матери, а в наше время это уже немалый подвиг для большинства молодых людей. Но вопрос в другом. До этого он, похоже, вполне комфортно жил, плывя по течению. Так что же вызвало этот внезапный всплеск независимости? Что вообще побудило его поступить в колледж?

Обычно ответ довольно банален: женщина.

Это также могло быть вероятной причиной отселения.

Это была бы естественная и нормальная причина. Конечно, существуют менее распространенные и более тревожные мотивы: употребление наркотиков, неодобряемые фетиши и другая незаконная деятельность, требующая приватности.

Когда мы его допросим, я сделаю еще одно заключение.

Прежде чем мы подходим к одноэтажному дому, Рис проводит быструю проверку окружающей местности, чтобы убедиться, что там нет собак или прочих угроз. Кремовый дом цвета яичной скорлупы потемнел от старости и неухоженности. Крыльцо продавлено в центре, а доски скрипят под ногами.

Рис стучит.

За дверью раздается шуршание, словно кто-то уже наблюдал за нами в глазок. Рис тянется к ремню, ладонь предупреждающе зависает над служебным оружием. По прошествии некоторого времени дверь открывается. Я узнаю Коэна по описанию, которое нам дали пляжные тигрицы.

— Коэн Хейс? — вопросительно обращается к нему Рис. Он говорит, что лучше всего начинать знакомство с вопроса, чтобы подозреваемый с самого начала привык отвечать.

Поскольку руки Коэна находятся в поле зрения, и он не представляет угрозы, вместо пистолета Рис достает удостоверение личности.

Коэн хмурится в замешательстве.

— Это я, — отвечает он. — Что вам надо?

Я понимаю, почему он очаровал тех дам. Несмотря на юный возраст, Коэн поразительно красив и уверен в себе. Он расправляет плечи и выпрямляется, становясь одного роста с Рисом.

Рис представляется, а затем говорит:

— Мистер Хейс, у нас есть несколько вопросов, касающихся Джоанны Делани. — Он сразу переходит к делу, желая проверить, как Коэн отреагирует на имя жертвы.

Коэн выходит на крыльцо и закрывает за собой дверь, лишь слегка поджав губы, в остальном оставаясь совершенно бесстрастным. Он сует руки в карманы джинсов и вздергивает подбородок. Это его способ заявить, что он будет говорить с нами... пока что.

— Когда вы в последний раз видели мисс Делани? — спрашивает Рис.

Пожатие плечами.

— Я работал с Джо в тот день, когда ее убили, — отвечает он честно, добавив в голос немного эмоций. А еще он обращается к жертве по прозвищу, что означает, что она была для него не просто коллегой или знакомой.

— Вы помните, во сколько она ушла с работы в тот вечер? — продолжает допрос Рис.

На секунду Коэн переводит на меня взгляд темно-синих глаз, а затем снова переключает

внимание на Риса.

— Мы всегда уходим примерно в одно и то же время, когда сдаем смену. Где-то в половину шестого. — Он снова переводит на меня взгляд.

Я наклоняю голову и вытаскиваю блокнот. Делаю бессмысленную заметку, чтобы заняться чем-то, краем глаза осматривая Коэна. Большинство людей стараются избегать зрительного контакта, так как он заставляет вас нервничать. Я даю ему возможность оглядеть меня и не быть пойманным за этим занятием.

Если Рис замечает его поведение, то не подает вида.

— Вы заметили что-нибудь странное или тревожное в поведении Джоанны в тот день? Она казалась обеспокоенной или расстроенной?

Коэн качает головой.

— Насколько могу сказать, нет.

— Когда вы ушли из «Тики Хайв»?

Коэн смотрит на меня, когда отвечает.

— Вскоре после Джо. У меня есть алиби, если вы хотите спросить, где я был во время ее смерти.

Все любят детективные сериалы. Рис ухмыляется.

— А где вы были?

Он скрещивает руки в защитном жесте.

— Я был в доме матери. Приносил продукты.

— У вас хорошая память, — говорю я, привлекая его внимание.

Он медленно кивает.

— Ну, последние три года я отвечал за ее походы к врачу, лекарства и все покупки. У меня должна быть хорошая память, чтобы держать все в голове, иначе случится что-то плохое.

Он смотрит мне прямо в глаза, когда говорит последние слова.

Рис ощетиливается в ответ на враждебный тон и придвигается ко мне. Но я не беспокоюсь.

— Что с вашей матерью? — спрашиваю я.

— Остеосаркома последней стадии, — отвечает он.

По коже пробегает холодок.

— Мне жаль, — он кивает, но больше не поднимает эту тему.

Независимо от того, какую роль он сыграет в этом деле, мне его жаль. После того, как Эмбер поставили диагноз «запущенная остеосаркома», она перестала быть прежней. И я уже никогда не стала прежней. После целого года борьбы операции и химиотерапия не принесли результатов. К тому времени, как рак обнаружили, он уже распространился на легкие.

Наблюдать за тем, как любимый человек страдает от этой изнурительной болезни, очень мучительно.

Эмбер было двенадцать, когда она умерла.

— Не могли бы вы подробнее рассказать о том, где были? — спрашивает Рис, возвращая разговор в нужное русло. — Поскольку у вас такая прекрасная память, для вас это не оставит труда.

— Конечно, — Коэн перечисляет свои дела в день убийства Джоанны. Работа, аптека, затем поездка в продуктовый магазин, после чего возвращение в дом матери примерно к шести сорока пяти часам вечера. Затем он пробыл у нее примерно до девяти тридцати.

— Может ли кто-нибудь подтвердить время, когда вы вернулись домой? — давит Рис.

Коэн переступает с ноги на ногу.

— Нет. Я живу один.

— Почему вас выгнали из «Тики Хайв»? — быстро меняет тему Рис.

— Как вы понимаете, из-за слабого здоровья моей маме нужна помощь. Начальнику не нравилось, что я опаздывал и брал отгулы, когда мне нужно было отвезти ее на прием.

Мы с Рисом переглядываемся.

— Поступило несколько жалоб о том, что вы заигрывали с клиентами во время работы, — говорю я. — По словам вашего бывшего начальника, вас поймали на том, что вы угощали таких клиентов за счет заведения.

Он усмехается.

— Этих старых летучих мышей? Они безобидны, хотя у них есть парочка диких фантазий, — он усмехается мне, сверкая белыми ровными зубами.

Но он сразу понял, о ком я говорю.

— Значит, их претензии необоснованны? — упорствую я.

Он делает шаг вперед, приближаясь ко мне на дюйм, и Рис становится передо мной. Коэн проводит рукой по взлохмаченным волосам, его губы искривляются в улыбке.

— Возможно, пару раз так и было, — говорит он. — Они давали хорошие чаевые.

Я читаю между строк и рискую предположить:

— Они к тебе приставали, — прямо говорю я.

Его улыбка становится шире.

— Ну, на самом деле только одна из них. — Он пожимает плечами. — Времена тяжелые. Надо платить за квартиру. Я бы сказал, что мы делали друг другу одолжение. Мне нужны были деньги, Винни нужен был кто-то, кто переспит с ее старой задницей.

В его голосе не слышалось ни капли стыда. Насколько я поняла, Коэн Хейс — нарцисс, возможно, с пограничными социопатическими наклонностями. Но это не делает его убийцей. Для убийства Джоанны ему нужен был мотив. Большинству людей этот мотив мог показаться неясным и непонятным, но для самого Коэна он должен был быть очень личным.

Я решаю польстить его эго.

— Джоанна когда-нибудь приходила к вам? Предлагала секс за наркотики или деньги?

Он смеется.

— Что? Нет, нет. Она никогда не предлагала мне заняться сексом, — усмехается он.

Я приподнимаю бровь.

— Но вы знали, что раньше она была наркоманкой?

Он тяжело вздыхает.

— Это Флорида. Последний круг ада. Кто из нас им не был? — Прежде чем я успеваю задать еще один вопрос, он добавляет: — Джо была классной, понятно? Конечно, она флиртowała со мной, и я нисколько не возражал. Так заведено в забегаловках — все трахаются со всеми. Помогает снять напряжение в час пик. — Он переводит взгляд на меня. — Не зацикливайтесь на этом.

— Но, может быть, это Джоанна зациклилась, — возражаю я. — Возможно, она решила, что ваш флирт — это не просто дружеское подшучивание.

Коэн тянется к двери и дает задний ход:

— Честно говоря, я плохо знал ее, поэтому не могу сказать точно.

— Вы когда-нибудь рассказывали Джо о своем увлечении? — Рис снова быстро меняет

тему. — Шибари, не так ли? Связывание веревками? — Мы погуглили, прежде чем пришли сюда.

Коэн усмехается.

— Думаю, этот разговор окончен, — он скользит по мне взглядом и замечает резинку на запястье. Я одергиваю рукав, и его губы складываются в понимающую ухмылку.

Рис достает визитку и сует ему.

— Спасибо за ваше время. Здесь указан мой мобильный. Позвоните, если вспомните что-нибудь еще.

Коэн нерешительно принимает визитку.

— Ага. — Взгляд синих глаз в последний раз замирает на мне. — Хорошего, прекрасного вам дня. — Уходя, я чувствую его пристальный взгляд.

Когда мы садимся в машину, я смотрю на Риса.

— Это было неожиданно. В чем дело?

Он заводит машину и выезжает на дорогу.

— Ну как он тебе?

Я пристегиваю ремень безопасности.

— Думаю, он нарцисс. Но тот факт, что он долгое время заботится о матери, подсказывает, что он, возможно, не психопат. Но, как мы знаем, в нашем случае, убийца — не психопат. Однако, я не смогла уловить никакой мотив. А ты что думаешь?

— Он сказал, что в ресторанном бизнесе все трахаются со всеми. Торренс утверждал, что Риксон уволил Коэна, потому что тот брался с клиентами и беспокоил наших дам. Но, по их словам, они не возражали против его внимания.

Я ответила не сразу, обдумывая его слова.

— Мне тоже так показалось. Утверждать, что мужчина — мужчина, который вас нервирует, — пристает к вам, это способ почувствовать себя нужной и избежать чувства вины.

— Пляжные тигрицы не показались мне такими скромницами, — говорит он.

Я хмурюсь.

— Итак, им нравилось его внимание. Я согласна, что это не является основанием для увольнения из «Тики Хайв», особенно если кокетливое отношение приветствовалось. Но Коэн заявил, что его уволили из-за опозданий.

— Тогда почему Торренс и Риксон просто так и не сказали? — интересуется Рис.

Хороший вопрос.

— Думаю, нам нужно пойти и спросить их.

Методичный преступник сможет указать на вероятного подозреваемого, не тыкая пальцем. Направив нас к тигрицам, зная, что они могут рассказать, что Коэн увлекается БДСМ, братья подбросили нам вероятного подозреваемого.

И тот факт, что Майк не упомянул его во время первого расследования, только усиливает мою уверенность в том, что, если кто-то из братьев был причастен к убийству Джоанны, то при первоначальном расследовании они чувствовали себя в полной безопасности. Никогда не предлагайте информацию, если ее не просят. Опять же, хитрый человек это знает.

На данный момент Коэн все еще может оказаться убийцей, но и братьев из списка мы не вычеркнули. Во всяком случае, указав на Коэна, Торренс еще больше приобщился к делу.

Пока мы едем на пляж, я думаю об этом и достаю блокнот, чтобы сделать пометку

спросить бойфренда жертвы еще кое о чем. Если бы Джоанну преследовал Майк или Торренс, настолько одержимые, что уволили Коэна, посчитав его соперником — или, что еще хуже, препятствием, — тогда Джоанна могла рассказать Джемисону о своих опасениях.

И тогда Джемисон снова возвращается в наш список. Ревность — один из трех смертоносных мотивов.

Дело не прояснилось, но понятно одно: Коэн более проницателен, чем кажется. Возможно, в молодости ему не хватало самоконтроля, но сейчас он целиком и полностью держит себя в руках. Чутье подсказывало мне, что он невиновен, но, возможно, братья не единственные, кто вводит меня за нос. Пока мы никого не можем вычеркнуть из списка подозреваемых.

Пресловутый список подозреваемых стремительно растет.

Глава 17

Книга Дрю

Лэйкин: Тогда

Наедине с Дрю я чувствовала себя единственной женщиной в мире. Когда он смотрел на вас — когда он смотрел на меня — казалось, что до этого момента жизнь была иллюзией, обманом. Закопанной капсулой времени, которая только и ждет, когда ее откроют, чтобы познать реальный мир и все его чудеса.

Я очнулась.

Живая.

Яркая и красивая.

Он смотрел прямо вглубь меня — он увидел искру, которую мы называем душой. Увидел ту, которой я всегда была, но открывалась только наедине с ним.

В детстве я считала, что создана быть второй. Это было мое место. Эмбер была звездой, а я уютилась в тихом уголке. И я была счастлива, вернее, довольна. Я не знала ничего другого.

Теперь я узнала, что кто-то может любить меня больше всего на свете. Я осознала, что означает чувствовать себя желанной. Мы были изолированы в собственном сияющем пузыре. Укрытые от одинокого прошлого. И когда я погладила его по щеке, наслаждаясь сочетанием гладкости и грубости, ощущением нежной кожи и щетины, я влюбилась в него еще сильнее.

Я чувствовала себя такой храброй.

— Я люблю тебя, — сказала я. Мне было не стыдно признаться в этом вслух. Я доверила Дрю самые глубокие, самые мрачные страхи. Самые сокровенные устремления. Свое сердце я тоже могла ему доверить.

Его взгляд скользнул по моему лицу, прежде чем он наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Я знаю, — сказал он.

Я взлетела от счастья. Откинувшись на одеяло, я ощущала как пляжный песок прилипает к моему телу. Когда-то я стеснялась демонстрировать свою фигуру в бикини, но от того, как Дрю смотрел на меня, мне хотелось дефилировать по пляжу туда-сюда.

Он наклонился надо мной, заслонив солнце. Он был моим солнцем.

— На что ты готова ради этой любви? — спросил он, проводя пальцем по моему бедру.

Я вздрогнула от интимного прикосновения.

— На что угодно, — ответила я. — На все.

Его губы растянулись в улыбке, яркие глаза заблестели. Затем он наклонился ближе,

касаясь губами моего уха.

— Что угодно?

Когда он отстранился, я увидела, как потемнели его глаза. В глубине сияло грубое, плотское желание, и я чувствовала, насколько его влечет ко мне. Он пальцем приподнял мой подбородок.

— Ты бы убила ради нас?

Я верила, что убила бы — я бы сделала все, чтобы мы были вместе. И в нашем мире, где существовали только мы, это было приемлемо.

Я кивнула.

— Да.

— Тогда решено, — сказал он низким голосом. — Ты неменяема. — Он засмеялся, и я хлопнула его по руке.

Он скользнул ладонью между моими бедрами, отчего по ногам поднялась горячая дрожь, а между ног все сжалось от боли. Я толкнулась бедрами к его руке. Он коснулся меня губами, сначала нежно вкушая, а потом яростно пожирая то, что принадлежало ему.

Его следующие слова защекотали мне мочку, когда он прижался губами к уху. Горячее дыхание ласкало мою шею, брызги океана покалывали ноги.

Это было идеально.

Это был последний счастливый день, который я провел с Дрю. Всего за неделю до того, как у его двери появилась Челси. Перед нападением.

Это воспоминание я стараюсь сохранить священным и нетронутым. Я редко воспроизвожу его, потому что хочу сохранить точность. Я хочу сохранить его безупречным. Неизменным.

И все же каким-то образом мне удалось забыть слова, которые он шептал мне на пляже. Как бы я ни старалась вызвать их в памяти, вспомнить, что он сказал... чернота поглощает это воспоминает как быстро тлеющий полароидный снимок, а пепел разносится над пылающими углями моего разума.

Глава 18

Первобытный инстинкт

Лэйкин: Сейчас

В последний раз, когда я была так близко к Торренсу, он заигрывал с Кэм. Барное полотенце было перекинуто через плечо. Уверенная невозмутимость мужчины, собирающегося потрахаться. Хотя, мне почему-то казалось, что он был намного моложе. Когда Рис допрашивал его, он заявил, что ему всего двадцать восемь, но годы работы под суровым солнцем Флориды состарили его, из-за чего он казался старше.

Когда он, прищурившись смотрит на меня, в уголках его темных глаз появляются тонкие и глубокие морщинки.

— Я так давно тебя не видел... — Говорит он, как будто мы старые друзья. — Ты и... — он щелкает пальцами, — все еще друзья?

— Кэмерон, — подсказываю я. Я пытаюсь изогнуть губы в улыбке. Не слишком яркой — в данных обстоятельствах это покажется странным и отталкивающим. Достаточно небольшой полуулыбки, чтобы казаться искренней. Заинтересованной. Совершенно не обеспокоенной этой странной встречей. — И да, — вру я. — Мы все еще общаемся.

Торренс кивает.

Рис научил меня, как разговаривать с подозреваемыми. Как контролировать выражение лица — что отталкивает людей, а что располагает. Если бы я только могла использовать эту эмпатию, когда пишу, то, наверное, мой редактор начала обожать Риса также сильно, как и все остальное женское население.

Я пытаюсь сосредоточиться на том, как Торренс реагирует на меня, а не на моих мыслях о нем. Но даже если ему и не нравится мое присутствие, он умело это скрывает. И выглядит так же расслабленно, как в ту ночь, когда Кэм ушла с ним из «Док-Хауса».

— Здорово, — отвечает Торренс. Он рассеянно окидывает взглядом «Тики-Хайв», пока с пляжа прибывают посетители. Что я могу вам предложить? Воды? — он быстро подмигивает мне.

Я прищуриваюсь, пытаюсь понять, шутит ли он.

— Ничего. Спасибо. — Опираюсь на стойку. — Мы не задержим вас надолго.

Прежде чем я снова свяжусь с парнем жертвы, мы с Рисом проверяем факты. Хотим получить историю от обеих сторон — от Коэна и братьев.

— У нас есть еще пара вопросов, — вмешивается Рис. — После разговора с Коэном мы узнали, что его часто ругали из-за нарушения графика. В частности, из-за опозданий и прогулов, когда он ухаживал за больной матерью.

Торренс скривился, выглядя сбитым с толку. Интересно, что Рис сможет прочитать по его лицу.

— Вам лучше спросить Майка. Это сложно, знаете? В наши дни нельзя просто увольнять людей. У вас должна быть причина, иначе они обратятся в суд, — он пожимает плечами.

Я пытаюсь представить, мог ли Торренс написать записку. Какой у него мог быть мотив? Опять же, в моем деле он не был подозреваемым. Так что, если это не он написал то первое письмо, ему нет смысла отправлять записку сейчас.

Но Майк... Может быть, в нем есть что-то еще — что-то порочное, что заставляет его издеваться над людьми ради забавы. Чтобы отвлечь от настоящего преступления и вовлечь в разгадку тайны. Может в этом вся суть записки — это ложный вызов. Как звонки-розыгрыши на телефон доверия.

Но даже когда я прокручиваю эту мысль в голове, она мне кажется неправильной. Записка была слишком личной. Нацеленной на меня, а не на расследование.

Рис проверяет время на телефоне.

— Когда приходит ваш брат?

Торренс прислоняется к стойке бара.

— У него выходной, но завтра он будет с самого утра.

Что ж, здесь мы закончили, Рис благодарит Торренса за уделенное время, и мы покидаем «Тики-Хайв».

— Думаю, это все, что мы сможем вытянуть из братьев, — говорю я. — Пора снова допросить бойфренда. — Мне не терпится узнать, что думала Джоанна о своей работе.

— Займись этим, — отвечает Рис, пока мы идем по променаду. — Сделай подробные заметки. А мне нужно отметить в Куантико.

— Ты улетаешь?

Он поджигает губы.

— К сожалению, придется. Хотя мне совершенно не хочется оставлять тебя здесь одну хоть на день.

— Ты беспокоишься из-за записки? — интересуюсь я.

Он надевает купленные в сувенирном магазине отеля очки, защищаясь от солнца и моего взгляда.

— Почему бы тебе не полететь со мной? Официально познакомишься с командой. Я могу достать тебе пропуск посетителя.

Я пришла к выводу, что в случае с Рисом больше внимания следует уделять тому, что осталось несказанным.

— Разве я когда-то выказывала такое желание?

Он улыбается. Ответ: нет. Он знает, что я не самый общительный человек.

— Я могла бы навестить родителей, — выпаливаю я. Слова просто вылетают у меня изо рта. Я пытаюсь сделать невозмутимое лицо, чтобы не показать, насколько мне некомфортно от собственного заявления.

Я не сомневаюсь, что он видит меня насквозь, но большинство людей чувствуют себя неуютно, возвращаясь в дом детства. В моем случае, по целому ряду причин. Я всегда считала, что поступив в колледж и уйдя из дома — начав все сначала — я смогу избежать навязчивых воспоминаний об Эмбер, которые все еще нависают над семьей, как грозовая туча.

Мои родители навещают меня в Миссури и иногда берут с собой тетю. Если не считать этого, то за последние пятнадцать лет я почти ее не видела. Мы с успехом друг друга избегаем. Это к лучшему, ведь я все еще вижу боль в ее глазах, когда она смотрит на меня, как будто ищет Эмбер где-то внутри и не находит... Что ж, некоторые вещи лучше не трогать.

Сомневаюсь, что Рис мне верит. Даже когда он убедил меня вернуться на причал «Док-Хауса», чтобы попытаться разворошить мои похороненные воспоминания, я не заезжала к родителям.

— Хорошо, — соглашается Рис. — Хочешь я отвезу тебя, прежде чем уеду в аэропорт?

Мы подходим к арендованной машины, и я жду, когда он отопрет дверь.

— Все в порядке. Я поеду на Убере. А пока останусь в отеле. Поработаю над делом.

На его лице вновь появляется это неуверенное выражение. Это из-за упоминания об отеле, ведь автор записки знает, что я остановилась там. Но он все-таки кивает и садится в машину.

— Оставайся в моей комнате, — говорит он.

Я без споров соглашаюсь. Это лучше всего должно было подсказать ему, что я не собираюсь видаться с родителями, пока его не будет.

***

Три с половиной года — это целая жизнь. Теоретически время — относительно: все дело в восприятии. И поскольку я уже не тот человек, которым была раньше, я могу только представить, насколько сильно изменилась Кэм.

Наша встреча не похожа на приветствие старых друзей — объятия, улыбки и счастливые слезы. Мы двое незнакомцев.

Посты в соцсетях, которые я время от времени просматриваю, не отражают настоящую личность, поэтому я понятия не имею, каким человеком она стала. Я понятия не имею, зачем вообще выследила ее, кроме того, что поддалась порыву отследить эту историю до

конца.

Все, что я знаю наверняка, это то, что я не могу перестать смотреть на ее живот, пока она сидит напротив. Она здорова и вынашивает здорового ребенка. И она сияет — тем самым сиянием беременности, о котором все говорят. Беременность очень ей идет.

— Сияние, — говорит Кэмерон, обмахиваясь рукой. — Ой, да ну тебя. Это у меня пот от жары выступил. Такой знойный блеск. — Она смеется, но я слышу нотку беспокойства в хриплом голосе.

Я не должна была приходить. Но так как парень жертвы все еще не вернулся в город и не брал трубку, я сказала себе, что у меня есть время — и что это должно произойти.

Но мне не следовало врываться в ее счастливую жизнь. Для нее я — болезненное воспоминание, которое она очень старается забыть. Но все же есть кое-что, что не оставляет меня в покое, и я не могу это игнорировать.

Я должна знать — фраза, написанная мной вчера, была художественным вымыслом? Или реальными воспоминаниями?

— Так ты получила степень? — спрашивает она, пытаюсь оживить разговор.

Мы сидим в патио. Сверху на перголе вмонтированы большие вентиляторы. Балки задрапированы прозрачной белой тканью. Когда я позвонила договориться о встрече, то едва расслышала, как она выдавила «да», настолько громко стучало мое сердце.

Я достала ее номер больше года назад.

— Я не закончила университет, — признаюсь я с натянутой улыбкой. — Теперь я пишу.

— Оу, — она кивает. — Что пишешь?

В висках пульсирует тупая боль, словно я обезвожена. Я не умею вести светскую беседу. Встреча с ней уже причиняет слишком много горя.

— Кэм, я пришла сюда спросить тебя кое о чем.

Атмосфера вокруг нас меняется, накаляясь. Я могу распознать ее тревогу по тому, как она разворачивает ступни в сторону раздвижной стеклянной двери, уже готовая сбежать. Она кладет руки на живот, как бы защищая ребенка от моего присутствия, моего ужасного прошлого или, может быть, пытаюсь успокоиться.

Я не знала точно.

Когда она не произносит ни слова, но и не уходит, я придвигаюсь ближе.

— Мне нужно знать все о той ночи, Кэм. Что произошло на самом деле?

Опустив взгляд, она поправляет кувшин с чаем на плетеном столе.

— Я уже все тебе рассказала. Мне больше нечего сказать, Синтия. Прости.

Это имя кажется мне таким чуждым; мои мать и отец — единственные, кто теперь используют его.

— Вчера я кое-что вспомнила, — говорю я, не сдаваясь. — Наш разговор в больничной палате. О той ночи... — я умолкаю. — Это первый раз, когда я смогла вспомнить что-то еще о ночи нападения.

Она замирает.

— Это хорошо?

Я хмурюсь.

— Это лучше, чем ничего не помнить, не так ли?

Она качает головой.

— Я не знаю, Синтия. Я не знаю. Честно. Учитывая, что ты пережила... — она кладет руки на стол.

— С тобой все в порядке? — я встаю.

— Все хорошо. Просто ложные схватки, — она выпрямляется и выдавливает улыбку. — Думаю, тебе лучше поговорить об этом со своим врачом. Но не со мной.

Я раскладываю салфетку и накрываю ею десерт, который она приготовила. Я не притронулась к лимонному пирогу. Взбитые сливки на его верхушке превратились в лужу.

— Кто был там в ту ночь?

Я не позволю ей уйти от ответа. Я злилась на нее. Это я помню. Возможно, моя память каким-то образом исказилась, но я точно помню, как она вела себя в больнице. Она знает больше, чем сказала полиции — больше, чем сказала мне.

Она глубоко вздыхает.

— Только мы... и несколько случайных незнакомцев. И Торренс, бармен. Я уже миллион раз говорила об этом тебе и Даттону, — она поворачивается, собираясь вернуться в дом. — А теперь, пожалуйста, уходи.

— Я видел Торренса, Кэм. Он фигурирует в расследовании дела, связанного с убийством женщины, совершенным год назад. Обстоятельства преступления очень похожи на мой случай. — Я делаю паузу, позволяя ей усвоить эту информацию. — И его брат тоже. Ты знала, что у него есть брат?

Она выглядит уставшей, практически побежденной.

— С чего бы мне, черт возьми? Я просто разок с ним переспала. И то, все было размыто из-за того, что я перепила. Ах да, а еще из-за того, что мою лучшую подругу чуть не убили. Из-за этого все остальное ушло на второй план. Чего тебе нужно, Синтия? Зачем ты приехала? После стольких лет?

Хороший вопрос.

«Я заставлю его заплатить...»

— Ты видела Дрю той ночью?

Ошеломленная, она снова садится. Заправляет длинные светлые волосы за уши.

— Я заставила его уйти, — наконец признается она.

Почти четыре года и столько лжи спустя...

Но я поняла, что единственное, из-за чего она могла так разозлиться на Дрю, это если бы он заявился той ночью. Если бы между ними случилось что-то еще.

— Почему ты ничего не сказала?

Она рассеянно качает головой.

— Я не знаю. Полиция уже подозревала его и...

— И ты знала, что это не мог быть он, — заканчиваю я.

Она встречается со мной взглядом. В ее глазах видны годы подавленной вины.

— Я сказала Дрю, что встречу с ним позже, — продолжает она. — В ту ночь я не спала с барменом. Я ушла с ним, но не пошла к нему домой.

Я медленно киваю, кусочки головоломки наконец-то собираются вместе, заполняя пробелы. Кэм знала, что Дрю не нападал на меня, потому что была с ним.

— Вот почему ты не пыталась убедить меня поехать с тобой. Ты сказала, что предлагала, но просто оставила меня там. Чтобы поговорить с Дрю. — Тогда в больнице я заподозрила, что она врет, но просто не знала почему. — Неужели он переспал со всеми вокруг, пока мы встречались?

Она вздрагивает от моего гневного обвинения.

— Все было не так, Синт.

— Не называй меня так. Это не мое имя. — Уже нет.

Она тяжело сглатывает.

— В смысле, как ты могла не знать? Он был горячим профессором. Такое клише. Сначала я не осознавала, насколько серьезные у тебя чувства... а после этого у нас было всего пару раз. Я любила тебя, Син... — она оборвала себя. — В ту ночь между нами ничего не было. Не в этом смысле. Мне действительно было очень обидно за тебя, и я злилась на него из-за истории с Челси, и не хотела, чтобы Дрю заявился в бар и причинил тебе еще большую боль. Поэтому я приехала к нему и сказала, какой он убудок из-за того, что сделал.

Тем не менее, ущерб был нанесен. Она меня жалела. Замкнутую, наивную одинокую девочку, влюбившуюся в своего профессора. Интересно, сколько процентов нашей дружбы были вызваны жалостью.

— В каком часу это было? — спрашиваю я, превращаясь в профессионала, натягивая этот образ как броню.

— Я не уверена... Может, около одиннадцати тридцати?

Я делаю мысленную заметку.

— А когда ты видела Дрю в «Док Хаусе»?

— Синт...

— Дело не только во мне, — обрываю ее я, укрепляясь в своей решимости. — Была убита еще одна женщина. Возможно, их было больше. Мне нужно, чтобы ты сказала правду, чтобы я могла помочь ей.

Она кивает.

— Около девяти. Примерно за час до того, как я уехала с Торренсом. Я увидела, что Дрю оттирается у пристани, и перехватила его, прежде чем он успел подойти к тебе, а затем отослала прочь.

— Ты сказала детективу Даттону, что вы с Торренсом покинули «Док-Хаус» примерно в десять часов вечера. — Мне было очень комфортно в этом безопасном образе. Я закуталась в него еще больше. — Прошел примерно час, и ты не можешь сказать, где в это время был Дрю.

Она нахмурилась.

— Не может быть. Должно быть я что-то напутала. Это было так давно. Клянусь Синтия. Я отшила Торренса и сразу поехала к Дрю. Я видела его. Говорила с ним. Он никак не мог...

— Может и не мог. Но у не было окно, и теперь мне нужно больше информации и еще больше ответов. — Я встаю, снимаю с сумку со спинки стула и закидываю на плечо. — На тот вечер у Дрю было алиби — Челси. Почему? — я пытливо смотрю ей в глаза. — Почему вы оба просто не сказали правду? Зачем пытаться скрыть после всего, что произошло?

— Тебе было так больно. Так много боли. Физической и эмоциональной. Я просто не могла... — У нее на глаза навернулись слезы. — Если бы я все рассказала, это бы тебя добило, и я бы не смогла с этим жить.

Я ей верю. Не уверена, что смогу простить ее, по крайней мере, сейчас, но я верю ее словам. Потому что это, в конце концов, довольно эгоистично. Эгоистичные причины обычно самые честные.

Я еле избежала утопления, затем смерти, и последние несколько лет предполагала, что

отмылась от всей грязи и мерзости, присутствовавшей в моей жизни — Дрю, Челси, все. Я была лотосом, вырванным из мутной воды.

Новая жизнь. Новое начало.

Легко начать жизнь заново, когда у тебя амнезия.

Может быть, этого достаточно.

— Мне очень жаль, — снова говорит Кэм, когда я ухожу из патио.

— Мне тоже, — мне жаль, что дружба, которая, как я думала, была у нас когда-то, теперь навсегда запятнана.

Я прохожу приличное расстояние, прежде чем открываю приложение Убер и заказываю такси в отель. Мне нужно время, чтобы расслабиться, подумать. Я была так наивна в своей любви к Дрю — я знаю. После Челси... я думала, что после этого с моей наивностью покончено.

В то время, ослепленная любовью, я думала, что мы с Дрю были единственными людьми в мире, которые переживают то, что переживали мы. Полагаю, именно это с нами делает первая любовь. В реальности вас ждет разочарование. Насколько отчаянно я нуждалась в любви? Истинной любви? Настолько, что доверилась ему?

Но двуличность Кэм ранила больше, чем любое предательство со стороны Дрю.

Я пять раз щелкаю резинкой, считая вслух, чтобы заглушить навязчивые мысли, бушующие в голове.

Испытывая отвращение к самой себе, я перехожу через улицу, дожидаясь машины, и именно тогда у меня возникает это чувство. На улице жара, но по коже пробегают мурашки, сзади на шее выступает холодный пот.

Я останавливаюсь на углу и оглядываюсь вокруг, сердце болезненно колотится в груди. Через тонкую рубашку я касаюсь шрамов, а точнее рваного шрама, который с ужасающей точностью начинает болеть каждый раз, когда я чувствую опасность.

«Это все в твоей голове».

Я расстроена. Обижена. Фантомная боль может быть вызвана сильными эмоциями даже у обладателей достаточно ограниченного эмоционального диапазона. Мы так же истекаем кровью.

Но страх усиливается, подталкивая меня вернуться назад... я резко оборачиваюсь и вижу, как в зарослях сосен исчезает фигура.

«Только бы это было животное», — мысленно умоляю я.

Но фигура слишком большая для зверя. И слишком похожа на человека.

«Кто-то вышел на прогулку».

Но я чувствую на себя взгляд, чувствую, как кто-то наблюдает.

Синяя «Хонда» заворачивает на дорогу и сигналиит. Я спешу к машине, убегая от Кэм, прошлого и правды, которая мне открылась.

Кто-то меня преследует.

Глава 19

Идеальный шторм

Лэйкин: Сейчас

Я не умею лгать. Позвольте перефразировать: я не умею лгать другим людям. Ложь, которую мы говорим себе, чтобы справиться с нашим бессмысленным существованием, чтобы почувствовать себя более значимыми, отличается от специально придуманной лжи,

призванной обмануть другого человека.

Рис — ходячий детектор лжи. От осознания этого ложь, которую я подготовила о визите к родителям, прожигала мне язык. Возможно, это от того, что я знаю, что меня, скорее всего, поймут, но мысль о том, чтобы солгать Рису казалась... неправильной.

В любом случае, к тому времени, как я слышу, как он проводит ключ-картой у двери нашего номера, я мысленно прогоняю свою речь столько раз, что она выглядит неестественной. Поэтому, когда он спрашивает:

— Как твои родители?

Я выпаливаю:

— Я ходила к Кэмерон.

Сейчас полночь, но похоже, смена часовых поясов его вовсе не беспокоит. Его темно-серые глаза холодно и спокойно смотрят на меня.

Он кидает спортивную сумку в угол и снимает пиджак.

— Она знала Майка Риксона?

Воздух, который я задержала, вырывается наружу. Рис не ругается. Если бы он был расстроен, и почувствовал себя обманутым, то просто бы молча вышел из комнаты. Я бы предпочла, чтобы он отругал меня за безрассудство, чем терпеть его холодное, как камень, молчаливое игнорирование. Вывести его из этого состояния было практически невозможно.

Я тяну длинную футболку вниз сажусь на кровати, скрестив лодыжки.

— Похоже, она понятия не имела, что у Торренса есть брат.

— Ты показала ей его фотографию? Она видела Риксона в «Док-Хаусе»? — черный галстук болтается у него на шее, он снимает кобуру и садится напротив меня.

— Нет. Я не... — мне следовало так и поступить, и я, вероятно, вспомнила бы об этом, если бы не была так сосредоточена на Дрю. — Теперь элемент неожиданности исчез. Если вернуться и возобновить допрос, то, вероятно, она не даст никакой новой информации. Тем более, что мы расстались не самым лучшим образом.

Суровое выражение его лица исчезает

— Я так понимаю, она была не рада снова копаться в прошлом.

Я смотрю в пол.

— Она солгала мне, — отвечаю я. — Не знаю, почему я не догадалась раньше. Я не могу винить в этом провалы в памяти — я знала, что что-то не так. Я просто не знала, что именно, или не хотела знать. Может быть. — Когда я смотрю на него, то меня утешает сочувствие в его глазах. — Она спала с Дрю. — Выкладываю я еще до того, как он начинает расспрашивать. Я пересказываю ему все, что узнала от Кэм. — Она утверждает, что не спала с ним в ночь нападения, но была в его доме. Говорит, что он не мог вернуться в «Док-Хаус».

Рис молча переваривает это, а затем говорит:

— Нет, если только он и не уезжал.

При этой мысли меня охватила тревога.

— Поездка от бара до дома Дрю займет больше часа.

— Время поджимает, но мы не знаем точное время нападения. Это могло произойти через час после того, как Кэмерон ушла, или через пять минут. И тогда это возможно.

И когда Дрю позвал Кэм к себе, то обеспечил себе еще одно алиби — на случай, если первое провалится.

— Дрю сказал ей не говорить полиции правду, скорее всего заявив, что это причинит мне еще больший вред и разрушит нашу дружбу. Он знал, что станет подозреваемым, а

пашни с моей лучшей подружкой и соседкой по комнате делают его еще более подозрительным в глазах следователей.

Рис понимающе кивает.

— В профайле напавшего на тебя описывают как умного и осторожного. Эббот всегда казался мне именно таким.

Это означает, что если это Дрю покушался на мою жизнь, то он продумал нападение. Спланировал. Это не было случайным преступлением.

Я встаю, меня мутит. Начинаю ходить туда-сюда.

— Я никогда не думала, ни разу, что Дрю мог сделать... что он способен...

Даже когда Кэм сказала, что он был в баре, я просто представить не могла. С чего бы ему хотеть причинить мне вред... желать моей смерти? Это не я залетела. Я не представлял угрозы ни его свободе, ни его карьере.

— В этом нет смысла, — шепчу я себе.

Потерявшись в мыслях, я не осознаю, что Рис стоит позади меня, пока не чувствую, как по коже бегут мурашки от его близости. Он касается моей руки, и я вздрагиваю.

— Все в порядке, — говорит он, но убирает руку, когда я поворачиваюсь к нему лицом.

Я скрещиваю руки, остро осознавая, что нас разделяет лишь тонкая ткань моей футболки.

— Как ты думаешь, он действительно мог сделать это со мной?

Рис хорошо разбирается в людях. Он видит подозреваемых и их мотивы насквозь. Его мнение — единственное, что имеет значение.

Он снимает галстук и накручивает его на руку, задумавшись. Тяжело вздохнув, Рис говорит:

— Не знаю.

Его признание шокирует меня. Я качаю головой, не в силах признать, что у Риса нет даже теории.

— Ты допрашивал его. Ты и ранее обдумывал вероятность того, что он виновен. Этот Даттон что-то упустил или просто не смог собрать всю картинку...

— Я тоже что-то упустил. И упускаю сейчас, — перебивает он низким усталым голосом. — В чем мотив Эббота, Хейл?

Правильно. Мотив. У меня опускаются плечи.

— Подумай, — призывает Рис. — Ты что-нибудь вспомнила после встречи с Кэм? Вообще ничего?

Я отворачиваюсь, и меня охватывает тревога, как и в тот раз, когда мы с Рисом вернулись в «Док-Хаус». Тогда он умолял меня подумать, вспомнить... Как будто все, что мне нужно было сделать, это напрячь мозги, и ответы всплывут наружу.

— Это так расстраивает, — говорю я, качая головой. — Что пришлось вернуться сюда.

Он хмурится еще сильнее.

— Я знаю, — короткая пауза, — когда мы только занялись твоим делом, то тщательно проверили Дрю, но, как и сейчас, даже после этой новой информации, нам не понятен мотив.

Я вздыхаю. Не знаю, утешает ли меня, что у Дрю не было мотива меня убивать, но точно чертовски бесит.

— Что я точно знаю, — говорит он, приближаясь, — так это то, что люди странно реагируют на угрозы. Я работал над делами, когда мотив преступника казался мне

совершенно бессмысленным, но дело не во мне. Дело даже не в тебе. И если Эббот в этом замешан, значит, у него была своя причина. И не важно, поймешь ты ее или нет... ну, возможно, самым сложным будет знать и жить с этим.

Я смотрю ему в глаза.

— Даже сложнее, чем вообще ничего не знать?

Он подошел так близко, что я чувствую запах его одеколona. Я ощущаю жар его кожи, отчего мне хочется прижаться к нему и впитать его тепло.

Эта мысль заставляет меня очнуться.

— Это не первый твой висяк, — говорит он, отвлекая меня от раздумий. — Ты знаешь, что в конце туннеля не будет хэппи-энда. Да, ты узнаешь правду, добиваешься справедливости, обретаешь какое-то чувство завершенности. Но не испытываешь никакого удовлетворения.

Конечно, он прав. Сколько раз я сидела перед ноутбуком без единой мысли в голове. Застывшая. Неспособная подобрать слова. В такие моменты мне особенно хочется узнать, что чувствуют семьи, когда я пишу их историю.

Я потираю руки, прогоняя внезапный холод, вызванный кондиционером.

— Хорошо, — говорю я, смиряясь. — Тогда давай просто следовать за зацепками.

— Куда бы они нас не привели.

Я обжигаю его взглядом. «Нас».

— Думаю, за мной следили, — вырывается у меня. Меня одолевает потребность выложить Рису всю правду. Возможно, это вызвано чувством вины за мое раннее вранье, а может чем-то еще... тоской, которую я вижу в его глазах. Мой мозг упорно говорит игнорировать ее, избегать.

Он мрачнеет.

— Где?

— После того, как я ушла от Кэм. Недалеко от ее дома. Кажется, я видела мужчину. — Я пожимаю плечами. — Может, это просто совпадение. — Но я вспоминаю о записке. Кто-то пытается убрать меня из расследования.

— Ты запомнила, как он выглядел? — Настаивает Рис.

— Высокий. Возможно, это была женщина. Они скрылись за деревьями, как только я их заметила. — Когда я произношу это вслух, звучит глупо.

Рис все еще держит меня за руки, его хватка усиливается.

— Ты не можешь заниматься расследованием в одиночку, — решает он. — Мы должны относиться к этому серьезно, пока не докажем обратное. Кто-то отправил эту записку. Кто не хочет, чтобы ты занималась делом Делани, или он боится... — он замолкает.

— Что я найду связь со своим делом?

По плотно сжатым губам я вижу, что он наконец признает то, что долго отрицал. Сталкер связан с моим прошлым. И он может оказаться ключом к расследованию, если только не заставит меня прекратить расследование.

Если он меня не убьет.

Чего он ждет?

— Не хочу сейчас об этом говорить, — говорю я, пытаюсь вырваться из его хватки.

Его темные брови сходятся в одну линию.

— Есть что-то еще, — говорит Рис, читая меня как раскрытую книгу. — Что еще, Хейл?

Я пытаюсь отвернуться, но он не позволяет. Сильные пальцы удерживают меня. На этот

раз он не отпускает меня.

— Скажи мне.

Пока я пытаюсь его оттолкнуть, в голове ярко вспыхивает образ Кэмерон.

— Кэм. Она беременна.

Боже, я такая жалкая. Я приехала сюда, чтобы раскрыть дело Джоанны, привлечь убийцу к ответственности. А не упиваться жалостью к себе.

Мне не стоило возвращаться.

Я замечаю, что хватка на моих руках ослабляется. Рис смягчается от моего признания. Затем его ладони скользят по моим рукам — утешающая ласка, которая должна показать неуместной, но ощущается совершенно естественно. Как будто он все время прикасается ко мне таким образом.

Это прикосновение заменяет тысячу слов. Что он сожалеет из-за того, что у меня забрали... украли. Что я никогда не испытаю чуда рождения. Что я никогда не стану матерью.

От сердечной боли в глазах щиплет, подступают слезы, но я вдыхаю, подавляя их. Я не буду поддаваться горю.

Я жива.

А Джоанна — нет.

Рис пытается что-то сказать, но я его останавливаю. Я сама боюсь, как отреагирую, если он откроется мне прямо сейчас.

— Я не... Я в порядке. — Я выдавливаю напряженную улыбку. — Кроме того, это последнее, о чем мне стоит беспокоиться.

Его руки касаются моих плеч. Каким-то образом он оказывается еще ближе, он такой высокий, и от этого я чувствую себя защищенной. Воздух между нами наполняет странная смесь спокойствия и дразнящего тепла. Это мучительное, сбивающее с толку сочетание, которое я никогда раньше не ощущала рядом с Рисом. Но в то же время оно не кажется мне незнакомым — только мне не кажется, что это что-то незнакомое; словно прошлое и настоящее столкнулись, как это всегда и происходит.

Он погладил меня по лицу, скользнул по подбородку, и я почувствовала, как от нежного прикосновения нагревается кожа. Он так смотрит на меня... Он целовал меня однажды, только однажды. У озера, нежно прижавшись губами к моему лбу. Но это был поцелуй брата или друга — утешительный поцелуй.

Но главное в поцелуе — это намерение, и в его горящем взгляде нет ни капли намерения утешить меня. В их глубине пылает неистовый голод. Я разрывалась, не зная что делать — прильнуть к нему или оттолкнуть.

— Лэйкин... я должен тебе сказать... — его хриплый, гортанный шепот вызывает во мне противоречивые эмоции. Для Риса я — Хейл. Напарница. Кем для него является Лэйкин?

Его рот приближается к моему, он уже так близко, что я чувствую тепло неровного дыхания. И тут раздается звонок.

Звонит стационарный телефон.

Я прихожу в себя и делаю шаг назад. Его руки падают, но я уже скучаю по его объятиям. Он задерживает на мне взгляд на секунду дольше необходимого, в глазах виден вопрос. Если он уйдет прямо сейчас, мы, возможно, никогда не вернем этот момент. Если он уйдет... мы никогда не признаем этот момент.

Долю секунды я колеблюсь.

Прежде чем я принимаю решение, он поворачивается, чтобы ответить на звонок.

Я слушаю, как он кратко беседует с администратором отеля, и пытаюсь унять вихрь эмоций. Затем он кладет трубку.

— Что случилось? — Мое сердце все еще колотится слишком быстро.

Рис проводит рукой по волосам.

— Местные жители знают, что мы работаем по делу Делани. Один из детективов оставил нам сообщение на ресепшен.

Как правило, правоохранительным органам не требуется много времени, чтобы узнать, что ФБР возобновило работу над старым делом. Некоторые обижаются, думая, что мы вторгаемся на их территорию и стараемся выставить их в плохом свете. Словно, если мы раскроем дело, это будет означать, что они плохо сработали.

— Ты спустишься? — Я ненавижу, как дрожит мой голос, что в нем слышится желание.

В воздухе повис вопрос, мне кажется, что я могу протянуть руку и схватить его. Вернуть момент, который был всего две минуты назад. Это мой выбор. Пока он ждет, я знаю, что все в моих руках.

Я трусиха.

Я оглядываю комнату и иду к своей стороне кровати.

— Думаю, общение с местными жителями может подождать до утра, — я отбрасываю одеяло и забираюсь под него, вздрагивая от прохлады простыней. Такой контраст с его горячими прикосновениями.

Это не должно произойти.

Я знаю, что когда взойдет солнце, я буду чувствовать себя иначе. Он будет чувствовать себя иначе. Уже поздно. Я вся на нервах. Он хочет меня защитить. Так совпали обстоятельства, но утром все изменится.

Я кладу голову на подушку и смотрю, как Рис готовится ко сну. Он выключает свет.

— Спокойной ночи, Хейл.

Глава 20

Связующее звено

Лэйкин: Сейчас

Есть три основных мотива убийства: секс, деньги и месть.

С той самой ночи я не переставала задаваться вопросом, каковы были мотивы нападения на меня. Я не была богатой. Меня не изнасиловали. И что я могла натворить за свои короткие двадцать три года такого, что вызвало бы столь садистскую месть?

Я думаю о доске убийства в моем доме в Миссури. Я потратила бесчисленное количество часов, работая над своим делом. Как минимум одна черная ниточка соединяла каждого игрока с нападением на меня. Но это всего лишь догадки. Стечение обстоятельств. То, что кажется важным мне, кажется бессмысленным детективам.

Рис никогда не видел мою доску убийства.

Когда кажется, что очевидного мотива нет, возникает вопрос, могло ли убийство иметь серийный характер. Серийный убийца обычно не связан с жертвами. Иногда он тщательно отбирает их в соответствии с какими-то чертами, а иногда — случайным образом. Возможно, он убивает определенного человека просто потому, что он оказался не в то время не в том месте.

Именно поэтому правоохранительным органам так сложно работать над делами серийных убийц. Преступника находят по связи с жертвой, а когда связи нет...

Что ж, я считаю, что связь есть всегда. Может совсем незначительная, но есть. Ниточка может быть столь тонкой, что следователи сочтут ее несущественной.

Взгляд. Взмах ресниц. Улыбка.

Один единственный момент, когда время для убийцы остановилось. И вы уже в его сети.

Я не виню жертву, эта связь существует только в голове преступника. У серийных убийц всегда найдется оправдание своим действиям. Но все происходящее находится под их строгим контролем.

Так как же оставшаяся в живых жертва может вернуть себе этот контроль?

Я все еще ищу ответ на этот вопрос.

Скорее всего, всего к предательству Кэм приложил руку Дрю. По крайней мере, это дает повод еще раз его допросить. И тогда мы, возможно, получим новую информацию. Я должна чувствовать облегчение — мы еще на один шаг ближе к разгадке.

Однажды я поверила, что восстановлю контроль, если убийцу поймают.

Заявление Риса отрезвляет меня. Бесконечный поиск удовлетворения — это темная бездонная пропасть. Даже темнее моей подводной гробницы.

Прежде чем двигаться дальше, я должна решить, восстановит ли поимка напавшего на меня баланс контроля. Или отправит меня в бездну безумия.

Заправившись кофе, мы подъезжаем к офису судмедэксперта округа Бревард. Стоянка почти пуста, и Рис паркуется перед кирпичным зданием. Мы открываем двери навстречу влажному утреннему воздуху.

Я делаю последний глоток кофе и ставлю его на коврик.

Даже сейчас мне нужно знать. Несмотря на предупреждение, даже себе во вред, я больше, чем когда-либо, полна решимости поймать своего убийцу.

Перед тем, как мы покинули отель, Рис получил сообщение от детектива Вейла. Детектив сообщал, что знает, что мы работаем над делом Делани, и хочет, чтобы мы явились в участок. В конце концов, мы поговорим и с детективами, чтобы узнать их мнение, но лучше оставить это напоследок. Чтобы на наше расследование не влияло чье-то предвзятое мнение.

Вместе с утром к нам вернулось здравомыслие, прошедшая ночь была надежно заперта в секретном отсеке памяти и официально стала прошлым. Мы с Рисом решили отложить допрос (так как почти любая встреча со следователями и детективами заканчивается тем, что вопросы задают НАМ) и вместо этого узнать об убийстве Джоанны прямо из источника. Таким образом, мы сможем разматывать историю задом наперед.

Звучит запутанно. Что ж, это так. Авторы детективов часто используют эту тактику, чтобы построить сюжет в духе «кто это сделал». Сначала раскрывают преступление, а затем работают в обратном направлении, подбрасывая читателю подсказки.

Сегодня я представляю нас с Рисом очень невежественными читателями. Нам нужна концовка, нужно узнать, как закончилась жизнь Джоанны, чтобы мы могли отмотать к нападению на нее.

Рис звонит в дверь и сует руки в карманы.

— Сегодня мне придется отправить в Квантико официальный отчет о том, что мы узнали, — говорит он. — Рано или поздно.

— Но ты же только что оттуда вернулся, — говорю я. — У нас есть что сообщить?

Он коротко вздыхает.

— Нет. Но мое начальство не интересуется отдельные случаи. Они просто хотят видеть прогресс команды в целом.

Я хмурюсь. Что касается этой части работы, то тут я Рису не завидую. Он занимается бюрократической чушью, а я сочиняю истории, сидя в удобном кресле-качалке.

— Не нужно много времени, чтобы составить отчет, свидетельствующий о командной работе, — говорит он, перекатываясь на пятки и снова нажимая на звонок. — Хочешь позвонить домой? Проверить кота и соседей?

У меня в груди колет из-за чувства вины. Я была настолько поглощена этим делом, своим прошлым, что даже не подумала об этом. И, честно говоря, с тех пор, как я вчера вечером рассказала Рису о признании Кэм, мне не терпелось допросить Дрю. Сегодня утром я уже шесть раз щелкала резинкой.

— Да. Я позвоню, — отвечаю я.

— Или ты можешь слетать домой на денек, — говорит он, не встречаясь со мной глазами. — Проведаешь их, пока я убуду оформлять документы.

— Ну, не знаю. Эта поездка не имеет смысла, тем более, как только приеду, мне придется сразу уезжать, — говоря это, я понимаю, что, возможно, не вернусь. И что, может, именно на это он и намекал.

Рис не высказал ни слова неодобрения из-за моей встречи с Кэм, но я знаю, что он так думает. Меня обжигает холод предательства. Я доверяю Рису больше, чем кому-либо — он никогда не стал бы намеренно меня обманывать. Это из-за того, что меня преследуют?

Прежде чем я успеваю выразить свое беспокойство, открывается стеклянная дверь. Появляется доктор Келлер, участковый судмедэксперт, одетый в зеленый халат. Я узнаю его по фотографии на сайте.

— Я могу вам помочь? — приветствует нас доктор Келлер.

Рис сверкает удостоверением ФБР.

— Доктор Келлер, я специальный агент Рис Нолан, а это моя напарница Лэйкин Хейл. Надеюсь, у вас будет время ответить на несколько вопросов по одному старому делу.

Я улыбаюсь про себя. Рис может насмеяться над психологией, но часто использует ее в своих интересах. Он никогда не дает людям возможность не отвечать на его вопросы. Он просто дает им выбор — сделать это сейчас или позже.

Окружной патологоанатом хмурится, ему за сорок, из-под кепки торчат пряди седых и темных волос.

— Извините, но может как-нибудь в другой день? Я сейчас на вскрытии.

Рис убирает удостоверение во внутренний карман пиджака.

— Мы приехали всего на несколько дней и очень хотели бы из первых уст получить информацию по делу Джоанны Делани.

Доктор Келлер наклоняет голову. Имя жертвы, кажется, вызывает его интерес.

— Хорошо, проходите. Вам придется помыть руки и надеть халаты.

Прежде чем войти в здание, мы с Рисом обмениваемся любопытными взглядами. Нам не нужно переодеваться для простого разговора.

— Может, он спешит и планирует поговорить с нами во время работы, — предполагаю я.

— Может быть, — соглашается Рис, но отвлекается. Я чувствую, что мыслями он уже на два шага впереди.

Доктор Келлер проводит нас к раковине.

— Чистые халаты там, — он указывает на шкафчик.

— Что думаешь? — спрашиваю, пока мы моем руки. Иногда мне хочется уметь читать его мысли.

— Пока не уверен, — Рис стряхивает воду и хватается один из зеленых халатов.

Когда мы полностью экипировались, доктор Келлер проводит нас за перегородку.

— Интересно, что вы упомянули дело Делани, — говорит патологоанатом. — Только вчера обнаружили тело женщины. Я сразу узнал рваные раны, еще во время первого осмотра на месте происшествия. Сегодня утром я достал из архива файл Делани, чтобы сравнить их.

На столе лежит бледное тело, на груди уже сделан Y-образный разрез. Я прикрываю рот и быстро отворачиваюсь, восстанавливая дыхание.

— С ней все в порядке? — спрашивает доктор.

— Она в порядке, — отвечает за меня Рис. — Просто этого мы не ожидали.

— Ох, — вздыхает доктор Келлер. — Вот. Позвольте мне принести вам немного мятной мази. Жертва умерла совсем недавно, поэтому я не подумал, что вы сможете почувствовать запах. Конечно, я-то его уже не замечаю.

Он пытается слабо улыбнуться, и я киваю.

— Просто немного шокирует... когда ты этого не ожидаешь.

— Даже если забыть о запахе, мята помогает подавить тошноту, — он протягивает мне мазь Vic's Vapor Rub¹. — Что-то вроде онемения, приглушает все органы чувств.

— Спасибо, — я выдавливаю мазь на кончик пальца и размазываю ее под носом. — Просто нужно было перевести дух.

По правде говоря, это первый труп, который я вижу. Работая над «висяками», привыкаешь к фото. Я несколько лет рассматривала изуродованные трупы и решила, что выработала терпимость, и смерть меня больше не трогает. Но когда ты смотришь на фото, то ты отстранен и можешь дистанцироваться. Не то же самое, что реальная жизнь.

К этому вас ничто не может подготовить.

Затем врач отбрасывает простыню, закрывающую лицо пострадавшей.

И женщина на столе уже не просто тело.

Пол пошатнулся, и я выпрямляюсь, чтобы сохранить равновесие. О Боже. Нет.

Опираюсь на перегородку, надеюсь, что это как-нибудь остановит вращающийся пол.

— Кэм...

Доктор Келлер осторожно подходит ко мне.

— Вы знаете жертву?

— Знала... — Я ЗНАЛА ее.

— Тогда извините, но вам нельзя здесь находиться.

— Мы не работаем над этим делом. Мы занимаемся нераскрытым делом Делани, отдел ФБР по расследованию нераскрытых преступлений

— Сожалею о вашей потере, — говорит доктор Келлер.

— Спасибо, — говорю я, но мне кажется неправильным принимать его соболезнования. Я уже давно не являюсь другом Кэм. Хотя, если брать конкретный отрезок времени, сколько времени нужно, чтобы перестать быть чьим-то другом?

Я познакомилась с Кэмерон на первом курсе. Мы были одного возраста. Обе взволнованные, напуганные и любопытные. Три года мы были соседями по комнате, лучшими друзьями, а потом мир перевернулся, с нашего последнего разговора прошло

несколько лет.

До вчерашнего дня.

Что это означает?

Рис и доктор Келлер разговаривают, до моих ушей доносятся приглушенные голоса. Затем я улавливаю одно слово более отчетливо, чем другие — одно слово, от которого у меня в жилах застывает кровь.

Ребенок.

Кэм была беременна.

Еле видящим взглядом я изучаю ее фигуру. Плоский живот. Больше нет того огромного живота, которому я так позавидовала накануне.

— Что случилось? — Я словно со стороны слышу, как задаю вопрос.

Судмедэксперт смотрит на Риса, молча советуясь, как много мне можно рассказать.

— Я справлюсь, — говорю я, заставляя голос звучать ровно.

Рис спокойно берет меня за руку и присаживается рядом. И я вижу предупреждение в его глазах.

Последствия.

Он не высказывает вслух свои страхи. Ему и не нужно. Я была одной из последних, кто видел Кэм живой. Возможно, даже последней. Учитывая это, звонок детектива Вейла мог быть уловкой. Пригласить меня обсудить нераскрытое дело и загнать в комнату для допросов.

Руки покалывает. Я чувствую, как кровь отхлынула от конечностей, захваченная адреналином. У меня учащается пульс.

«Она умерла из-за меня».

— Ребенок выжил, — говорит доктор Келлер. — Такое случается очень редко. В утробе младенец остается жив всего несколько минут после смерти матери.

Меня охватывает облегчение, и я чуть не падаю на пол. Однако это длится всего мгновение. Если бы я не поехала к Кэмерон, то она, скорее всего, была бы жива. Я так и знала, что вчера за мной следили.

— Как это возможно? — спрашивает Рис.

— Я не занимаюсь этой стороной дела, — говорит доктор Келлер, — но кажется, кто-то вызвал полицию. Скорая успела вовремя.

Вовремя, чтобы спасти малыша. Но не Кэм.

Кто сделал звонок?

— Жертве перерезали бедренную артерию, — продолжает доктор Келлер, возвращаясь к телу. — Это стало причиной смерти. Она получила восемь ножевых ранений, но каждое ранение, — он указывает на глубокие раны на груди, — само по себе не было смертельным. Хочется верить, что преступник намеренно старался не навредить плоду.

Плод. Он произносит это так... формально... Я тяжело сглатываю. Я делаю то же самое — дистанцируюсь от преступления. В моем случае мне приходится. Я не могу идентифицировать себя с жертвой. Это слишком опасно. Рис вбил в меня это правило.

Но это же Кэм.

Когда я смотрю на ее бледное, безжизненное тело, словно все яркие цвета, которые делали ее живой, высосали из плоти, я не могу оторвать взгляда. Ужасная ирония состоит в том, что Кэм умерла так, как должна была я...

Какими были мои последние слова?

Я отворачиваюсь. Меня мутит.

— Где рана, ставшая причиной смерти? — ребенок Кэмерон должен был выжить. Мне видно достаточно, чтобы понять, что убийца не стал наносить Кэм ту же рану, что и мне. Это бы навредило бы ребенку.

— Хейл, мы должны уйти, — в голосе Риса слышится растущий страх. Чем больше я узнаю, чем дальше буду здесь находиться, тем хуже для меня.

Доктор Келлер быстро открывает ноги.

— Вот, — он имитирует траекторию, по которой оружие прошло через бедро. — Прямо под ее тазом. Достаточно глубоко, чтобы перерезать бедренную артерию, но недостаточно глубоко, чтобы задеть бедренную кость.

— Это было намеренно? — спрашивает Рис.

Судмедэксперт хмурится.

— Я бы сказал «да». Кем бы ни был преступник, он достаточно умен. Разрез был сделан твердой рукой. Не колеблясь. Место также было выбрано неслучайно.

— В смысле? — Рис ничего не может с собой поделаться: агент в нем должен знать ответы.

— Жертва быстро истекла кровью, но не так быстро, чтобы подвергнуть плод риску. Я не могу сказать со стопроцентной уверенностью, что это было намеренно, но я уже давно этим занимаюсь. — Он протирает очки. — Я доверяю своим инстинктам.

Редкое заявление для человека, занимающегося медициной. Я смотрю на Риса. Он питает уважение к тем, кто доверяет своим инстинктам. Это одно из главных различий между нами.

— Спасибо за честность, — говорю я доктору Келлеру. Он кивает, а я встаю, чтобы уйти.

Я уже собираюсь сбежать, но осознание того, что это последний раз, когда я вижу Кэм, меня останавливает. Глубоко вдохнув воздух с примесью химикатов, я плотнее запахиваю халат и иду к столу.

Рис ловит меня за запястье, и в голове вспыхивает воспоминание о прошлой ночи. Мольба, которую я видела в его глазах, желание сократить расстояние между нами. Теперь этим движением он умоляет меня остановиться. Не мучить себя. Чтобы это не было моим последним воспоминанием о Кэм.

— Я в порядке, — я отодвигаюсь и подхожу ближе к столу. — Прости, — шепчу я ей, но так тихо, что слышу только я.

Я не могу заставить себя дать Кэм ту же клятву, что и другим жертвам, на убийц которых охочусь. Как я могу? Ведь ее убийство связано с моим.

Я жду по другую сторону перегородки, пока Рис задает вопросы, ради которых мы и пришли. На мгновение дело Джоанны отступает на задний план, пока я вспоминаю моменты, которые провела с Кэмерон.

Как ни странно, я не считаю себя сентиментальной, но смерть любого может заставить прослезиться. Мы скорбим о том, чего больше никогда не сможем повторить, даже если давно об этом не вспоминали.

Мы боимся конца. Неотвратимого финала.

Словно ледяной душ это напоминает нам, что мы смертны.

Я слушаю, как Рис вместе с патологоанатомом пробегаются по основным пунктам. Профиль ДНК жертвы. Какие следы были обнаружены на теле, есть ли они вообще. Ушибы

Кэмерон совпадают с синяками, найденными на Джоанне.

Доктору Келлеру необходимо провести официальное сравнение, но он уверен, что рваные раны — глубокий порез на бедре Кэмерон и рана на ребрах Джоанны — очень похожи. Если это правда, то он может доказать, что в обоих преступлениях использовалось одно и то же оружие.

Я обхожу перегородку.

— Вы можете провести сравнение по фото? — спрашиваю я.

Доктор Келлер напрягается.

— Конечно, могу.

Я сжимаю подол рубашки.

— Лэйкин... — мрачная нотка в голосе Риса заставляет меня остановиться. На последнем слоге его голос срывается. Интересно, это потому, что он зовет меня по этому имени или он пытается скрыть какие-то болезненные эмоции.

Мы встречаемся взглядами.

— Это могло бы помочь связать дела, — говорю я. — Мы должны знать.

Я должна знать.

Он видит уверенность в моих глазах. Он знает, что я во что бы то ни стало докопаюсь до правды.

Рис опускает взгляд, когда я задираю рубашку выше бюстгалтера, обнажая уродливый диагональный шрам на груди.

Мгновение ошеломленный доктор Келлер безмолвно смотрит на меня. Затем он сбрасывает оцепенение и берет фотоаппарат. Он делает несколько снимков, очень профессионально. Затем спрашивает:

— Когда это произошло?

— Почти четыре года назад, — отвечаю я. — Это помешает сравнению? Он уже зажил...

— Наверяд ли. Я могу внести необходимые корректировки, — он делает пометку в блокноте. — Есть какие-то материалы? — Он смотрит на меня глубоко посаженными глазами. — Мне нужны детали, чтобы провести точное сравнение. Больничные записи подойдут.

Я понимающе киваю, опуская рубашку.

— Все касательно нападения было задокументировано, — я не говорю, что сама ничего не помню. Скоро он сам все узнает.

Перед уходом Рис пожимает руку доктору Келлеру и благодарит его, после чего мы выходим из морга. Кофе, который я оставила на полу машины, еще теплый. Время течет по-разному. Мучительная вечность в морге — пятнадцать минут во внешнем мире.

Я выбрасываю стаканчик.

В тишине мы с Рисом уезжаем, а в моей голове только один вопрос касательно мотива. Почему Кэм? Почему Джоанна?

Почему я?

Теперь становится предельно ясно, что я — связующее звено. Все черные линии исходят от меня, связывая другие убийства, как стебли лотоса, спускающиеся в этот темный подводный мир неизвестности.

Взгляд. Взмах ресниц. Улыбка.

Какого монстра я привлекла в нашу жизнь?

Глава 21

Книга снов

Лэйкин: Тогда

Одиночество.

Три синонима: Изоляция. Уединение. Покой.

Одиночество — неплохое состояние. По большей части я привыкла быть одна. Так что я не возражала, вовсе нет. Есть разница между тем, чтобы быть одной и быть одинокой.

В моей жизни эти состояния сменяли друг друга, разделяя на «до» и «после».

До того, как Эмбер умерла от остеосаркомы и после.

А потом был Эндрю Эббот.

Из-за этого я кажусь безумно банальной. Как будто я была одной из тех прилипчивых, неуверенных в себе студенток, которые меняли себя ради парней. Но для меня, полностью изолированной до того момента, как он вытащил меня из раковины, это было новое рождение. Пробуждение.

Я стала женщиной. Настоящей женщиной. И я была влюблена.

Мир окрасился в розовый цвет обещаний и радужного обожания.

Следовательно, я была наивна и слепа к тому, кем на самом деле был Дрю. После разрыва я узнаю истинное определение слова «одиночество». За две недели до нападения я видела проблески будущего во сне. Из-за страха потерять Дрю мне снова и снова снился один кошмар.

Страх может заставить вас сойти с ума.

Кошмар начинался посередине, как и у всех снов, у него не было начала.

По какой-то причине, пока я пишу эту сцену, в памяти всплывает лекция Дрю о воспоминаниях. Я не уверена, что эта глава пройдет редакцию. Я уже сейчас испытываю искушение стереть слова. Как будто их набирание изменит прошлое.

И хочу ли я вообще вспоминать этот сон?

Было ярко и солнечно?

Или пасмурно и мрачно?

Может, это было сразу после заката, вечерний воздух пах болотом, сверчки громко стрекотали. Кожа была липкой из-за жары и влажности. Я ступила на деревянные доски, чувствуя, что футболка прилипла к спине.

В кустах что-то прогремело, словно летучая мышь ударилась о дерево.

Я вспомнила старую загадку: Слышен ли звук падающего дерева в лесу, если рядом никого нет?

Я почувствовала чье-то смутное присутствие, меня охватило дурное предчувствие. Я ощущала колебания в туманном воздухе. Он давил на меня со всех сторон. Я должна была продолжать двигаться. Я не убегала, но знала, что меня преследуют.

Внезапно я оказалась на пирсе. Он простирался далеко над болотистым озером. Причал украшало граффити, нарисованное яркой неоновой краской. Подойдя ближе, я поняла, что это не граффити.

На потемневшем, гнилом дереве виднелись свежие красные полосы.

Кровь.

Затем я почувствовала, что кто-то приближается. Они нашли меня...

Если верить толкователю снов, присутствие во сне безликой или невидимой сущности

означает, что спящий ищет свою личность.

Несмотря на мое уважение к психоанализу, я не совсем уверена, что верю этой теории (прости, Фрейд), или может ли интерпретация сновидений давать оценку на том же уровне, что и психология. Но в тот момент жизни я ничего не знала об этом. Все, что я знала, это то, что эта сущность во сне меня пугала.

Это существо представляло угрозу. Мой личный демон, преследующий меня наяву, а также во сне. Подобно темной и отвратительной истине, скрытой в нашей душе, эта злоба хотела материализоваться. Он хотел быть известным, стать реальностью.

Смотри... Прозвучал бестелесный голос.

Дневной свет исчез; воцарилась густая и абсолютная чернота. Звуки насекомых стали такими громкими, что я заткнула уши. Я посмотрела в мутную воду, окружающую пирс.

Белые водяные лилии неподвижно стояли в воде. Никакой ветерок не тревожил их лепестки.

Я видела много прудов и озер с лотосами, и они все были одного цвета. Либо белые, либо желтые, либо розовые. Но никогда несколько сразу. Поэтому одинокий желтый лотос, парящий среди других...

От этого зрелища по моей спине пробежал холодок. Прядь светлых волос, намотанных на цветок. Такие же светлые, как ее волосы.

Челси.

Я наклонилась, чтобы отодвинуть цветы в сторону, и увидела лицо. Ее бледная кожа казалась фарфоровой на фоне мутной воды. Глаза были открыты, непрозрачные, бесцветные, они смотрели в ночное небо. Голубая рубашка была разорвана у шеи, обнажая зазубренные царапины и порезы на шее и ниже. На груди у нее расцвела темно-красная рана.

Затем выглянуло солнце. Яркий солнечный свет играл на белых лепестках, отбрасывая золотые блики вокруг ее мертвого тела, словно ореол. И пока я смотрела, также быстро, как и все во сне, похороненная в воде, окруженная ореолом лотосов оказалась уже не Челси.

Это была игра света, игра моего разума. Через несколько месяцев я даже начала думать, что могла приукрасить эту часть; мой творческий ум дополнил воспоминания о сне вымышленными деталями.

Я смотрела на собственное лицо.

Меня охватил страх, перехватило дыхание. Легкие сжались. А потом я почувствовала, как тело пронзает все раны сразу. Все чувства захлестнула боль. Куда бы я ни прикоснулась... мои руки были покрыты красным. Одежда пропиталась кровью и грязной озерной водой.

Я с трудом поднялась на ноги, затем оглянулась на причал, откуда пришла. Я была невероятно спокойна.

И тогда я увидела, что приближается она. Ее золотистый загар, светлые волосы, практически белые. Набухший живот. Небольшая выпуклость, указывающая на ее беременность.

Я беременна.

Челси напугала меня. Мои раны... моя неминуемая смерть... Я все пережила. Не красивая, уверенная в себе девушка, которая в оберегающем жесте поддерживала свой живот, пронзила мой мозг в смертоносном и жестоком ударе.

Просыпаясь, я всегда чувствовала себя такой одинокой. Каждый раз. В течение этих двух недель, накануне весенних каникул, мне было страшно спать. Было страшно потерять

Дрю. Было страшно остаться одной.

До тех пор, пока я не увидела Челси на пороге Дрю, я на самом деле не верила в предчувствия. Технически я все еще не верю. Я слишком хорошо понимаю, как работает физика и разум. Я знаю, что наши воспоминания ненадежны, что из-за травмы восприятие воспоминаний может измениться. Я знаю, что страх, потеря и отчаяние могут вызвать осознанные сны, которые кажутся предчувствиями, но...

К тому же есть мужчина.

Галлюцинации — это результат неправильной работы нейронов. Это я тоже знаю. Но неужели все это просто перебой сети в моем мозгу? Или существует какой-то более высокий уровень сознания, к которому может подключиться наш разум?

На этот вопрос нет ответа.

Я видела, как умираю. Это необычное явление — стать свидетелем собственной смерти, и при этом не проснуться. У меня нет воспоминаний о том, как я умерла в реальности, но тем не менее я стала свидетелем конца своей жизни во сне.

Это мучительное одиночество, холодная пустота угасания.

Если девушка тонет в озере, и никто этого не видит, действительно ли она умирает?

Глава 22

Главный подозреваемый

Лэйкин: Сейчас

— Ты уверена, что хочешь это сделать?

Я смотрю через лобовое стекло седана на забитую парковку. Мы припарковались у неотложки, куда привезли ребенка Кэмерон.

Рис сжимает руль, не выключая двигатель, как будто ждет, что я передумаю.

— Мне нужно это сделать, — я сжимаю дверную ручку.

— Я пойду с тобой, — Рис наконец заглушает двигатель и открывает дверь.

— Подожди, — начинаю я, не зная, что сказать дальше.

Вообще-то сейчас мы должны находиться в участке Западного Мельбурна. Чтобы прощупать почву, Рис позвонил им и поговорил с детективом Райт, прикрываясь нераскрытым делом. Как я и подозревала, местные копы хотят поговорить со мной из-за Кэм, а не нашего дела. И заявившись сюда, мы можно сказать, скрываемся от полиции. Ну, я скрываюсь.

Это я вчера ходила к Кэм. И это меня просили дать показания.

И, по логике вещей, мне все равно не разрешат увидеть ребенка Кэмерон. Он родился на восемь недель раньше срока — мертвой матери сделали кесарево сечение. Звучит как ужасный заголовок из таблоидов.

Но я в долгу перед Кэмерон и должна проведать ее ребенка, чтобы убедиться, что он или она здоров. Я даже не спросила ее, кто родится. Честно говоря, это ради успокоения моей совести, эгоистичное желание знать, что мой визит к Кэм, по крайней мере, не отнял жизнь будущего ребенка.

Мне нужно своими глазами увидеть, что он выжил.

Мне нужно знать, девочка это или мальчик, мне нужно знать имя.

В большинстве случаев мне нравится представлять, что я эдакий писатель — мститель, охотящийся на убийц, чтобы воздать им по заслугам, но, по сути, я эгоистичный человек. Раскрытие заброшенных дел приносит определенный баланс в мою беспокойную и бурную

жизнь. Это дает мне чувство контроля.

Сейчас я ничего не контролирую.

— Хорошо. Я готова, — я выхожу из машины, и меня обдает пышущим жаром воздухом.

У меня перехватывает дыхание.

Я опускаю очки на глаза и закидываю сумку на плечо. Рис следует за мной через двойные двери отделения скорой помощи. Поток холодного воздуха обрушивается на лицо, и я вздрагиваю.

Еще одна черта жителей Флориды. Они устанавливают кондиционер на температуру прямо противоположную той, что на улице. В любом закрытом помещении всегда холодно.

Когда мы подходим к стойке регистрации, я поднимаю солнцезащитные очки и замечаю двух офицеров в униформе у входа в крыло скорой помощи.

Рис встает передо мной, прежде чем я дохожу до стола.

— Это плохая идея, Хейл, — он кивает на офицеров. — Ты ничего не узнаешь о ребенке Кэмерон. Единственное, чего ты добьешься, так это привлечешь внимание детективов.

— Я знаю, но... — Я резко останавливаюсь, выражение беспокойства на его лице заставляет меня замолчать. В его голосе звучит тревога. — Ты беспокоишься.

— Беспокоюсь.

Но это еще не все. Рис всегда говорил прямо. Он не будет врать, чтобы успокоить меня. Так что меня огорчает, что в этот момент он не желает говорить откровенно.

— Ты беспокоишься, потому что боишься, что я как-то связана с ее смертью?

Его взгляд ожесточается. Он берет меня за запястье и ведет к ряду сидений, туда, где поменьше людей.

— Ты серьезно спрашиваешь меня об этом?

Укол вины пронзает мою грудь. Я скрещиваю руки.

— Именно, — говорю я. — Я не знаю, что происходит. Но знаю, что единственное связующее звено — это я. Ты и сам должен это понимать.

На его челюсти ходят желваки, в меня упирается пристальный взгляд.

— Джоанна Делани с тобой не связана.

— На первый взгляд, да. Но что, если мы ошибаемся? Мы должны продолжать поиски, даже если это означает, что мне будет грозить опасность.

Ему не нравится этот ответ, но такова наша работа.

— Рис, Кэм убили из-за меня. Потому что я пришла к ней. Потому что... — я понижаю голос, — тот, кто написал записки, не хочет, чтобы я копалась в прошлом. Кэм, должно быть, знала...

Знала что?

Она призналась, что ходила в ту ночь к Дрю. Это означает, что по какой-то причине бармен Торренс солгал полиции о том, что провел с ней ночь. Из-за своего эго? Потому что она попросила его? В этом нет смысла, ведь они только познакомились. У него не было причин прикрывать ее.

Все врут. Это единственная истина, которую я знаю наверняка. Все лгут, и делают это, как правило, в своих эгоистичных целях.

Что еще знала Кэм? Кто еще мог быть замешан в деле? И при чем здесь Джоанна Делани?

— Записок?

Реплика Риса прерывает мои мысли, и я моргаю, глядя на него.

— Что?

— Ты сказала «записок». Есть еще какая-то записка?

Черт. Я потираю лоб, размышляя. Я никогда не рассказывала ему об анонимном письме, которое получила перед отъездом из Сильвер-Лэйк. Когда мое дело возобновили, я решила, что это ерунда, но, когда мне в номер подкинули еще одну записку, я уже не была так уверена.

— Мне следовало сказать тебе, — начинаю я.

Замешательство на его лице сменяется гневом. Я видела его злым — по-настоящему злым — только однажды, когда воинственно настроенный и пьяный брат жертвы пытался помешать нашему расследованию. Он продавал бульварной прессе ложные сплетни об умершей сестре, чтобы вызвать больший интерес к ее убийству. Рис прижал парня к стене, его кулак почти касался лица.

Нам обоим было противно.

Но Рис был еще и в ярости.

Ощущать направленную на меня ярость было почти так же, как получить удар ножа в живот. Уж я-то знаю, каково это.

— Пошли отсюда, — говорит он ровным голосом.

— Мы не можем уйти...

— Мы уходим. Ты расскажешь мне все о записках, прежде чем делать заявление.

Я позволяю Рису потянуть меня к выходу.

— Лэйкин Хейл?

Рефлекторно я начинаю поворачиваться, но Рис перехватывает меня и не дает сбиться с курса.

— Продолжай идти.

— Мисс Хейл? Подождите...

Нас остановили прямо перед двустворчатой дверью. Детектив догоняет нас и преграждает нам путь. Я распознаю его по дешевому пиджаку и ремню полицейского еще до того, как он достает значок.

— Детектив Вейл, полиция Западного Медьбурна, — говорит он. — Думаю, вы недавно говорили с моим напарником. Забавно. Не ожидал увидеть вас так скоро, тем более здесь.

Рис выпрямляется.

— Чем мы можем вам помочь, детектив?

Толстое лицо детектива бледнеет либо от жары, либо от пренебрежительного тона Риса. Он смотрит на меня вместо того, чтобы отвечать Рису.

— Вы же не пытаетесь избегать меня, не так ли, мисс Хейл?

Я сдерживаю гнев.

— Ну, в таком случае, меня бы здесь не было, не так ли? — Я оглядываю комнату ожидания, ища офицеров в форме. — Буду рада с вами поговорить, но думаю, это не подходящее место. Могу я назначить время для встречи с вами в участке?

— Назначить время? — Он ухмыляется. — Простите, мэм. Я не работаю по расписанию. Уверен, вы прекрасно знаете, что в расследовании время играет существенную роль. Первые часы после убийства имеют решающее значение. — Он смотрит на меня и прищуривается. Видимо, он ждет, что я отвечу на его риторический вопрос.

Я поднимаю брови.

— Да, я это знаю.

Он засовывает большие руки в карманы.

— Тем не менее, здесь есть укромная комната. Мы можем поговорить прямо там. — Он кивает в сторону крыла реанимации.

— Мне жаль. Не думаю, что это уместно. — Я пытаюсь обойти его, но он загораживает выход.

— Я могу проводить вас к ребенку, — говорит он, и у меня бешено колотится сердце. — Вы ведь здесь для этого? Чтобы увидеть малышку вашей подруги?

Девочка.

Мне не нужно смотреть на Риса, чтобы почувствовать его неодобрение.

Детектив Вейл любит сделки, он — переговорщик. Такие мужчины, как он используют тактику манипуляций, чтобы получить желаемое. Соглашаться на сделку опасно, таким образом противная сторона выискивает вашу слабость и использует ее.

Интересно, сколько сделок он заключил сам с собой.

— Хорошо, — говорю я, принимая его предложение. Сейчас для меня польза перевешивает опасность.

Когда я следую за детективом к большой двери скорой помощи, Рис незаметно пристраивается рядом.

— Импульсивно. Не делай никаких заявлений.

— Потому что я буду слишком эмоциональной? — я смотрю на него.

Он поджал губы и напряженно хмурится.

— Ты себя недооцениваешь, — говорит он, понижая голос, пока детектив договаривается с девушкой в приемной, чтобы нас допустили. — Ты можешь быть такой же эмоциональной, как и обычный человек, Хейл.

— Может быть, но я представляю это иначе, — я надеюсь, что моя невозмутимость поставит детектива Вейла в тупик.

Дверь открывается, и детектив удостоверяется, что я следую за ним. Но когда Рис пытается зайти следом, он поднимает руку.

— На данный момент мне нужно только заявление мисс Хейл, агент Нолан.

Выражение лица Риса ожесточается, и я встаю между мужчинами, чтобы разрядить ситуацию, пока она не обострилась.

— Все в порядке, Рис. Я ненадолго.

Он смотрит на детектива, а затем на меня, но ничего не говорит. Пока я слежу, как он садится в зале ожидания, дверь захлопывается, закрывая мне обзор.

— Сюда, — говорит детектив.

Он провожает меня по коридору мимо другого копа в маленькую пустую комнату. Здесь хранятся бинты и безвредные медикаменты. В центре стоят металлический стол и два складных стула. Либо здесь отдыхали медсестры, либо детектив сам привез их.

Разница существенная.

— Это вы здесь все обустроили? — спрашиваю я.

Он предлагает мне сесть первой, вымученно улыбаясь.

— Полагаю, у нас схожая работа. Вы привыкли задавать вопросы, но... — он вытаскивает черный блокнот из тайного кармана пиджака, — сегодня этим займусь я.

Так вот оно как. Я решила, что это его гнездышко, и он ошивается в больнице, рядом с ребенком Кэм, потому что у него нет других зацепок. Я бы сделала то же самое. Преступник приложил усилия, чтобы контролировать свою ярость и не убить ребёнка.

Интересно, здесь ли муж Кэмерон? И не важно, главный он подозреваемый или нет.

Детектив Вейл щелкает ручкой, начиная допрос.

— Мисс Хейл, почему вы с агентом Ноланом приехали в Западный Мельбурн?

Я снимаю сумку с плеча и накидываю ремешок на спинку стула.

— Мы работаем над делом Делани, — отвечаю я просто и честно.

Он не делает заметок.

— Вы с агентом Ноланом сами выбрали это дело или это решают за вас?

Я коротко улыбаюсь.

— Детектив, вы же знаете, что я не вправе обсуждать внутреннюю работу ФБР.

Он ехидно ухмыляется в ответ на мою улыбку.

— Тогда ладно. Можете ли вы сказать мне, вы заметили сходство между убийством Делани и нападением на вас до того, как подписались на это дело? — он тянется к папке и вытаскивает папку из манильской бумаги.

На первой странице значится: «Маркс, Синтия».

Я напрягаюсь. Меня не удивляет, что он заметил сходство. Но меня пугает, что он перешел к этому так быстро. Без всякой преамбулы.

— А вы не из тех, кто любит прелюдию, — говорю я. Я украла эту фразочку у Риса. Он использовал ее в предыдущем деле на полицейском, и тогда это сработало, так же как сейчас.

Детектив Вейл раздраженно вскидывает голову.

— Мне нравится сразу переходить к делу. Повторюсь, время имеет решающее значение, мисс Хейл. Или лучше перестанем ходить вокруг да около, и я буду называть вас мисс Маркс?

— Теперь меня зовут Хейл, детектив. И нет, — говорю я, опираясь локтями о стол. — Я не читала материалы дела.

Это правда.

Он с сомнением смотрит на меня.

— То есть вы говорите, что слепо соглашаетесь на дело, предварительно не узнав всех деталей? — Он качает головой. — Должно быть вы очень доверяете своему напарнику.

— Так и есть. А вы не доверяете своему?

Он прищуривается, а затем говорит:

— Но после вашего прибытия в Западный Мельбурн, когда вы узнали о деталях дела Делани, вы заподозрили, что агент Нолан выбрал его из-за сходства с нападением на вас?

Его вопросы будут становиться все длиннее и детальнее, пока он не получит желаемый ответ.

— Опять же, я доверяю своему напарнику. Если бы он решил сделать такую глупость, то заранее бы обсудил это со мной. Как назвали ребенка?

Это застает его врасплох.

— Что?

— Ребенок Кэмерон. Имя?

Он хмурится.

— Еще не назвали. Муж утверждает, что это она выбрала имя, и теперь он не может заставить себя его использовать.

Элтон. Ее мужа звали Элтон. Тот факт, что детектив Вейл называет его «мужем», означает, что Элтон, по меньшей мере, подозреваемый, возможно главный подозреваемый.

— Когда вы провели параллель между делами? — нападает он в ответ.

Примерно в то время, когда увидела мертвую подругу на столе для вскрытия.

— Многие случаи, когда жертве наносят ножевые ранения, кажутся похожими, — говорю я. Он вцепился в меня как собака в кость.

— А вы не находите странным или... случайным, что Кэмерон убили почти тем же способом, что и вас?

Я приподнимаю бровь.

— Почти?

Он прочищает горло.

— Восемь ножевых ранений. Патологоанатом определил, что орудие убийства должно быть такой же ширины, чтобы нанести аналогичные раны. Единственная разница в том, что живот жертвы остался неповрежденным. — Он делает паузу. — Как я подозреваю, вы уже сами это знаете, поскольку сегодня утром разговаривали с медэкспертом.

— Это вопрос, детектив?

— Что вы делали сегодня утром в офисе судебно-медицинской экспертизы, мисс Хейл?

— Агент Нолан и я приехали туда, чтобы задать несколько вопросов доктору Келлеру по делу Делани.

Взгляд его темных глаз задерживается на мне на секунду дольше необходимого, после чего он открывает мое дело.

— Вы можете назвать себя и Кэмерон Ортегу друзьями? — быстро перескакивает он на другую тему.

Я приподнимаю бровь.

— Вы имеете в виду, считала ли я нас друзьями до того, как ее убили?

— Верно.

Я откидываюсь на спинку стула. Мне не нравится, куда он ведет.

— Мы были друзьями по колледжу.

— Судя по телефонным записям, Кэмерон отправила вам текстовое сообщение со своим адресом и подтверждением, что она будет дома.

Им не потребовалось много времени, чтобы это обнаружить.

— А вчера вы были друзьями?

— Мне бы хотелось так думать. После колледжа связи с друзьями ослабевают. Они уезжают, женятся, заводят семью. — На мгновение я замолкаю, а затем продолжаю. — Друг — это тот, кто дает вам полную свободу быть собой.

— Это...? Эмерсон? Ницше?

— Моррисон. Джим².

Это вызывает у него улыбку.

— Зачем вы вчера навещали жертву?

Два медленных вдоха.

— Я знала, что Кэм переехала в Западный Мельбурн, и что она в положении. Мне захотелось встретиться с подругой из колледжа, раз уж оказалась. В городе.

Если они запросят для суда записи с моего телефона или компьютера, то увидят, что я искала профиль Кэм в соцсети.

Он делает пометку.

— Во сколько вы приехали в резиденцию Ортеги?

Так допрос продолжается еще несколько минут, пока он собирает факты. Он повторяет

вопросы, меняя порядок и формулировку. Умышленная тактика, чтобы заставить меня проколотся.

Но мне нечего скрывать, и я отвечаю честно. Пока он не задает мне единственный вопрос, который заставляет меня колебаться.

— Мисс Хейл? — Окликает он и повторяет вопрос. — Вы вчера заметили кого-нибудь возле резиденции?

Дверь подсобки открывается, и входит Рис в сопровождении офицера.

Детектив Вейл встает.

— Почему он здесь? — спрашивает он полицейского в синей форме.

— Я представляю мисс Хейл, — говорит Рис, вставая рядом со мной.

— Вы знаете, что не можете представлять ее интересы, — говорит детектив Вейл.

Впервые мы с детективом в чем-то согласны.

Я вопросительно смотрю на Риса, безмолвно требуя объяснений.

— Официально я никогда не практиковал, — говорит Рис, опираясь на стол. — Но у меня есть степень по юриспруденции. С этого момента я буду представлять мисс Хейл и присутствовать на всех допросах.

Детектив Вейл выглядит удрученным таким развитием событий, но садится на место и возобновляет допрос.

— Я сделаю пару звонков, чтобы все проверить.

— Конечно, — соглашается Рис.

Я сижу в ошеломленном молчании. Почему он мне не сказал?

Моя первая реакция — гнев. Я чувствую себя преданной. Рис всегда выступал за то, чтобы быть предельно откровенными... но, оглядываясь назад, я понимаю, что это правило всегда было направлено на меня, чтобы побудить меня рассказать больше о своем прошлом.

Гнев — это защитная реакция на другую эмоцию. По правде говоря, мне больно.

Что мы действительно знаем друг о друге? Мы не видимся вне работы. В Миссури я почти не участвую в общественной жизни. А из-за осторожности я не рискнула искать о нем больше информации, и только знаю, что он был отстранен от оперативной работы.

— Мне нужно повторить вопрос? — говорит детектив Вейл.

Рис приседает передо мной, чтобы мы оказались на одном уровне. Он с извинением улыбается мне, но как бы говорит, что сейчас не время — сначала нам нужно пройти через допрос.

Я киваю, затем перевожу взгляд на Вейла.

— Да.

— Вы вчера заметили кого-нибудь около резиденции Ортеги?

— Я советую своему клиенту не отвечать на этот вопрос, — говорит Рис.

Вейл кидает взгляд через стол, а затем снова утыкается в папку.

— Здесь говорится, что в связи с нападением на вас допрашивали Торренса Карвера. — Он смотрит на меня. — Недавно вы допрашивали мистера Карвера и его брата Майка Риксона во время расследования дела Делани?

Рис слегка касается моей ноги под столом.

— Я советую своему клиенту не отвечать.

— Господи, — бурчит под нос детектив. — Могу я предположить, что так пройдет и остальная часть разговора?

— Если вы не хотите раскрыть свои намерения в отношении мисс Хейл, тогда да. Она

сотрудничала, и ей больше нечего сказать. — Рис встает. — Однако нам нужно обсудить дело Джоанны Делани.

Детектив Вейл встает, готовый не уступить Рису.

— Я немного занят текущим расследованием убийства, но вы можете получить копию моих записей по делу. — Он достает телефон и отправляет сообщение. — Они будут ждать вас в участке.

— Благодарим за помощь, — отвечает Рис.

Густое напряжение висит в воздухе между Рисом и Вейлом, не смотря на их предельно профессиональный тон. Я отодвигаю стул, издавая громкий царапающий звук, нарушивший тишину.

— Мы сообщим, если у нас возникнут какие-либо вопросы по делу Делани, — говорю я.

— Конечно, мисс Хейл.

Рис направляется к двери, но я не двигаюсь с места. Я выжидающе смотрю на детектива Вейла.

— Ах, да, — говорит он. — Похоже, у меня нет достаточных полномочий, чтобы допустить вас к ребенку.

Я хватаю сумку и забрасываю ремешок на плечо. Я могла бы оставить последнее слово за собой, могла сказать детективу Вейлу, что думаю о его навыках допроса, которые совершенно неумелы и слишком очевидны. Или, что я даже через стол чувствую неприятный запах у него изо рта.

Вместо этого я улыбаюсь ему и ухожу. Я еле удерживаюсь от того, чтобы поблагодарить его, потому что это было бы глупо. Ему не нужно знать, что, пытаясь меня запугать, он рассказал нам о ключевой части своего расследования.

— Узнать, имеют ли Торренс или его брат какое-то отношение к записке, — заканчиваю я за него.

Мы останавливаемся у багажника взятой напрокат машины, и Рис изучает меня.

— Ты тоже это уловила.

— Да. Детектив Вейл проводит допросы в больнице. Почему? Преступник пощадил ребенка Кэм. Он думает, что это дело связано с моим.

Рис медленно кивает, обдумывая мои слова.

— Он считает Торренса главным подозреваемым. Его теория в том, что Кэмерон могла крутить с ним роман на протяжении всего брака.

— Точно. Он прочитал мое дело. Прочитал заявления Кэм и Торренса. Торренс связан с обеими жертвами. То есть со всеми тремя...

И тут Рис делает кое-что настолько для него необычное, что у меня перехватывает дыхание. Он пальцем приподнимает мой подбородок, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Ты не жертва, — говорит он.

Я киваю ему в руку.

— Я знаю.

— Точно? — пальцем он гладит мою щеку, серые глаза напряженно всматриваются в меня, прежде чем он опускает руку. Он отходит, оставляя между нами удобное расстояние, и я глубоко вздыхаю.

— Я имела в виду, что Торренс связан со всеми тремя женщинами. Со мной, Кэм и Джоанной. Учитывая его прошлые нападения на несовершеннолетних, это делает его подозреваемым номер один.

Рис смотрит в небо, затем проверяет время на телефоне.

— Давай посмотрим результаты анализа до того, как Вейл доберется до Торренса.

— Хорошо.

Я ценю, что в нашей команде за контроль отвечает Рис. Сохраняя спокойствие и не торопясь с выводами, он тем самым успокаивает меня. Мы здесь, чтобы раскрыть убийство Джоанны Делани. Если случайно или по велению судьбы... или по какому-то другому божественному замыслу... мы выйдем на след преступника, ответственного за нападения на меня...

На это еще будет время.

Во-первых, наш висяк.

Я была так сосредоточена на том, что у Дрю не было надежного алиби, что забыла о другой части головоломки. Торренс согласился с ложью Кэм — почему? Очевидное объяснение: ему тоже нужно было алиби. Это дало ему повод избавиться от Кэм — человека, который мог раскрыть правду и вовлечь его в расследование.

Пока мы едем в «Тики Хайв», я пытаюсь представить, что это Торренс приближается ко мне на пристани. Его рука сжимает нож. Я пытаюсь перенести его черты на человеке, который вытащил меня из озера. Я вижу белые лотосы на темной воде.

Я сильно моргаю, но больше ничего не вижу.

Если мы докажем, что убийца — Торренс, мне придется принять это как факт. Независимо от того, во что я хочу верить. Двух мнений быть не может. Ум — самый мощный инструмент человека. Но, как и любой инструмент, его можно заточить и придать ему форму. Его можно согнуть. Его можно научить верить практически во что угодно.

Глава 23

Книга Дрю

Лэйкин: Тогда

Вы когда-нибудь говорили неправду и сразу же сожалели об этом? Либо потому, что вы в целом считаете себя честным человеком, либо потому, что ложь противоречит вашим принципам, вашим собственным убеждениям? Насколько плохо вы себя чувствовали после того, как солгали? Что вы чувствовали? Раскаяние? Вину?

Это называется когнитивным диссонансом. Неуютное чувство, которое съедает нас, когда два убеждения противоречат друг другу. Когда это происходит, наш разум должен решить, как исправить дисбаланс и восстановить гармонию. Другими словами, облегчить чувство вины.

Есть четыре варианта:

Изменить. Упростить. Добавить. Отрицать.

Мы можем изменить нашу систему убеждений, чтобы принять часть лжи за истину. Или упростить ее, придя к выводу, что последствия лжи не так уж и важны. Мы можем добавить ко лжи еще одну ложь, поведение или веру, чтобы принять то, что мы сделали. Или мы можем просто отрицать, что когда-либо говорили неправду.

Последнее немного сложнее.

Как нам убедить себя в том, что чего-то не было, если мы изначально знаем, что это было?

Логически мы должны понимать, что наш ум хочет нас защитить. Если какое-то убеждение причиняет боль, разум сможет обогнуть его, чтобы найти менее болезненный

путь.

Путь наименьшего сопротивления.

Вот почему мы иногда смотрим на людей и ставим под сомнение их выбор, их положение. Для нас, в рамках нашей структуры убеждений, их действия немислимы. Но мы, как говорится, не на их месте. Мы не знаем, какие логические пути избрал их разум, чтобы защитить их от разрушения.

Я думаю об этом сейчас, когда описываю сцену из своего прошлого, потому что тогда — в тот конкретный момент времени — я не могла предвидеть будущее. Я не осознавала, какую боль причиняли отношения с моим профессором психологии.

Любовь во многих отношениях сама по себе является обманчивой ложью, вызванной химическими веществами в нашем мозгу.

Может, это немного холодно. А может, это просто наука.

В тот день Дрю отдыхал в гамаке на веранде позади своего дома в испанском колониальном стиле с книгой в руке. Детективный роман. Я часто дразнила его из-за них, это было его тайным пристрастием.

— Ты же должна была писать статью, — сказал он и перелистнул страницу.

Я кладу ручку на стол.

— Выходит полная бессмыслица.

Он посмотрел на меня.

— Бессмыслица?

Я скривила губы. Я слышала, как Кэм недавно использовала это слово.

— Ты же знаешь, что я студентка.

Он положил книгу на настил и качнулся в гамаке.

— Ты не просто студентка. Иначе ты бы меня не заинтересовала.

— Очень прямолинейно, — устав от перепалки, я встала и пошла в дом. В последнее время Дрю и я часто язвили. Не ссорились. Даже не спорили. Просто... раздражались, что ли.

Может, это было из-за предстоящих весенних каникул. Оставалось меньше недели, и я очень хотела уехать. Подальше от университета. От Кэм. От родителей.

От Челси.

Я почувствовала, что Дрю приближается ко мне сзади. Я ускорила шаг, почти подбегая к раздвижной двери. Он схватил меня за талию и оторвал от пола. Я взвизгнула, когда он развернул меня и прижал спиной к стеклу.

Пучок расплелся, и волосы, скользнув, закрыли лицо. Он крепко взял меня сзади за шею и наклонил мою голову. Он просунул колено между моими бедрами и раздвинул их, чтобы было легче просунуть руку под юбку.

Я прикусила губу, но не смогла сдержать глубокий болезненный звук.

Он замер в дюймах от моих губ, когда сказал:

— Если бы ты была внимательнее на парах, то уже бы освоила Закон эффекта³.

Я сделала размеренный вдох, не в силах сдержать дрожь в голосе, когда его ладонь коснулась моей кожи и медленно поднялась выше. Жар сжигал меня изнутри.

— Может, я бы его освоила, если бы ты учил студенток, а не трахал их.

Когда Дрю ущипнул внутреннюю сторону моего бедра, достаточно сильно, чтобы остался синяк, у меня перехватило дыхание.

— Студентка, — подчеркнул он. — Может, тебе нужен еще один урок оперантной

обусловленности⁴.

Я сглотнула.

— Меня легко отвлечь, — ответила я, меняя тему. — У меня очень горячий учитель.

Но это не уменьшило охватившего его негодования. Сжав челюсти, он схватил меня за горло, а затем яростно поцеловал. Я уступила желанию, мне хотелось, чтобы он снова захотел меня.

Я знала, что мое поведение вызывает разлад между нами, но я не могла контролировать свои порывы. Я ехидно обвиняла его в связи с Челси. Для меня признаки были очевидны. Наряду с явным флиртом Челси, мне снова и снова снился один и тот же сон. Я стала параноиком и страдала от бессонницы. А сплетни ударили по и без того больному месту.

По слухам, охота Челси за профессором оказалась успешной: родители Дрю не возражали против союза престижных семей.

Он прервал поцелуй.

— Я хочу только тебя.

Я заглянула ему в глаза, ища какой-то признак, что его слова были ложью. Если он чувствовал вину или был расстроен, то хорошо это скрывал.

По сравнению с большинством людей жизнь Дрю была волшебной. Богатый. Образованный. Привлекательный. Он ни в чем не нуждался, но ему все же удалось поставить все под угрозу. Как игрок, которому нужно ходить по краю, чтобы чувствовать себя живым.

— Я тебе не подхожу, — шокировано призналась я, когда он наконец оторвался от моего рта. Я никогда раньше не заявляла об этом вслух, но он должен был знать, что это правда.

Такие люди, как Челси и Дрю были просто на другом уровне. Так исторически сложилось.

Его голос смягчился.

— Я хочу только тебя, — повторил он.

Он не опроверг мое заявление. Он не мог. И в тот момент я поняла, что никогда не смогу быть ему парой, равной ему, точно так же как в детстве я знала, что никогда не буду такой, как Эмбер. Она сияла так ярко... пока ее свет не погас. Я пыталась существовать в его мире, но это было все равно, что пытаться вставить кубик в круглое отверстие. Слишком сильное трение. Фигура просто не вписывалась.

— Почему? — Я должна была знать. Почему я?

Он убрал волосы с моего лица, его взгляд скользил по моим чертам.

— Это свойственно человеку. Мы хотим того, что для нас плохо. Мы созданы для самоуничтожения.

В этот момент пузырь лопнул. Ворвалась реальность, отравляя мою безмятежность, блаженство, которое я обрела с Дрю. Он был прекрасным учителем. Закон эффекта. Мое поведение приносило мне лишь неприятные последствия.

Душу пронзила острая и ослепляющая боль. У меня было всего четыре варианта.

Изменить. Упростить. Добавить. Отрицать.

Моя ложь самой себе заключалась в следующем: если я неспособна измениться, значит сможет Дрю. Что он забудет о своей богатой жизни ради меня. Потому что наша связь была особенной — раньше ни один из нас никогда не испытывал таких сильных эмоций.

Я была наполовину права.

И когда его губы коснулись моих, мне снова стало хорошо. Темные мысли, наступающие

меня, стали отступать.

Как всегда, стоило возникнуть когнитивному диссонансу, разум всегда находит способ исправить дисбаланс.

Глава 24

Доска убийств

Лэйкин: Сейчас

— Ребята, вы, должно быть, правда любите барную еду или... — Майк Риксон обрывает себя на полуслове, позволяя недосказанности тяжело повиснуть в воздухе.

Рис подхватывает, когда мы приближаемся к бару:

— У нас есть еще несколько вопросов к Торренсу.

— Его нет, — просто отвечает Майк. — Но когда я его увижу, то передам, чтобы он с вами связался.

— Спасибо, — благодарит Рис. — У нас также есть еще один вопрос к вам, относительно Коэна Хейса.

По дороге сюда я изучила отчет об анализе почерка. Читать такие отчеты все равно что бросать дротик в движущуюся цель... во время торнадо. Сильный ветер уносит этот дротик куда-то в непосредственную близость от цели, но вы должны учитывать множество других факторов, чтобы это принесло какую-то пользу.

От математики у меня начинает болеть голова.

Все, что мы знаем наверняка, — это то, что Торренс набрал меньше очков, чем его брат, и что Торренс — единственный из наших подозреваемых, кто связан со всеми тремя женщинами.

Это делает его нашим главным подозреваемым, а местные власти, особенно детектив Вейл, уже им заинтересовались. И как только его арестуют за тяжелое преступление, про наш висяк забудут.

Про мое дело забудут.

И Кэм...

Я стараюсь смотреть на вещи в перспективе, но, стоя здесь, беспокойно крутя браслет вокруг запястья и наблюдая, как Рис допрашивает Майка о том, почему уволили Коэна, мне кажется, что стены начинают смыкаться.

— Мне нужно подышать воздухом, — говорю я Рису, когда уже бегу к открытым дверям бара.

Рис прерывает разговор и следует за мной на улицу.

Обширная веранда кишит любителями позагорать, которые собираются, чтобы сделать перерыв на обед. Грохочущие волны оглушают меня, в то время как все остальные звуки приглушены и слышатся словно в отдалении из-за сильного ветра.

— Хейл, подожди.

До меня доносится голос Риса, и я опираюсь спиной на один из столбов.

— Просто дыши, — говорит он.

Он дает мне время самостоятельно справиться с внезапной панической атакой, и ждет пока адреналин во мне утихнет. Человек не может паниковать вечно. Примерно через десять минут ум и тело приходят в норму. Нужно просто сохранять самообладание, пока атака не пройдет.

Рис подходит ближе, закрывая вид на толпу людей.

— Лучше?

Я киваю.

— Просто... все так нахлынуло. И разом ударило, — мне стыдно. Обычно я не страдаю паническими атаками. Это мне не свойственно.

Однако, когда дело касается Риса, мне не нужно вдаваться в подробности. Обеспокоенность на его лице сменяется пониманием.

— У тебя не было времени принять смерть Кэм, — понимающе говорит он. — Или оплакать ее.

Прошло всего несколько часов, но мне кажется, что я увидела ее тело на медицинском столе целую вечность назад. Меня передернуло от собственных мыслей. Даже в уединении своего разума я не терплю сантиментов.

— Принять, — повторяю я, постепенно приходя в себя. — Например, принять то, что мой напарник, по всей видимости, юрист.

Рис вздыхает.

— Пойдем, — он пытается отвести меня на тротуар, не касаясь моей руки.

Я следую за ним к берегу, где отлив оставляет за собой полумесяц из влажного песка. Не говоря ни слова, он падает в нескольких футах от воды, безмолвно прося меня сделать то же самое.

Я сажусь рядом с ним, пытаюсь не обращать внимания на мокрый песок и то, как соленая вода просачивается сквозь брюки.

— Правда всегда выходит наружу, — говорит он. Он смотрит на океан, избегая смотреть мне в глаза. Интересно, думает ли он о записке, о которой я ему не рассказала. — Я не ждал, что все так произойдет.

Внезапно меня охватывает чувство вины. У нас у всех есть секреты.

— На самом деле это не мое дело. Просто я была... удивлена. Ты никогда об этом не упоминал.

Рис берет стебелек травы и водит по песку.

— Нет, это справедливо. Я изучил твою жизнь вдоль и поперек и задавал трудные вопросы. Я мог, по крайней мере, рассказать кое-что о своей.

Если уж быть совсем честными, это я обратилась к нему с просьбой решить мое дело. Я пригласила его ворваться в мою жизнь.

— Родители постарались? — спрашиваю я.

Его натянутая улыбка не касается глаз.

— Из тебя получится хороший профайлер. Да, папа. Семья юристов. Я средний сын, и когда я пошел учиться в ФБР, папа не слишком обрадовался.

— Тебе суждено работать в поле, — я не могу представить Риса в зале суда.

— Та часть, где меня подстрелили, ему тоже не понравилась. Я словно доказал, что он был прав, и не могу быть полевым агентом. И пока длилась моя реабилитация, я даже подумывал вернуться в суд.

Я кладу руку ему на предплечье. Странная демонстрация эмоций и сочувствия, но с Рисом это кажется естественным. Я хочу утешить его.

— И почему же ты не вернулся?

Он смотрит на меня и накрывает мою руку своей.

— Из-за тебя.

Порыв ветра уносит мой выдох. Я глубоко вдыхаю, наполняя легкие.

— Рис...

— Ты бы не оставила меня в покое, — говорит он с коротким смешком. — Поэтому я сказал себе, что возьму еще одно дело и уйду на пенсию. Но мы знаем, как все обернулось.

Я помню, каким угрюмым он был в нашу первую встречу. Время от времени я все еще вижу проблеск сдерживаемого гнева из-за травмы, из-за того, что он больше не полевой агент. Но...

— Ты был мне нужен. Без тебя я бы не смогла зайти так далеко. — призналась я.

Он смотрит на меня, и в его лице не видно ни капли сомнения. То ли мое признание так его шокировало, то ли что-то еще...

Он смотрит на наши руки, все еще касающиеся друг друга. Потом переворачивает мою, обнажая резинку. Большой палец ощупывает нежную кожу под повязкой, трение грубой подушечки о чувствительную покрасневшую кожу вызывает искорки возбуждения.

— Я бы хотел, чтобы ты не причиняла себе боль, — говорит он.

Мне очень хочется вырвать руку, но я не двигаюсь.

— Это было частью терапии, — признаюсь я. — Думаю, я просто привыкла к этому.

— Доктор Лорен? — спрашивает он. Он разговаривал с ней, когда был в Сильвер-Лэйк, работая над моим делом. Она не могла разглашать ничего, что нарушало бы конфиденциальность пациента, но она подтвердила, что я потеряла память и долго восстанавливалась физически.

Я киваю в подтверждение.

— Это отвлекало меня от боли. Когда реабилитационная терапия становилась невыносимой, она просила щелкнуть резинкой. Мой разум сосредотачивался на этой внезапной острой боли, давая телу передышку. Хотя бы на мгновение.

В его глазах вспыхивает понимание. Должно быть, Рис лучше, чем кто-либо понимает, что иногда требуется отвлечение от боли.

Он все еще держит мою руку, большой палец рассеянно скользит по моему запястью. От еще одного порыва ветра волосы хлещут меня по лицу, и, когда я отстраняюсь, чтобы убрать их, он поднимает руку и заправляет пряди мне за ухо.

Он не убирает руку, кончики пальцев слегка касаются моего лица. Я снова вспоминаю тот момент на озере, когда он поцеловал меня в лоб. И о прошлой ночи, когда вопрос о наших отношениях повис в воздухе — когда все, что мне нужно было сделать, это подойти ближе.

Его галстук взвивается на ветру, и я представляю, что, если бы была храбрее, то ухватилась бы за него и прижалась своим ртом к его. Когда его взгляд останавливается на моих губах, я в предвкушении приоткрываю рот, гадая, думает ли он о том же, о чем и я.

Если бы время просто замедлилось достаточно надолго, чтобы я наконец сделала выбор...

Прежде чем я успеваю заставить свое тело двигаться, он моргает и поворачивается к океану. Убирает руку с моего лица. Он разрывает связь, и у меня в животе сжимается узел.

— Перерыв, — говорит он, снова поднимая тонкий стебель. — Как в антракте. — Он рисует на песке диагональную линию.

— Что?

— Как называется этот термин в психологии, о котором ты всегда говоришь? Когда мозг не может одновременно придерживаться сразу двух убеждений?

Я моргаю на ветру, пытаюсь заставить мозг переключиться.

— Когнитивный диссонанс?

— Точно. Что, если убийца переживает нечто подобное? — Теперь он проводит три вертикальные линии от основной. — Представим, что других жертв нет. Что наш парень не серийный убийца. Его выбор жертвы не случаен. Может, он чувствует некоторую форму вины — вот почему он пощадил ребенка Кэмерон. Сначала на тебя напали, — он прерывается, нацарапав мое имя над одной линией, потом на Джоанну. Потом на Кэмерон. Если дела связаны, то Джоанна должна быть как-то связана с вами обоими.

«Если дела связаны». Несмотря на все, что мы узнали, на все сходства, нам все равно нужно сохранять объективность.

— Я ее не знала. Она была моложе меня. Мы выросли в разных районах, ходили в разные школы. — На мгновение я задумываюсь. — Сомневаюсь, что Кэм ее знала.

Рис рисует еще пять линий. Затем пишет вдоль каждой: Торренс, Майк, Коэн, Дрю, Челси. Он создал доску убийств на песке.

Все — подозреваемые, но последнее имя заставляет меня задуматься.

— И как сюда вписывается Челси?

— Ты никогда не думала, что это Челси могла написать записку?

Я качаю головой.

— Нет. То есть, самое первое письмо... Когда я в первый раз его прочитала, то решила, что его отправил напавший на меня.

— Ты можешь вспомнить, что там было написано?

Я не могу забыть. Я снова и снова перечитывала эти бредни, наказывая себя, полагая, что каким-то образом заслужила это. Я избежала смерти, но автор записки знал, что на самом деле я не жива. Напавший на меня украл гораздо больше, чем право на безопасность и защиту. Я потеряла драгоценные моменты жизни, он украл у меня время.

А потом та записка... это было обещание закончить начатое.

Я слово в слово цитирую письмо Рису, наблюдая, как его лицо приобретает такое серьезное выражение, когда он погружается в мысли.

— Похоже, что это могла бы написать женщина?

Он стряхивает мокрый песок кончиком тростника.

— Я не уверен, — говорит он. — Мы ищем связь с жертвами. Челси знает тебя и Кэм, и, насколько я помню, она занималась модельным бизнесом. Возможно, она знала Джоанну еще с тех времен.

Это огромный прорыв. Это единственная связь с жертвами, которая пока имеет смысл. Одно «но»:

— Думаешь Челси на это способна? — У меня были с ней проблемы — связанные с университетом, с парнем... Но я никогда всерьез не считала ее способной на убийство.

Мне она всегда казалось слишком банальной для этого.

Никогда никого не недооценивайте.

Рис сказал мне об этом во время нашего первого дела. И все же у меня это в голове не укладывается. Потому что я слишком пристрастна. Я не столь объективна, как Рис.

Он роняет травинку и стряхивает пыль с брюк.

— Раскаяние, — просто отвечает он. — Я не говорю, что наш преступник не является психопатом, но, чтобы намеренно остановить себя от причинения вреда ребенку Кэмерон в разгар действия, он должен испытывать некоторое раскаяние. Как будто ее убийство было

вызвано необходимостью, а не желанием. Итак, у нашего преступника есть метод и цель. Все это не случайно. — Он смотрит на меня. — То есть, если дела связаны.

Кое-чего не хватает — один большой пробел: я.

— Но какая была необходимость убивать меня?

Он смотрит как волны набегают на берег.

— Вот в чем вопрос.

— Нам нужно допросить Дрю, — по логике, это следующий шаг. Связать дела. Кэм изменила показания, и Дрю единственный кто может подтвердить их или опровергнуть. И это он обеспечил Челси алиби.

В ответ на мои убеждения связаться с Дрю, Рис прочищает горло и встает. Предлагает мне руку.

— Пока рано. Я должен кое-что обдумать, — я беру его за руку, и он помогает мне подняться. — Почему бы тебе не вернуться в отель? Ты можешь вести машину? Хочу больше надавить на Риксона. Попытаюсь заставить его поговорить о том, где находится Торренс, или выяснить, имеют ли они какое-либо отношение к Челси, прежде чем за него возьмется Вейл. Риксон может знать о своем брате больше, чем предполагает.

Хороший план. Допрос Торренса пойдет на пользу нашему делу. Тем не менее, в соленом воздухе чувствуется тревога.

Рис что-то скрывает от меня.

Он засовывает руки в карманы.

— Я думаю... нам нужно получить еще один образец почерка.

Я согласна.

— Нам нужны образцы от всех.

— Нет. Нам необходимо письмо, Хейл. То, которое ты получила перед отъездом из Сильвер-Лэйк.

— Это невозможно, — признаюсь я. — Я его уничтожила. — Но, как только я воспроизвожу в памяти слова, то понимаю, что почерк был тот же. — Я почти уверена, что обе записи написал один человек, — твердо говорю я Рису.

Рис выглядит неуверенно, но он доверяет мне. Он всегда доверял мне, поэтому тот факт, что я знаю, что он скрывает от меня что-то, ранит еще больше.

— Встретимся в отеле через пару часов, — говорит он, поворачиваясь, чтобы вернуться в «Тики Хайв».

— Звучит здорово.

Он колеблется перед тем, как принять окончательное решение уйти, но все же решается. Он дает мне ключи от машины, и у меня появляется достаточно времени, чтобы начать собственное расследование.

Рис — по натуре защитник. Возможно, он временно скрывает от меня информацию, потому что считает, что она причинит мне боль, но партнерство работает не так.

Подойдя к седану, я вижу листок бумаги, засунутый под дворник. Меня охватывает страх: это не штраф за парковку. Я тянусь, чтобы щелкнуть резинкой, но останавливаюсь. Я взгляну страху в глаза.

Я разворачиваю письмо.

«Встреться со мной».

Записки становятся короче, конкретнее. Автор теряет терпение.

Сядясь за руль, я думаю о доске убийств Риса на песке. Пройдет время, волны смоят ее,

и она исчезнет. Поиск моих собственных ответов также зависит от времени.

Глава 25

Пробуждение

Лэйкин: Сейчас

Я останавливаюсь через дорогу от красивого дома в стиле испанской колониальной архитектуры.

Это всегда был его любимый стиль.

Мокрые от пота руки чуть не соскальзывают с руля, когда я смотрю на дом. За решетчатым ограждением патио сбоку от дома движутся две фигуры.

Я не видела его с тех пор, как...

Когда был последний раз? Я видела его фото в Интернете, сделанные, когда его допрашивали в связи с расследованием. Но когда я действительно видела его в последний раз?

В вечер драки.

В тот день, когда у его двери появилась Челси.

Дрю не навещал меня в больнице. К тому времени, когда я пришла в себя, он уже стал подозреваемым — главным подозреваемым. Естественно, его адвокаты не хотели, чтобы он появлялся рядом со мной. Тем не менее, я всегда считала, что с его стороны это было очень жестоко — для него я была мертва.

Но делает ли это его убийцей?

В теоретическом, космическом смысле мы все убийцы. Можно поспорить с философией эффекта бабочки, где каждое действие имеет противодействие — причину и следствие. Я могу свернуть на светофоре не туда, тем самым непреднамеренно отправив другую душу на неправильный путь, создав цепную реакцию, которая могла привести к смерти другого человека.

В данном случае мы все эмпирики, и наше знание мира основано на опыте. Нам неизвестно о нашем участии в данной смерти. Это слишком далекое, абстрактное событие. А есть человек, который идет против естественного порядка и решает взять судьбу в свои руки, совершив акт убийства. Этот человек хочет получить опыт из первых рук. Они жаждут контроля над своей жизнью и жизнями других.

И поэтому я здесь. Сейчас.

Чтобы вернуть контроль.

Мне нужно знать, насколько Дрю замешан в моем убийстве.

Вызвал ли мой запретный роман с профессором цепную реакцию, в результате которой я оказалась на дне озера, — или это был выбор одного конкретного человека?

Чтобы узнать правду о Дрю, мне нужно посмотреть ему в глаза — чего я избегала последние несколько лет. Так же я смотрю в глаза каждому подозреваемому в каждом деле и знаю, что смотрю в глаза убийца.

Я вынимаю ключи из замка зажигания и открываю дверь машины. Сжав руку в кулак, я распределяю ключи между костяшками. Импровизированное острое оружие. Средство защиты, если что-то пойдет не так. У Риса есть служебное оружие. Мы всегда работаем вместе. Он обучил меня самообороне, но подходя в одиночестве к дому Дрю, я чувствую себя незащищенной и уязвимой.

Когда я перехожу улицу, сердце подскакивает к горлу. Я чувствую, как каждый шаг

пульсирует в венах, в ушах стучит, заглушая окружающий мир. Я иду по длинной подъездной дорожке, и меня накрывает волной дежавю.

Я подавляю беспокойство и обхожу дом. Челси замечает меня первой.

Она все такая же потрясающая, как и в последний раз, когда я ее видела. Длинные светлые волны волос, золотистый загар. Честно говоря, я немного удивлена, что они до сих пор вместе. Но, в конце концов, у них родился ребенок. Несмотря на разгульность Дрю, они постараются наладить отношения. Это ждет от него семья.

Ее глаза расширяются, когда узнает меня.

— О боже, Дрю. Эта сумасшедшая вернулась. Скорее вызывай полицию.

У меня сбивается шаг. Я крепче сжимаю ключи, и от шока у меня подгибаются ноги.

— Что?

Дрю встает рядом с ней, как всегда, завоевывая все внимание. Его присутствие ошеломляет, и я снова превращаюсь в жалкую, восторженную студентку, стоящую перед профессором.

Пока он не заговаривает.

— Синтия?

Услышав, как он язвительно произносит мое имя, я прихожу в ярость и выхожу из оцепенения.

— Я здесь, чтобы задать несколько вопросов, — говорю я, переводя взгляд с Дрю на Челси. Она вцепилась ему в руку и выглядела потрясенной.

Удивление Дрю быстро проходит.

— Что теперь? Сначала появляется этот чертов агент ФБР, теперь ты.

Я хмурюсь. Когда это Рис успел... Затем меня осеняет. Рис уехал в Куантико. В одиночестве. Нет, он приехал сюда. Чтобы увидеть Дрю. Зачем?

— Агент Нолан? — спрашиваю я, чтобы подтвердить подозрения.

Дрю встает перед Челси.

— Ага. Он все эти годы не оставлял меня в покое. А теперь я скажу тебе то же самое, что сказал ему. — Он делает шаг вперед. — Оставь меня, черт возьми, в покое.

Ключи болтаются в руке. Я смотрю на зеленую упругую траву. Густую траву. Ту, что продают в магазине. Я могу разглядеть швы, где участки соединялись вместе.

Оглядываясь по сторонам, я понимаю, что в их живописной жизни чего-то не хватает. В голове мелькает мысль. Где игрушки? Следы хаоса, который всегда царит там, где живут дети?

Где ребенок?

Я сдерживаю смутные мысли.

— О чем тебя спрашивал агент Нолан?

Черты лица Дрю — заметно постаревшего — кривятся от раздражения. Он проводит рукой по коротко стриженным волосам, смягчаясь.

— Что-то о другой девушке, которую убили. Каждый раз, когда происходит что-либо, хотя бы отдаленно связанное со смертью молодой девушки, агент Нолан стучит в мою дверь. Он хуже, чем чертов Даттон.

Его злые слова хлещут меня как кнут.

— Ты знал жертву? — давлю я. Злящегося человека всегда трудно прочесть. Это такая односторонняя эмоция. Без всякого диапазона. Кроме того, я знала его. Испытывала к нему

глубокие чувства. Он легко мог обмануть меня своими манипуляциями.

Такое со временем не проходит.

Что ж, если ярость — единственное чувство, с которым мне придется иметь дело, пусть так. Я разозлю его до такой степени, что он выдаст мне то, ради чего я пришла.

Правда.

Он тоже не мог остаться ко мне равнодушным.

— Я ее не знал, — говорит он. — К тому же, как я сказал тому агенту, у меня есть алиби. Дело закрыто.

Я киваю пару раз.

— У тебя всегда все так просто. Дело закрыто. С глаз долой, из сердца вон.

Кажется, мои слова проделывают маленькую брешь в его обороне.

— Послушай, мне очень жаль, что с тобой такое случилось, Синтия. Честно. Но это было очень давно. Тебе нужно двигаться дальше. — Он смотрит на Челси, а затем говорит. — Ты должна позволить нам двигаться дальше.

Я поднимаю голову.

— Где ты был вчера вечером? — требую ответа я.

Об убийстве Кэм еще не сообщали. Я переключаю внимание с Дрю на Челси, анализируя их ответы. Челси неверяще качает головой. Дрю просто поднимает руку.

— Хватит, — говорит он. — Я не знаю, зачем ты пришла, но мы закончили. Со всем.

— Когда ты в последний раз видел Кэмерон или говорил с ней? — Я продолжаю допрос. Когда он не отвечает, я добавляю. — Ее убили, Дрю.

Челси задыхается.

— Боже мой. Убери ее отсюда.

Скрестив руки на груди, Дрю смотрит в землю.

— Боже, — выдыхает он. Его обеспокоенная жена цепляется за него, требуя, чтобы он убрал меня с глаз долой.

Дрю наконец уступает.

— Слушай, ты ее расстраиваешь. Тебе лучше уйти.

— Ты переспал с Кэм.

От этой новости хрупкое самообладание Челси испаряется.

— Боже, Дрю. Она тоже забеременела?

— Что? — Дрю поворачивается к ней. — Нет! Это бред.

Я еще не закончила.

— Где твой ребенок?

Она смотрит на меня так, будто я задала самый нелепый вопрос на свете. Глубоко внутри меня поднимается беспокойство. Все произошедшее было следствием ее беременности. Первая костяшка домино. Неужели так странно, что я хочу увидеть то, что разрушило мою жизнь?

Я поднимаю брови, и бравада Челси улетучивается.

Она меня боится. Что я такого ей сделала, что она настолько меня боится?

— Где ребенок? — требовательно спрашиваю я.

Моя белая блузка без рукавов прилипла к влажной спине. Я рада, что оставила пиджак в машине. Влажность повышается, словно в преддверии дождя, а мне кажется, что еще чуть-чуть и я потеряю сознание.

Дрю делает еще один шаг вперед, но именно Челси наконец мне отвечает.

— Ты его потеряла, — говорит она. — Помнишь?

Нет... Нет, не помню. О чем говорит этот дьявол с нимбом из золотых волос?

— О чем ты? Я спрашиваю, где, черт возьми, твой ребенок. Где та причина, по которой мы расстались? Дрались в тот день? Причина, по которой меня убили?

Я знаю. Мои слова противоречат всему, что я узнала и чему научилась за последние несколько лет. Я не могу винить Челси или Дрю в событиях, которые привели к моей смерти.

Или могу?

Меня охватывает волна гнева, и внезапно жар закипает в крови.

— Просто ответьте!

На лице Дрю отражается сочувствие, но от этого моя ярость только увеличивается.

— Кажется, ты запуталась, Синтия.

К нему присоединяется Челси:

— Это ты пришла к Дрю в тот день, — говорит она. — Ты сказала мне, что носишь его ребенка. Ты была расстроена. Из-за этого мы подрались.

Я протягиваю руку, как будто могу остановить этот поток слов. Громко лязгнули ключи. В ушах шумит, давление нарастает...

Я закрываю глаза, чтобы восстановить равновесие. Тот день возвращается с поразительной четкостью. Всплывают воспоминания. Подъездная дорожка. Дверь из красного дерева. Мои босоножки на танкетке.

Нет, не мои. Я не носила такую обувь. Ее носила Челси.

Память переворачивается, словно отражение в зеркале.

Я иду по подъездной дорожке, звоню в дверь. Открывает Челси. Дрю выслеживает меня в квартире. Вызывают копов.

Ребенок.

Мой ребенок.

Я была всего несколько недель как беременна.

Я только узнала об этом тем утром.

«Ты потеряла ребенка».

Я не потеряла ребенка — его забрали.

Мои руки ложатся на живот. Пальцы нащупывают шрамы.

— О Боже...

— Дрю, она сумасшедшая. Позвони кому-нибудь.

До меня доносится голос Челси. Она права, я сошла с ума. Я сумасшедшая. Я в секунду от того, чтобы потерять всякую связь с реальностью. Периферия подергивается, чернея по краям.

Я должна уйти.

Мне нужно в безопасное место.

Ноги несут меня к машине, хотя я не помню движения. Время течет. Отвратительная правда крутится в моей голове, словно мутная канализационная вода в поисках выхода.

За рулем я расслабляюсь и, замедлив прерывистое дыхание, щелкаю резинкой по запястью, чтобы сосредоточиться. Я чувствую удар резинки. Смаргиваю слезы. А затем разворачиваюсь и уезжаю.

Дрю и Челси смотрят мне в след. Я в последний раз смотрю на них в зеркало заднего вида, а затем концентрируюсь на дороге.

Первые капли дождя падают на лобовое стекло.

Наконец-то пошел дождь.

Глава 26

Ливень

Лэйкин: Сейчас

Центральная больница Сильвер Лэйк находится в сорока пяти минутах езды от нового дома Дрю. Мне не нужна помощь навигатора, чтобы доехать туда, но я все равно закладываю маршрут. Как ни странно, но голос робота, диктующий направление, меня успокаивает. Не дает потеряться в собственных мыслях.

И каждый раз, в момент, когда я беру себя в руки, я вспоминаю, как голос Дрю эхом разносится по аудитории. Он ведет лекцию о ложной памяти.

Это явление встречается чаще, чем многие думают. Особенно в случае пациентов с травмами. Я могу слово в слово процитировать определение из учебника. Я знаю, что это реальный феномен...и все же никак не могу принять, что это случилось со мной.

Мне нужны доказательства.

Больничная карта прямо из источника. А не отредактированная версия.

Потому что это единственное объяснение, которое приходит мне на ум.

Прежде чем совершить болезненный звонок родителям, мне нужны доказательства. Подобно тому, как хороший детектив собирает улики перед арестом, я должна составить цепочку доказательств. И загнать главного подозреваемого в угол.

Пока я стою у входа в больницу, насквозь промокая под дождем, в кармане пиджака вибрирует телефон. Убрав мокрые пряди с лица, я вытаскиваю мобильник.

На экране светится имя Риса.

В груди расцветает ноющая боль. Я перевожу звонок на голосовую почту и прохожу через стеклянные двери.

К тому времени, как администратор вызывает врача, я довожу себя до эмоционального состояния, соответствующего моему потрепанному внешнему виду. Для меня это редкое состояние, и когда я вижу приближающегося доктора Лоуренса, меня уже трясет.

— Вы меня помните? — спрашиваю я.

Темные волосы с прожилками серебра, гладкая бронзовая кожа, доктор выглядит именно так, каким я его помню. Эта часть моей памяти невредима.

Он наклоняет голову, изучая меня.

— Да, мисс Маркс. Чем я могу вам помочь?

Я сглатываю боль.

— Зачем вы отредактировали мою карту? Кто вас попросил?

Я научилась этой технике у Риса. Большинство людей захотят сказать правду, если вы дадите им возможность свалить вину на другого. Задайте вопрос, на который хотите получить ответ, а затем подскажите им, как снять с себя вину.

С доктором Лоуренсом эта тактика может не сработать. Его умные глаза в замешательстве прищуриваются.

— Мне очень жаль, но я не знаю, что...

— Когда на меня напали, я была беременна, — перебиваю я. — А когда выздоровела, уже нет. Я читала свою карту. Много раз. Никакого упоминания о беременности. — Скажите мне, что я не сошла с ума. — Итак, либо я была беременна, либо нет. Так что?

Он вздыхает.

— Мисс Маркс, я целитель. Я дал клятву не причинять вред. Однако вы должны понимать, что иногда определение того, что такое вред, может быть размыто. — Он машет рукой в сторону ряда сидений.

Когда персонал больницы уже не может нас услышать, он продолжает:

— После консультации с психологом ваши родители посчитали, что с точки зрения вашего душевного состояния, в ваших интересах, нам не стоит сразу рассказывать о всех деталях беременности.

Беременность... Страх подтвердился, на короткое время я забываю, как надо дышать.

— Поскольку срок был совсем маленький, — продолжает доктор, — я предположил, что вы, возможно, даже не знали о ребенке. Но, — подчеркивает он, — мне сказали, что вам все расскажут во время реабилитации. Так что да, я согласился с рекомендацией другого врача, основанной на вашем душевном состоянии и процессе выздоровления. Но я не редактировал вашу карту и не рекомендовал вашим родителям скрывать от вас потерю ребенка.

Я качаю головой.

— Но как же детектив Даттон? Разве ему не нужно было знать правду? Для расследования?

Его добрые глаза темнеют.

— Поскольку моим пациентом были вы, мы заранее обсудили все детали дела, которые потом сообщили следователям.

Черт. Врачи — это не правоохранительные органы. Они не думают о мотивах. А не зная о своей беременности, я не могла дать согласие на то, чтобы рассказать следователям о ребенке.

Прискорбная уловка-22⁵, скованная бюрократизмом.

Доктор Лоуренс кладет руку мне на плечо.

— Если хотите, я могу отправить по электронной почте вашу карту со всеми данными. Просто заполните форму запроса на стойке регистрации.

Мои родители препятствовали расследованию. Утаив беременность от детектива Даттона, они непреднамеренно скрыли мотив моего убийства.

Но как бы я ни была из-за них расстроена, когда я покидаю больницу, есть только один человек, от которого я хочу получить ответы.

***

Арендованная машина припаркована на стоянке отеля. Кондиционер подает теплый воздух, отчего окна запотевают, в то время как по лобовому стеклу стекает дождевая вода. Снаружи мрачно и серо, небо затянуло чернильным облаком. Часы показывают 19:24, но кажется, что уже позднее.

Я боюсь покинуть безопасное пространство автомобиля. Столько всего выяснилось, раскрылось...неужели прошел всего день?

И снова мне кажется, что время издевается надо мной.

Рис звонил трижды. Оставил три сообщения. Я не прослушивала их, опасаясь, что от знакомого, мягкого звука его голоса меня покинут последние силы. Где-то по пути из больницы в отель я почувствовала, что гнев на него — полностью оправданный гнев —

утихает, как будто буря утихомирила мою ярость.

Теперь я промокшая, замерзшая, голодная и просто... измученная.

Я хочу свернуться калачиком на кровати и забыть об окружающем мире и всех его невзгодах... но для этого мне придется столкнуться с Рисом.

А сейчас у меня нет на это сил.

Я выключаю двигатель и откидываю сиденье, решив устроиться спать прямо здесь, в машине. Но, как бушующий шторм за окном, в голове всплывают подробности моего дела, не давая уснуть.

Это реальность, с которой я пока не хотела сталкиваться. Я не примирилась с потерей ребенка, которого больше никогда не смогу иметь. Мой убийца забрал не только этого ребенка, но и лишил возможности стать матерью в будущем.

Эта боль слишком сильна, чтобы ее можно было осмыслить в данный момент.

Я боюсь, что перестану дышать.

Вместо этого я вырываюсь из глубин гнева, уцепившись за эту злость и не уступая. Гневом легче всего управлять, когда пытаешься обрести контроль. Я думаю о своей доске убийств, об именах, связанных с нападением.

Я хочу верить, что настолько огромную тайну невозможно сохранить — и все же я знаю, что это неправда. Самые темные и сокрушительные секреты — это те, которые мы поклялись хранить в тайне, даже когда они медленно убивают.

Итак, кто все знал? Кто мог хранить такой секрет?

Мои родители. Убедившие врача соблюдать конфиденциальность.

Дрю. Не проронивший ни слова о беременности. Логично. Скорее всего, его адвокаты сказали ему, что забытая беременность — лучшее, что могло с ним случиться.

Челси. Желая поддержать будущего мужа, без колебаний опровергает слухи о беременности. Чем меньше скандалов, тем лучше.

Кэмерон. Она знала?

Я пытаюсь напрячь память. Я все еще с трудом вспоминаю часы, предшествующие смерти, и не могу доверять каким-либо восстановленным воспоминаниям.

Если Кэмерон знала, то унесла этот секрет в могилу. Может, поэтому она занервничала, когда я появилась у нее дома и потребовала, чтобы она рассказала мне о том дне в больнице.

Я чувствую укол вины. Может, если бы она рассказала мне раньше, я бы смогла ее защитить. Возможно, она была бы жива.

Теперь я уже не смогу ее спросить.

Но остается еще один вопрос: знает ли Рис?

Может, мои родители, врач и те, кого подозревали во время расследования, могли скрыть это от полиции Лисберга, но я сильно сомневаюсь, что они смогли сохранить это в секрете от агента ФБР.

Смиренно вздохнув, я открываю глаза, достаю телефон и смотрю на темный экран. Я бы хотела смотреть Рису в глаза, когда буду задавать свои вопросы, но боюсь, что потерплю неудачу: что он начнет приводить логичные доводы, чтобы защитить себя... или вообще не будет защищаться. Даже не знаю, что хуже.

Я открываю журнал звонков, нажимаю на его имя, и в этот момент кто-то стучит в окно.

Сердце в груди замирает, и я роняю телефон.

По ту сторону запотевшего стекла стоит Рис.

— Господи, Хейл. Где ты была?

Все страхи затмеваются мучительной болью предательства, я поднимаю телефон и толкаю дверь. Он быстро пятится назад.

Дождь падает тяжелыми каплями. Его рубашка промокла, мокрые волосы спутаны и потемнели от воды. Он мой напарник. Мой друг. Он красивый... единственный человек, которому я доверилась после нападения, и сомнение, которое я вижу в его серых глазах, меня убивает.

Рис — эксперт в чтении людей. И сейчас он читает меня.

— Ты ходила к Дрю.

Я не отвечаю. Сейчас я хочу задавать вопросы.

— Ты знал, что я была беременна, — не вопрос. Мне просто нужно услышать, как он признает правду.

Он поджал губы, по его лицу стекают ручейки дождевой воды.

— Да.

— Все это время... — я умолкаю, горло горит от боли. — Ты заставил меня думать, что у Дрю не было мотива. Но сам продолжал за ним приглядывать, не так ли? Он всегда был твоим подозреваемым номер один.

Он медленно кивает.

— Да, — говорит он снова. — Я всегда подозревал его.

Короткие, прямые ответы приводят меня в еще большее бешенство.

— Как ты мог скрывать это от меня?

Он тяжело сглатывает.

— Когда я приехал сюда в первый раз, я поговорил с твоим психологом. Она считала, что потеря памяти — это механизм защиты.

Не потеря, а ложные воспоминания. Я не просто забыла, что беременна — я выстроила совершенно другое воспоминание, поменявшись местами с Челси. Это даже хуже.

— И я согласился, что, если все тебе расскажу, это никак не поспособствует дальнейшему расследованию, — продолжает он. — Это только навредит тебе и может свести на нет прогресс в лечении. Это ничего бы не изменило.

Я чувствовала, что при каждом вдохе в груди царапает что-то острое.

— Это меняет все.

Он проводит рукой по мокрым волосам.

— Я пытался сказать тебе, Лэйкин. Пытался. Так много раз. Но я просто... не мог.

Я моргаю, стряхивая воду с ресниц и чувствуя, как воспоминания всплывают на поверхность. Да, Рис отвел меня в «Док-Хаус», чтобы попытаться восстановить воспоминания о нападении, но это было еще не все. Он хотел, чтобы я вспомнила о беременности. Вот чем была вызвана печаль, которую я увидела в его глазах той ночью. Причина, по которой он поцеловал меня, утешил меня.

Потому что чувствовал вину.

— Ты пытался заставить меня заново пережить убийство, чтобы не чувствовать себя виноватым из-за того, что скрываешь такой жизненно важный секрет, — говорю я, когда меня осеняет. — Каждый день, когда мы работали вместе, каждый день, когда ты смотрел мне в глаза... и просто знал. Ты скрывал от меня часть меня самой, Рис.

Его глаза вспыхивают, когда он шагает вперед.

— Так же, как ты скрыла от меня письмо?

Во мне вспыхивает злость.

— Нет. Нет, не надо переводить на меня стрелки. Ты позволил мне поверить в ложь!

Он подходит ближе.

— Я был неправ. Понятно? Я это признаю. Я должен был сказать тебе в ту ночь на озере. Я совершил ошибку, потому что был слишком слаб, недостаточно силен, чтобы вынести твою боль. Я был эгоистом. Но ты, черт возьми, тоже. Ты не рассказала о письме. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что это может быть важной частью расследования?

Я качаю головой и отворачиваюсь.

— С меня хватит, Рис.

Он меня останавливает, хватая за руку и заставляя меня повернуться к нему лицом.

— Ты думала, что оно от него.

Обвинение в его голосе оскорбляет меня. Я могу только смотреть на него снизу вверх. Шокированная. Обиженная.

— Не начинай, — я пытаюсь вырвать руку, но у него каменная хватка. — Поверить не могу. Ты всегда думал, что это была галлюцинация. А теперь хочешь вспомнить об этом и использовать против меня?

— То первое письмо... — начинает он. Он понижает голос и ослабляет хватку. — Да, возможно оно было от убийцы. Но, если взглянуть на это с другой стороны, оно могло быть от свидетеля. Я знаю, кого ты ждешь. Человека, который, как ты считаешь, спас тебя, Лэйкин. Ты пишешь о нем. Думаешь о нем. Тебе снятся сны о нем. Реальный или вымышленный, для тебя он важен. Ты закрылась ото всех. И только один человек — герой, которого ты сотворила, — достаточно хорош для тебя.

— Что? Ты ревнуешь? — как наш спор дошел до этого? — Перестань передергивать. Ты врал мне. И вообще, как ты можешь меня обвинять? Как ты можешь судить меня? После того, что я пережила? После того, как я теперь знаю, у меня отняли...

Во второй раз за сегодня я чувствую, как глаза обжигают слезы, и из меня вырывается проклятие. Все эти годы, переживая все мучения, я не проронила ни слезинки. А сейчас, под этим дождем словно прорвало дамбу.

Несмотря на дождь, Рис все видит, он видит меня насквозь. Он кладет руку мне на щеку и проводит большим пальцем по следу слез.

— Я не осуждаю тебя. Я осуждаю сам себя. — Он кладет руку на другую щеку, и внезапно оказывается слишком близко. Мне некуда бежать. — Я так и не закрыл твое дело. Для меня оно никогда не было висяком, для меня это действующее расследование. Я всегда работаю над ним. Да, черт возьми, я ревную. Потому что я хочу быть тем, кто тебя спасет.

Мое сердце стучит как барабан.

— Рис...

Разразилась буря. И мы стоим в ее центре. Наши взгляды встречаются, мы бросаем друг другу вызов, воздух между нами сгущается, один из нас должен сделать первый шаг. Дождь льет как из ведра под стать грому внутри меня, удары пульса воспаляют мою кровь. Возбуждение нарастает, когда он накрывает мой рот своим, силы покидают меня, и я оказываюсь целиком в его власти.

Глава 27

Столкновение

Лэйкин: Сейчас

Рис не целует меня. Он поглощает меня. Сметая все препятствия на пути.

Воздух вокруг нас, кислород в легких, атомы, из которых мы состоим. Все взрывается в этом поцелуе, и меня подхватывает течением, уносящим нас обоих в этом потоке. Я хватаюсь за него, словно меня может вырвать из его крепких объятий.

Его губы изучают мои, словно он давным-давно хотел исследовать эту запретную территорию, и теперь стремится получить ответы на все вопросы.

Мои бедра ударяются о машину позади нас, и Рис приподнимает меня, усаживая на капот, чтобы получить лучший доступ. Я дергаю его за воротник, чтобы он подошел ближе.

Слишком рано он отстраняется, прерывая поцелуй.

— Не надо, — шепчу я. Не могу думать ни о чем другом. Он просто не может остановиться, потому что я боюсь, что в таком случае рассудок одержит верх над сердцем.

Он прижимается ко мне лбом, переводя дыхание.

— Я никогда не хотел делать тебе больно, — говорит он. Я слышу боль в его голосе и верю ему. Но все-таки...

Я борюсь с желанием продолжить и потребностью узнать ответ.

Тогда почему?

— Я не доверял себе, — признается он. Я прикусываю распухшую губу, и Рис отвечает на мой невысказанный вопрос. — Я знал, что не могу вечно скрывать от тебя правду. Но как только я обо всем узнал, то стал одержим поиском доказательств, указывающих на Эббота, и именно поэтому я не мог сказать тебе — я не хотел, чтобы ты испытала такое же сокрушительное разочарование.

Что может быть хуже, чем никогда не раскрыть дело и не найти убийцу? Найти убийцу и смотреть, как он избегает наказания.

Мы оба это понимаем. Я знаю, что как хороший напарник и друг Рис хотел защитить меня от падения в кроличью нору, но...

— Я сильнее, чем ты думаешь, Рис.

Он обхватывает мое лицо ладонями, дождь вокруг нас превращается в туман.

— Я знаю, что ты сильная. Моя ошибка не имеет ничего общего с тем, какой я тебя вижу, Лэйкин. Это моя слабость... ты моя слабость. Я бы не смог остаться хладнокровным, если бы мне пришлось смотреть, как ты разваливаешься на части.

Теперь, когда все слова сказаны, и мы доказали, что профессиональная дистанция между нами исчезла — что это значит? Может, он просто заполняет пустоту после собственной трагедии? Или после того, как он открыл мне сокрушительную правду, произошло именно то, чего он боялся? Теперь он не может оставаться бесстрастным?

Что мы почувствуем завтра, если перейдем эту черту?

Летучие мысли в моей груди беспокойно трепещут.

— Это какая-то адвокатская логика? — на моих губах появляется редкая улыбка.

С Рисом мне никогда не нужно притворяться, что я знаю, как реагировать на поток эмоций. Я чувствую подавленность и справляюсь с ней по-своему, и он позволяет мне это. И принимает.

Он отвечает глубоким и чувственным поцелуем, от которого у меня перехватывает дыхание, и я на мгновение забываю жестокую правду о своем прошлом. Парковка исчезает. Дождь нам не помеха. Мы в собственном мире, в безопасном мире. В убежище.

И когда поцелуй приводит нас в гостиничный номер, когда с нас слетает промокшая одежда, и нам необходимо быть ближе, кожа к коже, я не сопротивляюсь желанию. Я

позволяю приливу эмоций разрушить стены. Опаляющие прикосновения Риса изгоняют самые темные страхи.

Прямо сейчас Рис — это свет, за который я хочу цепляться, к которому стремлюсь.

Промокшая одежда валяется на полу, я стою перед ним обнаженная и уязвимая. В тусклом ночном свете ванной видны все шрамы. Мне нестерпимо хочется закрыть глаза и спрятаться, шрам, пересекающий мою грудь, только усиливает мои сомнения.

Но я держу глаза открытыми, даже когда меня начинает бить дрожь. Вместо этого я изучаю Риса. Его тело с отметинами отражает мое собственное. Раны, полученные во время работы полевым агентом, повреждение ноги. По бедру спускается белый шрам — следствие множества операций.

Он берет меня за затылок, сокращая расстояние между нами. Грубая ладонь ласкает шею, скользит на плечо, от чего по коже бегут мурашки. Дальше вниз по моей руке... и останавливается, когда касается резинки, которая всегда сковывает мое запястье.

Его палец пробирается под тонкую ленту, он проводит им по моей руке.

— Сегодня со мной тебе это не понадобится, — говорит он. Опустившись на колени, он кладет руки на мои бедра.

Я стараюсь дышать ровно, но выходит прерывистое и рваное дыхание. Я кладу руки ему на плечи, пока он нежно целует живот, грудь, мои шрамы. Один за другим он ласкает каждый шрам, который выучил, работая над моим делом.

Для нас единственный способ заниматься любовью — это принять свое тело, свою боль.

Я опускаюсь, обвивая ногами его бедра, а он усаживается на пол. Мы движемся вместе плавно, словно в танце, от которого невозможно оторваться, настолько он прекрасен. Мы занимаемся любовью на полу гостиничного номера. Мы трахаемся в постели на цветастом одеяле. И когда Рис замечает, как боль снова выступает на первый план, а мои мысли возвращаются к тому, что у меня украли, как меня предали... он не позволяет испортить нашу ночь. Он снова занимается со мной любовью. И снова. Пока я не перестану думать.

Мы изнеможенно валяемся на кровати. Я не знаю, сколько времени, и не хочу знать.

Говорим о расследовании. Мы по-прежнему напарники — для нас это естественно. В этом смысле ничего не изменилось. Я чувствую себя такой же открытой, как и всегда с Рисом, даже когда он проводит большим пальцем по линиям моей ладони.

— Ты нашел Торренса? — спрашиваю я.

Рис шевелится рядом со мной.

— Нет. У меня такое чувство, что Риксон водит меня за нос, — он тяжело выдыхает. — Я хотел спросить Торренса, что он знает о тебе и о беременности. Попытаться выяснить, почему он солгал полиции о том, что был с Кэм.

Вот почему он отослал меня. Я думаю об этом, пытаюсь проследить логическую цепочку Риса по этим двум делам, теперь зная то же, что и он: про ребёнка и Дрю.

— Но ты все еще подозреваешь Дрю.

Он успокаивающе сжимает мою руку.

Торренс может подтвердить слова Кэмерон, что дает нам повод усомниться в алиби Дрю. Был ли он с Кэм во время нападения? — Он качает головой о подушку. — Жаль, что мы не можем допросить Кэмерон.

— Именно поэтому мы и не можем, — говорю я, чувствуя, как вина пускает во мне

корни. — Кто-то проследил за мной, кто-то, кто хочет чтобы эти два дела так и остались нераскрытыми.

Рис поворачивается ко мне.

— Как вела себя Челси, когда ты заявила к Дрю?

Мне хотелось стереть это воспоминание из памяти.

— Она меня испугалась, — но из-за чего?

Кэм призналась, что была с Дрю в ту ночь после того, как уехала из «Док-Хауса», а это значит, что у Челси нет алиби. Дрю использовал Челси в качестве алиби, чтобы сохранить в тайне отношения с Кэм. Но если все стороны тайно действовали вместе... где была Челси во время нападения?

Я сажусь в постели. Записка.

Из-за всего произошедшего я совсем забыла о последней записке. Я вылезаю из постели и достаю ее из кармана брюк. Бумага промокла и вся слиплась.

— Вот черт.

— Что это такое? — спрашивает Рис, насторожившись.

Я рассказываю ему, где я нашла записку и что в ней говорилось. Я кладу ее на стол, чтобы она высохла, в надежде, что ее еще можно спасти.

— Автор считает, что нам пора встретиться, — добавляю я.

— Мне это не нравится, Лэйкин. Тебе придется действовать на их условиях.

Я киваю.

— Я знаю. Честно говоря, я решила, что это еще одна попытка меня отпугнуть, — но время. Кто последовал за нами в «Тики Хайв»? — У Челси было достаточно времени, чтобы оставить записку и уехать домой, прежде чем там появилась я. — Это возможно, но... — Думаешь, автор записки — убийца?

Рис проводит рукой по растрепанным волосам.

— Не хочу показаться сексистом, но я никогда по-настоящему не подозревал Челси, потому что этот уровень садистской мести выходит за рамки профиля женщины-убийцы. Убить мать и ее будущего ребенка... это очень нетипично.

Типично это или нет, но это дает ей мотив. Насколько сильно она хотела убрать меня из жизни Дрю?

— Но если это Челси отправила первую записку, то можно предположить, что после неудачной попытки избавиться от тебя и неродившегося ребенка она хотела тебя напугать.

Я заползаю в постель и ложусь рядом с Рисом, положив руку на его обнаженную грудь.

— Мы присмотримся к ней повнимательнее. Но завтра.

Он целует меня в макушку, и все ощущается так естественно. Словно между нами никогда ничего не изменится.

— И последнее, — говорит он. — Ты прослушала мои сообщения? — Он угадывает ответ, прежде чем я успеваю ответить. — Точно. Я тебя не виню. Детектив Вейл получил ордер на взятие у тебя образцов ДНК. Чтобы сравнить с ДНК с места преступления и с жертве. В смысле, Кэмерон.

Это логично. Я была у нее дома. Возможно, я была последним человеком, не считая убийцы, который видел ее живой.

— Беспокоиться не о чем, — уверяет Рис. — Это исключит тебя из числа подозреваемых.

— Ты все еще выступаешь моим адвокатом?

— Если ты не против.

В его ответе слышится гораздо больше, чем просто обещание меня защищать.

— Тогда этим мы тоже займемся завтра.

— Отлично.

Мы устраиваемся под одеялом, и постепенно жужжание кондиционера меня убаюкивает. Хорошо чувствовать тепло тела Риса рядом.

Тем не менее, мое подсознание хочет мне что-то сказать, и, как только мои глаза закрываются, мысли уносятся далеко от настоящего. На этот раз я не пытаюсь их подавить. Пока мы лежим в обнимку, а Рис крепко обнимает меня, я рассказываю, почему первая записка заставила меня сбежать и почему я никогда о ней не рассказывала.

Что я считала, что у отправителя могла быть причина желать моей смерти. Каким ужасный человеком меня изображали — порочной студенткой колледжа, которая спала с профессором. Скандал был не за горами.

«Я была грязью».

Я признаю, что хотела, чтобы тот человек оказался реальным — что я хотела верить, что он написал письмо, чтобы предупредить меня, чтобы снова меня спасти. Я знаю, что это нелепая теория, детская и наивная, но мне нужно было во что-то верить. В противном случае я была бы просто напуганной жертвой, сбежавшей от реальности.

Мы шепчемся в ночи, делись секретами. Он рассказал мне о деле, которое ему поручили до нашей встречи. Тогда он подозревал, что один агент сфабриковал доказательства. Это привело к тому, что в него выстрелили. Наши страхи и преданность не давали нам высказаться. Еще одна наша общая черта.

Секреты могут стать угрозой только тогда, когда они остаются похороненными. Как и призраки, оказавшись на свету, они теряют силу.

Глава 28

Ты

Лэйкин: Сейчас

Три часа ночи называют ведьминским часом. Говорят, что в это время злые духи и призраки наиболее активны и сильны. Почти две сотни лет назад церковь считала, что это происходит из-за того, что в этот час никто не молится.

Хорошая теория. Последнее, что я хочу сделать, проснувшись, — это молиться, все тело ноет от мышечной боли — как в хорошем, так и в плохом смысле. Но, может, мне следует помолиться. Отправить в небо какое-то послание, и, возможно, мне ответят.

Все остальное я уже перепробовала, пытаюсь восстановить воспоминания о нападении.

Слишком взбудораженная, чтобы снова заснуть, я вылезаю из постели, стараясь не разбудить Риса.

На столике у окна загорается свет. На телефон пришло уведомление. Я перевела его в беззвучный режим, но свет достаточно яркий, чтобы я насторожилась. Подойдя ближе, я достаю из сумки брелок для ключей.

На нем болтается флешка — насмешка над историей моей жизни. Воспоминания, описанные в книге, не настоящие. По крайней мере, не все. Это заставляет меня задаваться вопросом, что еще окажется ложью.

Повторяющийся сон, который мучил меня перед нападением. Который я приняла за какое-то предупреждение, предчувствие. На самом деле, скорее всего, сон был другим.

Подавленные воспоминания могут перемещаться в другие области сознания.

По правде говоря, более вероятно, что никакого сна вообще не было. Возможно, после перенесенной травмы разум перестроил воспоминания, вплетя фрагменты нападения в последовательность снов. Искаженные проблески той ночи, предсмертные мгновения, воспроизведенные во сне, чтобы мне было легче смириться с ними.

Я прикасаюсь к животу, глядя шрам под рубашкой Риса.

Мне нужно все записать. Прямо сейчас. Пока свежи восстановленные воспоминания. Я могу сравнить их со сном, чтобы определить, что является действительностью, а что — ложью.

Дотянувшись до блокнота и ручки на столе, я отдергиваю занавеску. Полоска лунного света падает на стол и телефон. Полностью проснувшись, я беру телефон и включаю экран.

Появляется текстовое сообщение: «Я здесь. Пришло время встретиться. Спускайся одна».

Я смотрю на сообщение, чувствуя, как учащается пульс. Я перевожу взгляд на Риса, затем снова на экран. Номер неизвестен. Конечно, неизвестен. Скорее всего, одноразовый телефон.

Я отодвигаю занавеску и выглядываю в окно. Дождь прекратился, и снаружи царит жутковатая тишина. Затем глаза ловят движение.

Парковку пересекает одинокая фигура.

Живот сжимается от страха, и я задергиваю занавеску. Человек останавливается возле арендованного седана и смотрит вверх. По спине пробегает дрожь страха, и мне кажется, что он смотрит прямо на меня. Он не может меня видеть... Но я все же отхожу.

«Встреться со мной».

Слова, написанные во вчерашней записке, оживают, как будто их шепчут мне на ухо.

Час дьявола. Было бы невероятно глупо сейчас идти на встречу с этим человеком в одиночестве. Я знаю это, и все же меня пронизывает непреодолимое желание броситься на парковку и поймать его, прежде чем он исчезнет.

Кто там внизу прячется за тенью? Кто меня ждет?

Если подумать, то мы с Рисом должны проводить расследование вместе. Беспокойство нарастает. Что, если это мой единственный шанс встретиться лицом к лицу с моим убийцей? Убийцей Кэм? Что, если я смогу покончить с ним, пока не пострадал кто-то еще?

Да, я хочу этого, но я не святая.

Я шепчу это слово, и моя душа взлетает как воздушный шарик.

— Мечь.

Не справедливость. Не завершение.

Возмездие.

Прямо сейчас, ощущая болезненную пустоту и заново переживая потерю... Этот человек не заслуживает справедливости.

Я связующее звено. Это началось с меня — и на мне должно закончиться.

Я принимаю решение еще до того, как закрываю сообщение. Надеваю джинсы и заправляю рубашку Риса. Его аромат окутывает меня, успокаивает, придает сил. Я хочу ощущать его присутствие, несмотря на то что мне придется оставить его.

Я смотрю на служебное оружие Риса, лежащее на тумбочке.

Я никогда раньше не стреляла из пистолета. Вполне вероятно, что в итоге он окажется в руках убийцы, поэтому я решаю не брать его, и вместо этого стягиваю с его пояса

металлические наручники.

Бросив последний взгляд на спящего в постели Риса, я выскользнула из комнаты.

***

Воздух за пределами отеля влажный, несмотря на ранний час. От злости у меня сжимается горло, пока я торопливо пересекаю парковку. Я обхожу машины, целенаправленно двигаясь в сторону седана. Если этот человек все еще здесь, если он наблюдает, поджидает, я не хочу, чтобы он знал, что я в курсе.

Я нажимаю на брелок, и седан пару раз мигает фарами. Я жду еще немного, делая вид, что проверяю телефон, давая им время подобраться ко мне до того, как я сяду за руль.

Грохот сердца отражается в ушах.

Что я делаю?

Я сошла с ума.

Я смотрю на лобовое стекло, но записки нет. Может, я их вообразила, в голове у меня все перемешалось и спугалось. Я выдыхаю проклятие и упираюсь лбом в руль.

Заводится двигатель, лучи освещают салон автомобиля.

Я медленно смотрю вверх.

На мгновение меня ослепляет фарами машины напротив стоянки. Затем, когда она выезжает с парковки, мои глаза привыкают к свету и мне удается разглядеть профиль женщины на водительском сиденье. И волосы. Я узнаю длинные волны. Светлого оттенка.

Челси.

Мой разум приходит к такому выводу, прежде чем я пытаюсь придумать рациональное объяснение тому, зачем какой-то случайной женщине кружить вокруг отеля в три часа ночи.

Машина не уезжает с парковки, и давление у меня в висках нарастает.

Она ждет меня.

Дрожащей рукой я включаю зажигание и поворачиваю машину. Когда я сдаю назад, другая машина — блестящая черная «Тойота» — выезжает вперед, сворачивая направо. С натянутыми нервами, я слеую за машиной на главное шоссе.

И так мы едем целый час, я бормочу себе под нос, ругая за безумный поступок — в этом я могу винить только ведьмовской час — когда понимаю, куда мы направляемся.

В свете фар мелькает дорожный знак Сильвер Лэйк.

На меня накатывает тошнота. Я смотрю на пассажирское сиденье, где лежит телефон. Руля одной рукой, я хватаю его и печатаю быстрое, но подробное сообщение Рису. Большой палец замирает над кнопкой «Отправить».

Черная машина включает поворотник.

Я кладу телефон на сиденье. Оставляю приложение для сообщений открытым, на случай если решу сообщить обо всем Рису. Я описала машину, номерной знак и расплывчатое изображение женщины за рулем.

Хотя я не назвала имя, он придет к такому же выводу: это Челси. В конце концов, такова была теория Риса. Несмотря на его нежелание представлять ее в роли убийцы, у Челси был мотив.

И в сумме мы получаем:

Моя беременность помешала бы ей выйти замуж за Дрю.

Первая записка после нападения должна была напугать меня.

Нам нужно будет найти связь со смертью Джоанны Делани, но, возможно, Дрю был близко знаком с ней. Еще одна возможная угроза для Челси или виновата простая ревность.

Последние записки объясняются тем, что автор не хотел, чтобы мы расследовали дело Джоанны.

Кэм призналась, что была в ту ночь с Дрю, а значит он не может подтвердить алиби Челси.

Способ убийства Кэм был другим — преступник намеренно пощадил ее будущего ребенка. Знак раскаяния.

Это подводит нас к вопросу: кто вытащил меня из озера? Только убийца, который переживает приступ вины, может спасти свою жертву. И согласно уликам, в ту ночь больше никого не было. Только я и мой убийца.

Все кусочки паззла в наличии... нужно просто собрать их вместе.

Итак, что бы эта женщина ни сказала мне сейчас, я готова — я готова встретиться со своим убийцей.

Проехав немного вперед, я сворачиваю на парковку бара «Док-Хаус».

Я медлю, держась за руль, пока Тойота паркуется ближе к воде. Мое дыхание слишком громкое в тишине машины. Грудь покалывает, пока адреналин циркулирует по организму.

Я натягиваю резинку на запястье, нуждаясь в острой боли, чтобы успокоиться, но обнаруживаю, что резинки нет.

— Черт возьми. — Хорошо. Думай. Я наклоняюсь вбок, всего на несколько секунд теряя машину из виду, пока роюсь в бардачке.

Рис всегда готов. Ко всему. Я перебираю предметы, пока не нахожу сверток с монетками и эластичный бинт. Возвращаясь на водительское сиденье, я смотрю на машину, и обматываю руки бинтом, пряча монеты.

Дверь машины распаивается, она выходит, и я быстро собираю волосы в низкий пучок. Если дело дойдет до драки, я хочу быть готовой. Увидев, что она идет к пристани, я кладу телефон в задний карман и проверяю наручники, которые засунула в передний.

Открываю дверь.

Прошло много лет с тех пор, как я была здесь в последний раз, когда Рис привез меня, но ничего не изменилось. «Док-Хаус» — это дыра во времени. Нетронутое место. Веранду украшают гирлянды. В центре находится импровизированная хижина со стойкой по периметру. У задней стены располагается деревянная сцена, где группы играют живую музыку. Тот же музыкальный автомат по-прежнему отделяет внешний бар от внутренней зоны отдыха.

Снова накатывает тошнота, и я борюсь с подступившей желчью. В прошлый раз я была сильнее. В прошлый раз со мной был Рис. Я взглянула страху в лицо будучи не одна.

Я уже готова поддаться ужасу, когда замечаю ее на пирсе. Засунув руки в серый плащ, стоя спиной ко мне, она смотрит на озеро, ее лицо такое же безмятежное, как вода озера.

Кровь в венах бурлит.

Эта женщина так много отняла у меня...

Я позволяю гневу наполнить меня, отгоняя страх. Сжимая в кулаке сверток с монетами, я направляюсь к ней, не стараясь приглушить шаги. Я останавливаюсь посреди пристани, делаю ободряющий вдох.

Я погружаюсь в свой сон.

— Я здесь.

Она не двигается. Изучая ее профиль, я хмурюсь. Эта женщина выше Челси, и что-то кажется... неправильным.

Она достает руку из кармана и тянет за волосы. Светлый парик падает на деревянные доски.

Сердце сжимается. Еще до того, как я успеваю осознать, в меня врезается жестокая реальность.

А когда она оборачивается, мир переворачивается с ног на голову.

— Ты.

Глава 29

Пространство воды

Лэйкин: Тогда и сейчас

Эндрю Эббот был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо встречала.

Умный. Утонченный. Страстный.

Он был не просто моим преподавателем психологии, он также преподавал мне первые уроки жизни и любви.

И он увидел меня.

Когда он посмотрел на меня в тот первый день на лекции, весь мир и его тоска испарились, меня увидели.

Сейчас Дрю стоит в конце пирса, совсем не похожий на человека, который был солнцем, вокруг которого я вращалась. Теперь я вижу правду, которую не могло разглядеть мое юное и уязвимое «я». Он был эгоистичным нарциссическим манипулятором, использовавшим людей для собственного удовольствия, управляя ими, как марионетками.

Он снимает пальто. Бросает рядом с париком.

— За ней следили?

Я в замешательстве хмурюсь и уже открываю рот, чтобы задать вопрос, но холодное прикосновение лезвия к спине заставляет меня замолчать.

— Нет, — отвечает Торренс. Я узнаю его низкий голос. Я не двигаюсь, пока большие руки скользят по моему телу, лапая меня. Он хмыкает, когда касается повязки на руке, которую я сделала, чтобы не пораниться, а затем достает телефон из заднего кармана. Я зажмуриваюсь.

Телефон ударяется о доски, и я слышу громкий хруст, когда Торренс растаптывает его. Теперь меня уже не найти.

— И уже не отследят, — добавляет он.

Торренс грубо толкает меня, заставляя подняться на причал.

Так много теорий... На моей доске убийств было столько вариантов. Но такого сценария я не предполагала.

— Как? — спрашиваю я Дрю, пристально глядя на него. — Вы оба?

Дрю скрещивает руки на широкой груди.

— Я хочу быть здесь не больше, чем ты, — отвечает он мне.

Торренс заставляет меня остановиться.

— Ой, да ладно. Жизнь состоит из воспоминаний. Воспоминаний наших самых важных переживаний. И самое важное произошло прямо здесь. Самое важное для вас обоих.

Я качаю головой, зажимая монеты, обернутые бинтом. Разворачиваюсь к Торренсу.

— Ты убил меня или спас? — требовательно спрашиваю я. — Ты вытащил меня из озера

ради какой-то извращенной игры? Мне нужны ответы!

— Спас тебя? — Торренс наклоняет голову, его глаза широко распахнуты и пристально глядят на меня. Я отступаю на шаг. — Скажи ей то, что она хочет знать, Эндрю. У каждой жертвы должна быть последняя просьба.

По коже пробегает дрожь, и я украдкой бросаю взгляд на машину. Потом на озеро. На белые лотосы, залитые лунным светом. На тихую воду. Эта могила из запутанных стеблей ждет меня, маня вернуться домой.

Нет.

Борись.

Я слышу глухие шаги приближающегося Дрю. Вода оказалась идеальным проводником для электрического разряда осознания, когда Дрю приближается. Я поворачиваюсь и оказываюсь между ними, в ловушке.

— Почему? — вырывается из меня шепот, словно мольба.

— Это все из-за тебя, — с отвращением говорит Дрю. — Ты всегда так завидовала Челси, боялась, что она украдет меня. Ты показала свой страх. И когда он сбылся, ты поступила самым банальным образом. — Он усмехается. — Залетела. Чтобы удержать меня. Чтобы поймать меня. Чтобы погубить меня. Я не мог этого допустить.

Все такой же профессор психологии. Все еще пытается рассказать мне о самой себе. Я смотрю вниз, на темную воду, плещущуюся между досками.

Вспышка из сна. Взгляд в прошлое. Поле зрения сужается, когда его слова вызывают ощущение, образ. Меня охватывает страх, когда острое как бритва лезвие вонзается в плоть. Кожа окрашивается в красный.

Я отмахиваюсь от воспоминаний, пытаюсь сосредоточиться на настоящем.

— Это ты напал на меня, — говорю я. — Прямо здесь. На этом причале. — Я прикасаюсь не перевязанной рукой к животу, ощущая реальную боль.

Красивое лицо Дрю искажается от гнева.

— Ты заставила меня, Синтия. Ты не хотела прислушиваться к голосу разума, когда дело дошло до... — Он замолкает и отворачивается. — Я не собирался убивать тебя.

Но в итоге я умерла, и он совершенно не чувствовал раскаяния.

И не чувствует сейчас.

Я ощущаю приближение Торренса.

— Это было потрясающе, — говорит он. — Видишь ли, когда Кэм передумала и не поехала ко мне, я вспомнил, что ты осталась. И вернулся. — Он тянет волосы из пучка, гладит пряди. — Я никогда не видел ничего более страстного. Я был в восторге. Всю жизнь я чувствовал эту пустоту, этот вакуум. Отсутствие эмоций, которое я скрывал от мира. Ничто не могло заставить меня чувствовать... пока я не увидел красивый, жестокий танец между тобой и Дрю.

Я съеживаюсь от его прикосновений.

— Ты хорошо притворяешься.

— Это приобретенный навык.

Все мои знания, все навыки Риса, и мы оба пропустили звоночки. Торренс — психопат. Отсутствие сочувствия не просто позволило ему наблюдать за жестоким убийством, это породило в нем что-то темное и ненормальное. Разожгло больное желание.

Торренс не стал бы меня спасать. Он не такой.

— Ты оставил меня утонуть, — говорю я, собирая ту ночь по кусочкам. — А что потом?

Ты пошел домой подрочить?

Он бездушно рассмеялся.

— Ну... да. Но сначала я прибрался. Я разбирался в этом достаточно, чтобы понимать, что Дрю совершил преступление на почве страсти. Он оставил орудие убийства, — Торренс проводит кончиком ножа между лопатками, — поэтому я убрался на пристани. Убедился, что он будет вне подозрений на случай, если в будущем мне что-нибудь понадобится.

Вот почему не нашли никаких улик и ДНК, а Дрю вернулся вовремя, чтобы встретиться с Кэмерон.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы мучить меня, — отвечает Дрю. Он достает смятую пачку писем.

— Шантаж? — потрясенно спрашиваю я. Это кажется таким мелочным — страдать все эти годы из-за чего-то столь несущественного, как деньги.

— Нет, — Торренс выходит вперед, его тень неясно вырисовывается в лунном свете. Неглубокие темные омуты смотрят прямо сквозь меня. — У него были ответы. Я хотел знать, что он почувствовал, когда впервые воткнул нож тебе в живот. Выпотрошил, как рыбу. А когда этого оказалось недостаточно, он пронзил лезвием твою грудь, изувечив человека, которого он когда-то любил.

Разорвав письма сначала пополам, а потом на мелкие кусочки, Дрю бросает их в озеро. Я понимаю, что это Торренс оставлял мне записки. Он вел какую-то запутанную игру, выслеживая и убийцу, и жертву.

— Теперь все? — говорит Дрю. — Давай покончим с этим.

Мой взгляд скользит между мужчинами. Адреналин подскакивает. Я делаю шаг в сторону, и Торренс поднимает нож.

— Терпение, — говорит он, глядя, как лунный свет отражается от лезвия. — Знаешь, я старался измениться. Сопротивляться желаниям. Я мысленно прокручивал этот момент, но никогда не повторял. Пока не появился агент Нолан. Его пытливые вопросы снова зажгли эту искру... и мне просто нужно было знать, каково это ощущать. Я решил, что Джо подойдет идеально, и дождался подходящего момента. И когда я был уверен, что справлюсь, я наконец сделал это. — Его красивое лицо превращается в смертоносную гримасу. — Но этого было недостаточно. Даже близко не похоже на первый раз.

Меня пожирал страх, но я, храбрясь, поднимаю подбородок. Теперь я все поняла.

— В первом убийстве ты участвовал косвенно. Как вуайерист. Убийца никогда не сможет пережить свой первый опыт. Это нескончаемая погоня за кайфом, как у наркомана.

Призрачная пустота заполняет его темный взор.

— Джо должна была быть идеальной. Я все запомнил... Но ты знаешь, как трудно воспроизвести убийство? По телевизору кажется, что подражатели с легкостью повторяют убийства. Это не так. Борьба с жертвой... раны, нанесенные не в том месте. Это чертовски сложно.

Я сглатываю, ощущая едкий привкус желчи. Он убил Джоанну. Так бессмысленно. Он попытался воспроизвести нападение Дрю... мое убийство... и легкомысленно сравнивает это действие с кино. Его голос спокоен. Без изменений. Запоздалый акт насилия.

Я перевожу взгляд с одного на другого, пульс зашкаливает. Я должна заставить их говорить, пока думаю, как убраться отсюда.

— Кто из вас убил Кэм?

— Я попробовал еще раз, — признается Торренс. — Но ее тело... — Он качает

головой. — Это было не то же самое. Ребенок слишком большой. Дрю постоянно ныл.

Мой взгляд останавливается на Дрю. Он участвовал в убийстве. Он помог лишить ее жизни, лишить ее ребенка и семьи.

— Ты слабак. Жалкий слабак, — говорю я. — Отвратительный самовлюбленный ублюдок.

— Это было необходимо, — защищается Дрю. — Она могла изобличить меня. Она должна была знать, что, если что-нибудь расскажет... Ей не следовало встречаться с тобой. Но я позаботился о том, чтобы с ее ребенком все было в порядке. Позвонил в службу 911 из ее дома.

Я чувствовала, как в животе плескается кислота. Как он может оправдывать убийство Кэм? Он также оправдывал мое убийство?

— И нам нужно было попрактиковаться, — Торренс кружит вокруг меня, и по моим венам течет страх. — Так что на этот раз мы все сделаем правильно.

— Вы заманили меня сюда.

— Чтобы точно реконструировать события, — подтверждает Торренс. — Это то, чего нам не хватало. Нам нужен финал.

Страх сводит мускулы, каждая клеточка моего тела кричит, чтобы я бежала.

Торренс протягивает нож Дрю рукоятью вперед.

— Это нож, которым я той ночью резал лаймы для Кэмерон. Иронично, не правда ли? Что из всего бара Эндрю выбрал именно этот.

— Что мешает мне использовать его на тебе? — спрашивает Дрю.

Торренс хмурится.

— Потому что ты хочешь, чтобы расследование прекратилось. Хочешь, чтобы твоя жертва перестала копаться в прошлом. Чтобы ты и твоя жена могли жить своей уютной жизнью за белым заборчиком. Чтобы ты наконец стал свободным.

— Ты никогда не освободишься от этого, Дрю, — перебиваю я. — Мой напарник сложит все воедино. Агент Нолан не остановится, пока не докажет, что это ты, и не упечет тебя за решетку. Ты уже не будешь свободным.

Дрю принимает оружие.

— Еще как буду, черт возьми.

Затем все происходит очень быстро. Я пытаюсь промчаться мимо Торренса. Он хватается за талию и тянет к Дрю. Закидывает мои руки за голову, удерживая на месте.

— Вот так, — говорит Торренс, затаив дыхание, — здесь самый лучший вид.

Я борюсь с его хваткой, пиная Дрю. Я чувствую, как у Торренса встал, когда Дрю поднимает нож.

— В каком-то смысле мы делаем это для тебя, Синтия, — Торренс железной хваткой стискивает руки. — Ты правда хочешь жить в мире, где тебя окружают одни предатели? Хочешь продолжать бежать? Что это за жизнь?

Моя грудь охвачена пламенем, дыхание обжигает легкие, как острый клинок в руке Дрю. Он наблюдает за мной, намечая момент для удара.

— Не надо, Дрю. Тебе не нужно этого делать. Не как в прошлый раз...

Когда я моргаю, возвращаясь в настоящее, меня охватывает безмятежное спокойствие.

— Кто посадил лотосы на месте убийства Джоанны?

Это останавливает Дрю.

— Что?

Торренс подталкивает меня вперед.

— Она тянет время. Сделай это, Эндрю. Закончи то, что начал.

Я закрываю глаза. Я не верю в сверхъестественное. Не верю в предчувствия, привидения или жертв, восставших из могилы. Мы можем потратить всю жизнь на поиски тайных значений, знаков, но, в конце концов, единственный ответ жизни — это жить.

За время нашего партнерства Рис убедился, что я знаю больше, чем основы самообороны. Он никогда не считал меня жертвой, и позаботился о том, чтобы я больше никогда ею не стала.

Дрю заносит нож и сосредоточенно прикусывает губу. Вонзает лезвие мне в живот, и боль проносится по моей нервной системе. Воздух раннего утра наполняет крик, вырвавшийся из глубины легких. Когда Дрю выдергивает нож, Торренс прикрывает мне рот.

— Еще раз! — кричит Торренс.

Серебряный клинок блестит от крови. Я стараюсь ухватиться за мысль — за план. Пытаясь заставить меня замолчать, Торренс освободил одну руку. Я сжимаю монетки и, собрав все силы, бросаюсь в сторону и ударяю его по лицу.

У него вырывается проклятие. Он отвлекся достаточно, чтобы я смогла освободиться. Я вырываюсь из его рук и падаю на доски. К горлу подступает рвота, пронзительная боль в животе начинает пульсировать. Пульс бьется в ушах, картинка перед глазами подрагивает.

Нет. Я пережила и хуже. Пережила и выжила.

Дрю не колеблется и бросается ко мне. Мне удается откатиться подальше. Нож попадает в дерево, лезвие застревает между досками. Достаточно времени... Я вытаскиваю из кармана наручники.

Торренс не посчитал их оружием. Просто смешная игрушка, несколько монет. И теперь я их использую. Я обхватываю изогнутую сталь, сжимаю кулак и целюсь в лицо Дрю. Суставы пылают от силы удара.

— Господи, — выдыхаю я сквозь боль, открывая наручники.

Дрю держится за лицо, прикрывая красную рану на щеке.

— Сука.

Краем глаза я вижу, как приближается Торренс. Когда он пытается схватить меня за ноги, я позволяю ему оттащить меня назад. Затем приподнимаюсь и защелкиваю одну наручник на его запястье.

На горизонте появляются первые лучи солнца, и небо окрашивается в серо-голубой цвет.

С лучами рассвета я борюсь с Дрю, когда он нападает на меня. Он заставляет меня вернуться на пирс. Торренс садится мне на плечи. Руки Дрю скользят по моей шее, и меня охватывает слепая паника, когда я понимаю, что, если я позволю, они, наконец, убьют меня.

Я защелкиваю другой наручник на запястье Дрю, связывая его и Торренса вместе.

Вдали звучит сирена. Шум нарушает тишину утра, словно отголосок моего сна.

— Блять, — Торренс отпускает мои плечи и дергает наручники.

Дрю сопротивляется, волоча своего сообщника по пирсу. Они оба бросаются к ножу.

Я пользуюсь тем, что на мгновение обо мне все забыли, и отступаю. Убегаю от кровавой бойни, и оставляя за собой красный след крови.

Меня пронизывает ужас, в то время как Торренс снова и снова опускает нож, перерубая запястье Дрю. Дрю издает душераздирающий вопль, пронзивший воздух. Торренс отпихивает Дрю, оставляя его с окровавленной отрубленной рукой.

Мне холодно, я истекаю кровью, а Торренс идет ко мне, держа нож у бедра.

Он стоит надо мной. И я знаю, что это конец. Весь запал испаряется, и внезапно я смиряюсь. Я люблю Риса. Однажды мы должны были быть вместе и наконец понять, что значит быть по-настоящему любимым в ответ. Я нашла свои ответы. Я могу отпустить.

Звуки полицейской сирены разносятся по пустой улице, заставляя Торренса поднять глаза. Ему придется решить, стоит ли моя кончина того драгоценного времени, которое он мог потратить на побег.

— Может быть, в следующий раз, — говорит он, вонзая лезвие мне в руку.

Неглубокая рана. Насмешка.

Торренс убегает с пирса, забыв обо мне.

Все кончено.

Я срываю с руки повязку с монетами и отбрасываю ее в сторону.

Я откидываю голову на деревянные доски и позволяю боли нарастать и утихать, в такт воде, плещущейся о столбы пирса.

Я дышу и смотрю на небо, наблюдая, как по нему плывут темные облака, а затем надо мной появляется он.

— Шлюховатая, маленькая сучка. Ты не отнимешь у меня все.

Дрю опускается передо мной, вырывая здоровой рукой нож из моей плоти. Я поднимаю руки, чтобы заблокировать его атаку. Он режет кожу, руки заливаются темно-красной кровью.

Я пытаюсь расцарапать ему лицо, но сопротивляюсь наугад, поскольку мои глаза залила кровь. А затем мое тело пронзает шок от холодной воды.

Мы падаем в озеро. Меня накрывает мутная вода.

Глава 30

Та ночь

Лэйкин: Тогда

Я сидела на краю причала, свесив ноги. Размышляла о том, чтобы лечь прямо здесь, просто сдаться, забыть о Дрю, Челси и ребенке...

Мне хотелось, чтобы безмолвная ночь поглотила меня.

На причале слышались шаги. Медленный глухой стук по доскам.

Я быстро поднялась на ноги и повернулась, мгновенно узнав приближающегося мужчину.

— Дрю?

В груди затрепетал восторг, пока я не вспомнила последнее, что он сказал мне во время нашей ссоры.

«Мне никогда не следовало тебя трахать».

Я проглотила боль, пока он медленно ко мне приближался.

— Зачем ты здесь?

— Ты знаешь, какой это позор, когда копы отвозят тебя домой?

— Дрю... — Я на мгновение прикрываю глаза. — Я устала. Просто слишком устала, чтобы снова это обсуждать. — Я засунула руки в карманы толстовки и двинулась в другую сторону.

Решив поспешно удалиться, я уже была в нескольких футах от него, когда заметила в его руке нож. От шока у меня перехватило дыхание. От страха по коже побежали ледяные мурашки.

— Мы еще не закончили, — сказал он. От него разлило алкоголем. Он постучал лезвием по бедру. — Что ты будешь делать с ребенком, Синтия?

Я отступила. Я никогда не боялась Дрю... не в этом смысле. Но в его голосе было что-то неправильное. Продолжая постукивать ножом, он был сам на себя не похож. Даже когда мы кричали друг другу в лицо, разбили стеклянную вазу, бросив ее в стену. Брызги осколков, удары кулаков по стенам... Даже тогда я не боялась, что он причинит мне физический вред.

— Стой, Дрю. Ты пьян.

— Мы можем быть вместе, — сказал он, не обращая на меня внимания и двигаясь вперед. Постукивая ножом. — Я просто не могу позволить, чтобы ребенок разрушил мою жизнь.

Я медленно покачала головой.

— То есть ты хочешь, чтобы я избавилась от него, и тогда мы будем жить долго и счастливо?

— Это логичнее, чем растить никому не нужного ребенка, не так ли?

— А что насчет Челси?

— Она ничего для меня не значит.

— Я видела тебя. И как ты на нее смотрел... — Я попыталась отогнать образ, воспоминание все еще причиняло боль. Я иду к его двери. Она открывает. Они стоят рядом. Я пришла рассказать Дрю о ребенке, а вместо этого столкнулась лицом к лицу со своим наихудшим кошмаром. — Как ты мог намекать, что я сошла с ума? Что я все вообразила?

— Так ты не избавишься от него?

Я чувствовала себя так, словно меня ударили.

— Нет, Дрю. Я не избавляюсь от него. Это мое тело. Мой выбор. — Мня охватил такой гнев, что я, позабыв о ноже, рванула вперед, желая оказаться подальше от него.

Дрю перекрыл мне дорогу.

— Я не очень люблю философию, но Витгенштейн был чертовски прав, когда говорил: о чём невозможно говорить, о том следует молчать.

Я в замешательстве замерла, а затем ужасающая реальность разнесла мой мир на кусочки, когда Дрю воткнул нож мне в живот.

Глава 31

Прошлое и настоящее

Лэйкин: Сейчас

Вспышки воспоминаний. Холодная вода затекает в горло, когда я издаю приглушенный крик под черной водой. Руки путаются в толстых стеблях, я двигаюсь слишком медленно, чтобы расчистить путь.

Внезапная резкая боль возвращает меня к реальности. Дрю снова вонзает в меня нож. И я просыпаюсь. Очнувшись от транса, я цепляюсь под водой за его руку, отчаянно нуждаясь в воздухе.

Кровь окрашивает воду, еще больше мешая видеть. Я чувствую, как лезвие касается плеча, и хватаю Дрю за предплечье. Наши глаза встречаются. Сквозь мутную воду озера и красный туман смешанной крови я чувствую, как наши тела тонут.

Он пытается воткнуть нож мне в грудь, но я обеими руками удерживаю его, и борьба все глубже погружает нас в стебли лотоса. Я пинаю его и упираюсь ногой в его живот. Он пытается использовать другую руку, чтобы сбить меня — но ее у него нет, рана слишком

новая, и шок мешает сообразить, как ему пользоваться обрубок.

Его лицо искажается от ярости, и он, наконец, роняет нож. Я смотрю, как тот падает, исчезая на дне, но затем сильная хватка вокруг горла отвлекает меня. Вспыхивает паника, и я глотаю воду из озера, пытаюсь закричать, виски пульсируют от давления, в глазах темнеет.

Скрипя зубами, Дрю стискивает горло, сжимая трахею. Я хватаюсь за его руку, впиваясь ногтями в кожу, выцарапывая свободу. Затем Дрю прижимается к моим губам, крадя у меня последний воздух. Поцелуй смерти.

Меня охватывает непреодолимый страх.

Я уже умирала раньше.

Я чувствую, как тело обвивают маслянистые щупальца смерти.

Ногами я касаюсь дна озера. И как только мои глаза закрываются, а холодный и спокойный мир окутывает меня, Дрю отпускает мою шею. Он отталкивается от дна, его тело поднимается вверх.

Я не умираю.

Я хватаюсь за стебель лотоса и обвиваю им его ногу. Пойманный в ловушку, Дрю паникует, из открытого рта вырываются пузыри. Моя грудь горит от недостатка воздуха, пока я наблюдаю, как Дрю безуспешно борется с лотосами.

Я помню... ощущение, как грубые стебли путаются в волосах. Наощупь я лихорадочно ищу выход из подводного лабиринта лоз и тьмы.

Я начинаю всплывать вверх, мой взгляд прикован к борьбе Дрю на дне озера, он захлебывается, запертый в могиле из лоз. Я не отворачиваюсь. Я наблюдаю, пока он не перестает двигаться.

Уровень адреналина спадает, и я начинаю чувствовать каждую рану на теле. В меня вонзали нож. Душили. От недостатка кислорода сдавливает грудь. Тьма сгущается, и я теряю Дрю из виду. Я отчаянно бью ногами и кручусь, чтобы подняться на поверхность, но я уже не знаю, где верх, а где низ.

Сгущающаяся тьма поглощает меня. Я вспоминаю момент, когда почти четыре года назад я решила умереть, занять свое место среди лотосов... а затем как боролась, когда отказалась сдаться. Меня окружают воспоминания, чем глубже в озеро я погружалась, тем шире открывалось окно в прошлое.

Мое тело онемело от боли. Повреждений было слишком много. Я не чувствовала ничего, кроме воды в легких и стеблей лотоса, высасывающих жизнь из моего тела. Единственное, о чем я думала, — это «борись или беги». Я пробиравась сквозь паутину лоз лотоса, пока не достигла поверхности. Я покачивалась на воде, из моих вен вытекала кровь, черная ночь утягивала меня в бездну.

А потом я услышала лягушек и сверчков и поняла, что приближаюсь к берегу. Секунда, последний вздох ради собственного спасения... я волочила свое тело через заросли. Я позволила себе расслабиться только после того, как почувствовала землю под ногами. Мое тело выбросило на берег.

Я плаваю где-то между дном и поверхностью озера, затерявшись в этом спокойствии смирения. Мне больше не нужно бояться и прятаться. Я покоряюсь и отпускаю...

Появляются мерцающие волны.

Они мигают надо мной словно корона из света.

Луна, танцующая на поверхности воды, указывает мне путь.

Я поднимаю руку и тянусь, мои мускулы горят, легкие сжимаются. Боль — это хорошо.

Значит, я еще жива. Я держусь за эту надежду, борюсь за каждый дюйм пути на поверхность.

Слишком далеко...

Вдруг я вижу силуэт мужчины в ореоле света.

Прошлое и настоящее сливаются в одно. Время останавливается, сворачивается, как листья лотоса. Я боюсь своего разума. В ужасе от того, что понимаю, что происходит. Сколько нейронов в мозгу активизируется в момент смерти? Может я заперта внутри Лестницы Иакова^б, моя смерть бесконечно растягивается, а сама я снова и снова живу и умираю?

В глазах темнеет, поле зрения сужается. Я вижу только его.

Рука преодолевает поверхность воды. Он касается меня. Я его чувствую. Он настоящий. Он вытаскивает меня на поверхность. В его руке фонарик, ореол света скользит мимо меня, когда он перетаскивает меня через край лодки.

— Я держу тебя.

Голос Риса звучит одновременно так знакомо и так божественно. Он — слияние прошлого и настоящего — иллюзии и реальности. Он всегда был со мной.

— Она не дышит, — кричит он. Я не знаю, с кем он разговаривает.

Я не дышу.

Его губы касаются моих. Руки давят на грудь. Воздух снова и снова циркулирует по дыхательным путям.

Я захожусь в кашле, изгоняя воду из легких. Я слышу свой голос, потрясенная, но живая. Я несколько раз моргаю, пока зрение не проясняется.

— Лэйкин... — Он вопросительно произносит мое имя, его голос дрожит.

— Я здесь, — отвечаю я.

Он обнимает меня и прижимает к груди. Мы держимся друг за друга.

Рассвет освещает небо, в хрупком свете я вижу, что нахожусь недалеко от берега. Мы в рыбацкой лодке, с нами люди в форме. Я вспоминаю, что слышала сирены на причале.

— Как? — спрашиваю я.

Он убирает мокрые волосы с моего лица, осматривая меня, и не успокаивается, пока не исследует каждый дюйм моего тела.

— У тебя идет кровь.

— Меня пырнули ножом.

— Дайте мне аптечку, — требует он и как можно осторожнее сдирает промокшую одежду с моего тела. Боль начинает возвращаться. — Ранение в живот.

Я позволяю ему перевязать мне живот и руку, и пока местная полиция доставляет нас к берегу, Рис зажимает рану на животе. Человек может несколько дней страдать от ранения в живот, но боюсь спросить, насколько все плохо. Я не хочу разрушать надежду этого момента.

— Я отследил твой телефон до последнего места, где он пеленговался, — наконец отвечает Рис. — Но я бы все равно пришел сюда. Детектив Даттон среагировал.

Я оглядываюсь. Старый детектив по моему делу находится с нами в лодке.

— Это был ты, — говорю я Рису.

— О чем ты говоришь? — он смотрит вперед, не сводя глаз с цели. Ему необходимо доставить меня в больницу. — Сообщите в скорую, — приказывает он копу, управляющему лодкой. — Пусть приготовятся.

— Ты — это он, — говорю я напряженным голосом. — Ты спас меня из озера.

Рис смотрит мне в глаза. В его взгляде светится осознание. Он прижимается губами к моему лбу таким нежным поцелуем, что мне становится больно.

Когда мы причаливаем, я слышу, как идут поиски, везде скачут лучи фонарика, а люди в униформе охотятся за неизвестным нападавшим, избежавшим ареста.

Рис относит меня к машине скорой помощи и требует, чтобы ему разрешили поехать со мной в Центральную больницу Сильвер-Лэйк. Он сжимает мою руку, не отпуская, даже когда медик накрывает мне рот и нос кислородной маской и перевязывает колото-резаную рану.

Его рука стискивает мою.

— Ты спасла себя, — говорит он. — Но я буду мужчиной твоей мечты, Лэйкин. Я могу быть им.

А затем я позволяю темному давлению сна овладеть собой. Держась за Риса. Держась за надежду на наше будущее.

Эпилог

— *Мы все связаны. Через время и пространство, атомы и нейроны. Злодеи и герои. В космическом смысле мы все связаны, сражаясь за жизнь. Сражаясь за правду.*

Последние слова книги. Конец.

Летаргическое искупление, самая правдивая история, которую я когда-либо писала. Та, которую я пережила. История двух женщин и их убийств, раскрытых вместе. Название рукописи «По ее следам» оказалось подлинным отражением нашей истории. Я шла по следам убийства Джоанны. И оно привело меня к нашим убийцам.

Закончив работу над книгой, я отправила пробный экземпляр миссис Делани на одобрение — чтобы убедиться, что книга не умаляет историю Джоанны и что я должным образом почтила память ее дочери. Нашу книгу планируют выпустить в свет в следующем году.

Я указала Бетани Делани в разделе «благодарности» не только за содействие в написании — ее материнский инстинкт указал нам на Майка Риксона. Наша первая зацепка.

Во время допроса Майк признался местным властям, что всегда боялся сводного брата, того, кем он был. В интервью одному СМИ он сказал: «Иногда я задавался вопросом, что с ним не так, в нем было что-то неправильное. У меня были подозрения, но я не был уверен.»

Майк видел, как Торренс смотрел на Джоанну, и поэтому Майк так опекал ее. Именно это однажды вечером заметила Бетани во время визита в ресторан перед тем, как ее дочь была обнаружена в озере.

Майк мог бы рассказать о своих подозрениях, когда мы с Рисом появились в «Тики Хайв», чтобы допросить его. В интервью также приводили его слова: «Он все еще семья».

Полагаю, именно поэтому Майк промолчал, когда Торренс указал нам на Коэна. Однако Майка не обвинили в препятствовании расследованию. Подозрение не приравнивается к фактическому знанию о совершении преступления.

Но на этот раз у нас были железные доказательства. Нервничая из-за расследования ФБР, Торренс допустил ошибки во время убийства Кэм. Доктор Келлер, судмедэксперт, обнаружил следы ДНК на платье, которое было на Кэм.

Я помню, как Торренс заявил, что они с Дрю «тренировались» на Кэм. Как Торренс держал мои руки за головой, как его стояк упирался мне в спину. Темная искра возбуждения, зародившаяся в нем несколько лет назад после моего убийства, оказалась предательской.

Я рада, что, даже если бы события на озере не обернулись таким образом, то Кэм все равно помогла бы закрыть эти дела — что в конце концов она отомстила бы за свою смерть. Детектив Вейл сопоставил ДНК Торренса с предякулятом на платье Кэмерон. Идеального убийства не бывает.

Торренс Карвер был задержан в «Док-Хаусе» в то утро, когда они с Дрю напали на меня. Когда меня срочно доставили в Центральную больницу Сильвер-Лэйк, детектив Даттон и полиция Лизбурга обнаружили Торренса, прячущегося в кухонном холодильнике «Док-Хауса».

Это гораздо менее драматично, чем концовка, которую я представляла.

Но это реальность, и теперь Торренс находится в тюрьме и ожидает суда присяжных. С учетом неопровержимых доказательств его преступлений, мы с Рисом уверены, что прокурор штата Флорида выбьет максимальный срок.

Что касается Дрю, то была одна улика, связывающая его с преступлениями. Фотография моих шрамов, сделанная медэкспертом. Доктор Келлер сравнил фото с другими преступлениями. То же орудие убийства. Дрю по неосторожности уронил нож в озеро, а Торренс вытащил его. И использовал его для жестокого убийства Джоанны Делани, чтобы повторить первое убийство, свидетелем которого был.

Ну, и, конечно, были мои показания.

Эндрю Эббота извлекли из озера, объявили мертвым в больнице Сильвер-Лэйк... все в нескольких палатах от той, где меня оперировали.

Когда я думаю о Дрю, то не могу представить его на каталке или в гробу. Я вижу, как он качается в темной воде, а его тело опутывают стебли лотоса.

Даже сейчас я не совсем понимаю, что чувствую к Дрю. Как много он украл у меня. Мстительный эгоизм, превратившего профессора колледжа в убийцу.

Но я дошла до стадии принятия. Покидая Сильвер-Лэйк в первый раз, я думала, что спасаю себя, начинаю все заново. Верила, что смирилась с произошедшим и что, подобно листьям лотоса, могу очиститься от скверны прошлого.

Но, по правде говоря, я была в ловушке. Возможно, это Дрю бросил меня в озеро, да и преследования Торренса сыграли свою роль, но это мои страх и стыд удерживали меня на дне.

Ложь сложнее всего распознать тогда, когда мы лжем сами себе.

Хотя Рис всегда подозревал Дрю, у него не было никаких веских доказательств. Время не совпадало, и косвенных улик было недостаточно. Трудно узнать правду, когда все вокруг хранят секреты. Но ровно до тех пор, пока одно звено не порвется.

Достаточно, чтобы заговорил один человек, и карточный домик из лжи разрушится.

Возможно, Кэм призналась слишком поздно, чтобы спасти себя, но стоило ей раскрыть правду, как остальные части головоломки начали складываться.

Я была на ее похоронах. Познакомилась с ее мужем и их маленькой девочкой. Ее назвали Каллиопа.

Множество людей сыграли свою роль в моем убийстве. Они были активными участниками, или просто эгоистами, или пассивными свидетелями, как Челси, которая теперь сама стала жертвой, обреченная нести на себе тяжесть позорного наследия Дрю.

Каждый человек из моего прошлого каким-то образом сыграл свою роль — и если высшими силами они были признаны заслуживающими наказания, то теперь ответили за свои грехи.

Доска убийств пуста. Книга закончена.

Держа в руках папку с новеньким делом, я подхожу к Рису, составляющему протокол по допросу. Положив ноутбук на колени и оперевшись ногами о стол, он клацает по клавиатуре.

Я сажусь рядом с ним и открываю папку. После того, как мое дело было закрыто, Рис спросил, закончатся ли на этом мои поиски справедливости в отделе нераскрытых дел. И, честно говоря, я сделала паузу. Я могла бы вернуться в университет и получить степень. Стать психологом.

Я ему ответила — залезла в коробку со старыми делами и достала папку с делом Левенштейна.

Рис ответил мне — подарил редкую улыбку, любоваться которой могла лишь я одна.

Вскоре после того, как мы взялись за это дело, я уехала из Миссури, что было не так уж и сложно. Я так и не смогла там прижиться. Так что я упаковала вещи Лилли и свои и улетела в Арлингтон, чтобы быть с мужчиной, который вытащил меня из воды.

Рис — мой дом.

Он перестает печатать на полуслове и снимает наушники, на его лице серьезное выражение.

— Ты его выбросила?

Я делаю глубокий вдох и киваю.

— Даже не открывала.

— Отлично, — он сжимает мою руку, переплетая наши пальцы. Его большой палец скользит по моему запястью, где уже давно нет резинки. — Хорошо. Хочешь прочитать допрос мужа?

И вот мы уже двигаемся вперед.

Сегодня по почте пришло письмо. Оно путешествовало по стране, из одного почтового ящика в другой, пока наконец не прибыло по месту назначения. Оно было отправлено из исправительной колонии Флориды. От Торренса. Часть меня — та часть, которая все еще перестает дышать, стоит вспомнить о той ночи — хотела открыть письмо. Снова и снова с тревогой перечитывать его, мучая себя.

Мы люди. Мы ошибаемся. Мы тяготеем к худшему из возможных исходов, потому что запрограммированы на то, чтобы предвидеть его и преодолеть.

Знание рассеивает страх.

С тех пор, как я раскрыла тайну страха, я убила своих демонов. Когда в мысли закрадывается сомнение, все, что мне нужно сделать, это напомнить себе об этом.

Поэтому вместо этого я положила письмо на кухонный стол и предупредила Риса. Он часть моей истории. И мы вместе преодолеваем трудности.

Жертвы не должны страдать в одиночку.

Жертвы не обязательно должны быть жертвами.

Я выжившая.

Я избежала смерти не один раз, а дважды. В первый раз, когда Мрачный Жнец пришел по мою душу, я оставила себя похороненной в могиле лотосов. Я цеплялась за эту смерть, я бежала, боясь близкого убийцы.

Той ночью Дрю убил меня — и не только на шестьдесят семь секунд. Он покончил с моей жизнью... потому что я позволила ему, потому что мне было слишком стыдно жить. Когда я наконец вернулась домой к родителям, то в конце концов поняла, что для того, чтобы победить страх, я должна принять все свои поступки, все обиды.

Мы не можем разделить нашу жизнь на части. Хорошие и плохие, красивые и уродливые моменты — одно не может существовать без другого. Таков замысел.

Я не похожа на листья лотоса, я как лепестки. Мягкая и податливая, но острая и смертоносная, как лезвие, вонзившееся в тело. Я не беспокоюсь из-за шрамов. Они — свидетельство моей силы и воли к выживанию.

Я не чиста, но я и не грязная.

Я освободилась от грязи, которая так долго удерживала меня внизу.

Люди, гораздо более мудрые, чем я, изучали и восхваляли лотос, сочиняли пословицы и песни, посвященные его замечательным свойствам. Я могу только рассказать о том, как это повлияло на мою жизнь.

Будда может не согласиться, но для меня эффект лотоса представляет собой нечто большее, чем просто второй шанс. Это возможность заново пережить момент времени, шанс восстановить баланс.

После того, как меня выписали, Рис спросил меня — только один раз — о словах, сказанных в лодке.

Это было предчувствие? Могла ли я заглянуть в будущее в момент своей смерти? Неужели время и пространство изогнулись и соприкоснулись в два важнейших момента моей жизни?

Я не знаю ответа. У меня нет объяснений. Все, что я знаю, это то, что если полагаться только на логику, то тебя ждет достаточно безрадостное существование. Если бы самые большие умы в мире с абсолютной точностью знали, что не существует другой причины, кроме той, что мы можем увидеть и потрогать, они не посвятили бы свою жизнь изучению времени. Приключение, в ходе которого исследование выходит за границы материальной досягаемости.

Все, что я знаю наверняка, это то, что мы все что-то ищем.

Я искала.

И на этот раз я обнаружила, что надежда — это не проклятие.

Рис и я... Мы красота, выросшая из грязи.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Notes

[

←1

]

Vic's Vapor Rub — прим. пер. Мятная мазь против простуды, поможет облегчить заложенность носа, незначительные мышечные боли, помогает бороться с кашлем и простудой.

[

←2

]

Джим Моррисон — прим. пер. Американский поэт, певец, автор песен, лидер и вокалист группы The Doors. Считается одним из самых харизматичных фронтменов в истории рок — музыки.

[

←3

]

Закон эффекта — концепция теории мотивации, согласно которой люди стремятся повторять тот тип поведения, который, по их оценкам, позволяет удовлетворить их потребности, и избегать поведения такого типа, которое не приводит к удовлетворению потребностей.

[

←4

]

Оперантная обусловленность — термин, введенный американским психологом Б. Ф. Скиннером для обозначения особой формы научения, заключающейся в том, что подкрепляется то спонтанное поведение, которое признается желательным.

[

←5

]

Уловка-22 (англ. Catch-22) — ситуация, возникающая в результате логического парадокса между взаимоисключающими правилами и процедурами. В этой ситуации индивид, подпадающий под действие таких норм, не может их никак контролировать, так как попытка нарушить эти установки автоматически подразумевает их соблюдение.

[

←6

]

Лестница Иакова — англ. Jacob's Ladder, — американский мистический триллер 1990 года. По сюжету ленты, главный герой, почтальон и ветеран войны во Вьетнаме Джейкоб Сингер, страдает от видений демонических существ, проявляя признаки посттравматического стресса.